ПАМЯТНИКИ
ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

БУРЯТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

АЛАМЖИ МЭРГЭН

92-01125

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ҮЛЬГЭР

АЛАМЖИ МЭРГЭН ХҮБҮҮН
АГУЙ ГООХОН ДҮҮХЭЙ ХОЁР

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

БУРЯТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

АЛАМЖИ МЭРГЭН МОЛОДОЙ И ЕГО СЕСТРИЦА АГУЙ ГОХОН

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

В ПОДГОТОВКЕ СЕРИИ УЧАСТВУЮТ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ФОЛЬКЛОРУ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ЯКУТСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

●

ИНСТИТУТЫ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК И ОБЛАСТЕЙ

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ТУВИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

●

СОВЕТСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

●

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОЗНАНИЯ

СОЮЗ КОМПОЗИТОРОВ СССР

ВСЕСОЮЗНАЯ КОМИССИЯ ПО НАРОДНОМУ МУЗЫКАЛЬНОМУ ТВОРЧЕСТВУ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР

ИНСТИТУТ ТЕАТРА, МУЗЫКИ И КИНЕМАТОГРАФИИ им. Н. К. ЧЕРКАСОВА
НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М. И. ГЛИНКИ

СОЮЗ КОМПОЗИТОРОВ РСФСР

КОМИССИЯ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРА

ВСЕСОЮЗНОЕ ТВОРЧЕСКО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ФИРМА МЕЛОДИЯ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Н. А. Алексеев, Э. Е. Алексеев, В. М. Гацак (зам. главного редактора), *А. П. Деревянко* (главный редактор), *Н. В. Емельянов, И. И. Земцовский, Х. Г. Короглы, А. И. Крушанов, Е. Н. Кузьмина* (ответственный секретарь), *Д. С. Лихачев, Ю. С. Мелентьев, Б. Н. Путилов, В. М. Санги, Ю. И. Смирнов, А. Б. Соктоев* (зам. главного редактора), *М. И. Тулохонов, Е. И. Убрятова, Ю. И. Шейкин*

Художественное оформление серии

А. А. Рюмина

В ПОДГОТОВКЕ ТОМА УЧАСТВОВАЛИ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ СО АН СССР

БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК СО АН СССР

ВСЕСОЮЗНАЯ КОМИССИЯ ПО НАРОДНОМУ МУЗЫКАЛЬНОМУ ТВОРЧЕСТВУ
СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ СССР

КОМИССИЯ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРА СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ РСФСР

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М. И. ГЛИНКИ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РСФСР

Сказитель
Елбон Шалбыков

Вступительная статья, подготовка текстов, перевод, комментарии
М. И. Тулохонова

Редакторы перевода
С. П. Рожнова, А. Б. Соктоев

Музыковедческая статья
Д. С. Дугарова, Ю. И. Шейкина

Нотные записи
Д. С. Дугарова

Фотоиллюстрации
В. Т. Новикова

S82.3(2)Буря)'-431.06

ББК 82.3 Сиб+82.3 Бу
Б 90

Рецензенты

доктор филологических наук *А. И. Уланов*
кандидат филологических наук *М. П. Хомонов*

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР

Ответственный редактор тома
доктор филологических наук
А. Б. Соктоев

Новосибирская
областная научная
библиотека
№ 9201125

Бурятский героический эпос / Сост. М. И. Тулохонов. — Новосибирск:
Б 90 Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — 312 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
ISBN 5—02—029388—1

Улигер «Аламжи Мэргэн» — один из лучших образцов бурятского эпоса. В нем предстает древний эпический мир, полный опасностей, преодолеваемых батором на «восьмидесятисаженном коне». Замечателен поэтический стиль. Уникальная эхирит-булагатская запись Ц. Ж. Жамцарано 1903 г. от Елбона Шалбыкова (5297 стихов) впервые сопровождается переводом, статьями и комментариями филологического, музыковедческого и этнографического характера. На грампластинке даны образцы звучания улигеров той же локальной традиции и исполнительской «школы».

Издание рассчитано на фольклористов, литературоведов, этнографов, широкий круг читателей.

Б $\frac{4702000000-018}{042(02)-91}$ 716—90 II полугодие

ББК 82.3 Сиб+82.3 Бу

ISBN 5—02—029388—1

© Издательство „Наука", 1991

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Основная цель серии — научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений народов Сибири и Дальнего Востока. В совокупности фольклорная классика этого обширного края, отличающаяся яркой самобытностью, предстанет в серии как богатая и неотъемлемая часть общего культурного достояния народов нашей страны.

Огромное число вариантов, версий, произведений публикуется впервые. Это придает серии уникальную новизну.

Тексты воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка.

Серия носит двуязычный характер.

Национальные тексты (за исключением, разумеется, русских) сопровождаются параллельным переводом на русский язык. Исходя из фольклористических принципов, переводчики стремятся точно уловить и передать по-русски в наиболее соответствующем оригиналу словесном оформлении суть поэтической мысли. Обязательное требование к переводу — сочетание точности с доступностью для широкого круга читателей. Поэтические образы, этнобытовые и другие реалии специфического характера поясняются в комментариях и словарях.

Подача национального текста и русского перевода координируется посредством нумерации стихов или частей (смысловых блоков).

Серии в значительной мере придается комплексный характер, с особым акцентом на сочетании филологического, музыковедческого, этнографического подходов.

К каждому тому прилагается грампластинка с образцами публикуемых вариантов произведений. Но бывают случаи, когда их фонограмм не существует (это относится, например, к ряду эпических сказаний, зафиксированных в свое время только в вербальной записи). В таких ситуациях сочтено целесообразным давать для ориентации фрагменты другой звукозаписи, запечатлевшей то же самое произведение или, по крайней мере, ту же самую местную традицию. Музыковедческий анализ позволяет представить, путем неизбежно гипотетической экстраполяции, какие черты звучания могли быть свойственны и публикуемому произведению или варианту.

В состав серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» входят следующие книги (названия могут уточняться в процессе подготовки издания):

Алтайский фольклор (в 4 т.)

Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

*

Бурятский фольклор (в 7 т.)

«Аламжи Мэргэн». Героический эпос
«Осодор Мэргэн». Героический эпос
Волшебные сказки
Сказки о животных и бытовые
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

*

Нанайский фольклор (в 2 т.)

Нингман, сиохор, тэлунгу
Песни и обрядовая поэзия

*

Нивхский фольклор (в 2 т.)

Героический эпос и народные песни
Мифы и предания

*

Русский фольклор Сибири и Дальнего Востока (в 6 т.)

Эпическая поэзия
Сказки волшебные и о животных
Сказки легендарные и бытовые
Лирическая поэзия
Обрядовая поэзия
Несказочная поэзия

*

Тувинский фольклор (в 4 т.)

Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

*

Хакасский фольклор (в 4 т.)

Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

*

Эвенкийский фольклор (в 3 т.)

Героический эпос
Сказки, легенды и предания
Песни и обрядовая поэзия

*

Эвенский фольклор (в 2 т.)

Героический эпос и песни
Сказки, легенды и предания

*

Якутский фольклор (в 6 т.)

«Кыыс Дэбилийэ». Героический эпос
«Модун Эр Соготох». Героический эпос
Сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

*

Фольклор (по одному тому)

Белорусский
Долганский
Еврейский
Ительменский
Керекский
Кетский
Корякский
Мансийский
Нганасанский
Негидальский
Ненецкий
Селькупский
Сибирских татар
Тофаларский
Удэгейский
Украинский
Ульчский
Хантыйский
Чукотский
Шорский
Энецкий
Азиатских эскимосов
Юкагирский

Вступительная статья к серии помещена в первом томе — «Эвенкийские героические сказания», вышедшем в свет в 1990 г.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

1991 г.

РУССКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

«КЫЫС ДЭБИЛИЙЭ». ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

БУРЯТСКИЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

1992 г.

НАНАЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР: НИНГМАНЫ, СИОХОР, ТЭЛУНГУ

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ВОЛШЕБНЫЕ И О ЖИВОТНЫХ

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ЛЕГЕНДАРНЫЕ И БЫТОВЫЕ

ТУВИНСКИЕ СКАЗКИ

БУРЯТСКИЕ НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

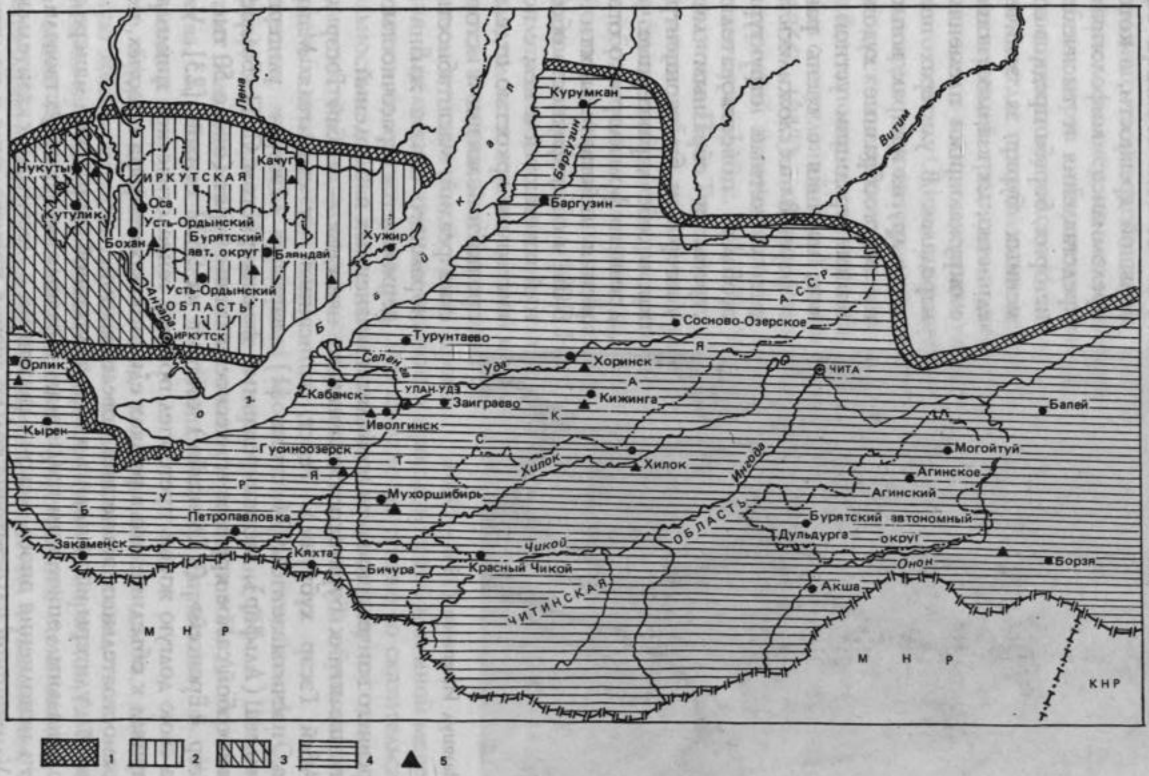
БУРЯТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС «АЛАМЖИ МЭРГЭН»

Буряты (самоназвание — бурят) — коренное население Бурятской АССР. Они живут также в Агинском бурятском автономном округе Читинской области, Усть-Ордынском автономном округе Иркутской области и в некоторых районах других областей РСФСР. Численность бурят в СССР 422 тыс. чел. Этнические группы бурят живут также в северной части Монгольской Народной Республики и на северо-востоке Китайской Народной Республики.

К XVII в. буряты состояли из нескольких племенных групп, крупнейшими из них были булагаты, эхириты, хоринцы и хонгодоры. Сближение бурятских племен между собой и их последующая консолидация в единую народность обусловливались этническим родством, близостью культуры и языка, а также социально-политическим объединением племен после вхождения в состав России. Этот процесс в целом завершился в XIX в. Племенные различия стирались, однако сохранялись диалектные особенности языка.

Основу хозяйства бурят в прошлом составляло скотоводство, полукочевое у западных племен и кочевое у восточных; некоторую роль в экономике играли охота и рыболовство. В XVII—XIX вв. распространилось земледелие, особенно в Иркутской губернии и Западном Забайкалье. Бурятские племена жили и развивались в окружении разных народов. Их материальная и духовная культура имеет общие черты с культурой монголов, калмыков, а также тюркских народов Сибири. Свою государственность буряты создали только после победы Октябрьской социалистической революции.

Буряты не имели в прошлом развитой письменной художественной литературы. С середины XVIII в. появляются записи произведений устного народного творчества — образцы благопожеланий, песен, преданий, сказок. Оригинальны и неповторимы по содержанию и форме древние мифы, легенды и предания, пришедшие из глубины веков. Таковы, например, повествования о женщине, сотворившей Землю, о первопредках Булагате и Эхирите, о Буха-нойоне, о Байкале и его дочери-красавице Ангаре. Повсеместно бытуют в народе протяжные лирические песни, сказки, пословицы и поговорки, благопожелания, загадки. Однако среди разных проявлений устной поэзии бурят неоспоримый приоритет всегда признавался за улигерами. Это — вершина народного творчества.



Карта-схема распространения бурятского героического эпоса (улигеров).

1 — граница бытования улигеров; улигерные традиции: *2* — эхирит-булагатская, *3* — унгинская, *4* — хоринская; *5* — районы активного бытования улигеров.

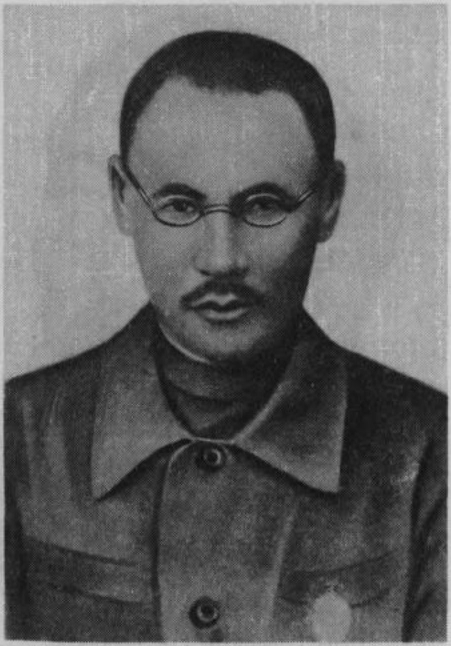
Маншуд Имегенов (1849—1908).

Улигеры — крупные эпические поэмы (бывают тексты в 5—20 тыс. стихов и более) большой древности, в которых преломились мифологические представления и тысячелетняя история, борьба предков современных бурят за этническое единство, их взаимоотношения с окружающими племенами и народами. В улигерах полнее, чем в других жанрах, воплощены многообразные художественные традиции устной поэзии, начиная с очень ранних ее форм. В них сложились типовые сюжетные структуры с особым повествовательным строем и образным миром. Улигер как бы сконцентрировал в себе характерные черты древнего фольклорного отображения действительности. Глубина и специфичность обобщений сочетаются в нем с постоянством и яркостью отдельных проявлений жизни и исторических реалий, масштабность панорамного охвата жизни поддерживается красочностью зарисовок древнего эпического мира и обилием жизненных наблюдений.

Главный памятник бурятского эпического наследия — «Абай Гэсэр могучий» («Абай Гэсэр хүбүүн»). Текст, записанный от сказителя Маншуда Имегенова, насчитывает 22074 стиха [1]; вариант «Гэсэра» улигершина А. О. Васильева (Альфор), зафиксированный фольклористом С. П. Балдаевым, представляет собой самое крупное эпическое сказание бурят (около 50 тыс. стихов). Улигер «Еренсей» («Ерэнсэй») состоит из 9522 стихов [23]. Улигер о Гэсэре за свою долгую жизнь претерпел процесс генеалогической циклизации, который привел к объединению в рамках единого сюжета ряда простых, первоначально самостоятельных эпических повествований.

В прошлом улигеры исполнялись в индивидуальной творческой манере соответственно локальным эпическим традициям. В разных местах существовали свои особенности исполнения эпоса, искони связанные с местными сказительскими школами. Улигершину недостаточно только знания произведения и памяти. Его искусство требует особых сказительских, в том числе музыкальных и певческих, способностей. Он должен в полной мере овладеть художественной системой

эпоса, чтобы воспроизведение сказания приобрело цельный, завершенный характер. Среди сказителей встречались люди разного творческого склада и исполнительских манер, но всех их объединяет общая черта — бережное отношение к воспринятому тексту. Исполнение улигера всегда предполагало верность предшествующей традиции и соблюдение точности в воспроизведении унаследованного текста. Одним из улигершинов, которые строго придерживались «канонического» устного текста, избегая в ходе исполнения каких-либо вольностей и отступлений, был Пеохон Петров (1866—1943) с ангарского острова Уйга, хороший знаток старины, нравов и обычаев бурят [40, с. 291; 79]. Унгинский сказитель Папа Тушемилов (1877—1945) являл собой другой тип улигершина, более свободного, раскрепощенного в обращении с улигером, наделенного большим творческим воображением и даром импровизации [80]. Но и у него импровизация касалась главным образом художественных деталей и подробностей и сочеталась с бережным отношением к поэтической ткани произведения. В целом все крупные сказители прошлого в той или иной мере оставили свою печать на «лике» улигеров. Это связано не только со сказительской индивидуальностью, но и с теми изменениями в жизни, быту и сознании народа, которые постепенно, исподволь откладывались в тексте и образовывали наслоения разных исторических эпох.



Александр Онгоевич Васильев — Альфор (1887—1945).

Большим знатоком бурятского эпоса и мифологии был А. О. Васильев (Альфор), живший в Приангарье в первой половине XX в. Широкой известностью пользовались имена талантливых улигершинов П. Дмитриева, С. Шанаршеева, А. Балдакшинова, П. Степанова, Б. Барнакова, Б. Жатухаева, А. Тороева и др.

Не будучи профессионалами в прямом смысле слова, сказители вели обычную жизнь сельских тружеников: занимались скотоводством, земледелием, охотничьим промыслом. Батраками были сказители Б. Барнаков, А. Тороев, в бедности жили П. Петров и А. Васильев. Улигершины пользовались большой популярностью в народе, повсюду их окружали почетом и уважением, что нашло отражение в пословице: «Улигершина угощают пенками и тараком, сказочника сажают на ковер и подушку» (Үлигэршэ хүн үрмэ тараг дээрэ, онтохошо хүн олбог шэрдэг дээрэ).

Исполнение улигера в прошлом считалось непростым делом и не сводилось к развлечению слушателей (в часы досуга, в долгие зимние вечера). Обычно оно

Папа Тушемилов (1877—1945).

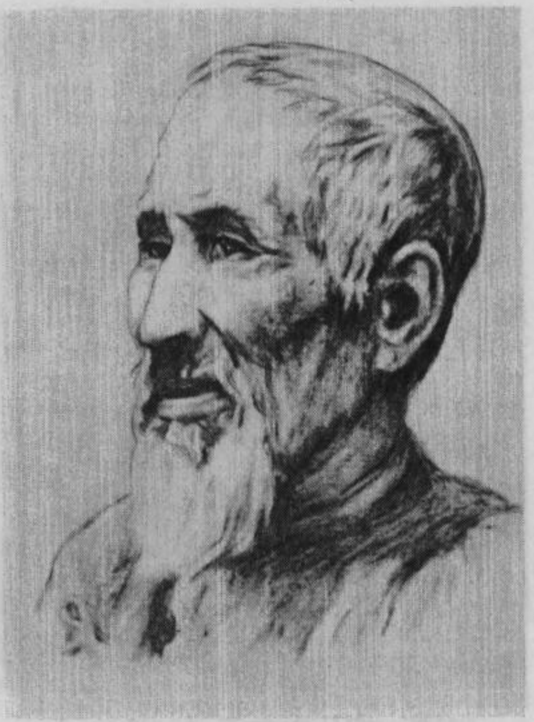
происходило при значительном стечении народа и приурочивалось к какому-либо общественному событию. Улигеры, как правило, исполнялись перед походом или накануне охоты. Ц. Ж. Жамцарано отмечал: «Улигер поют (сказывают) для достижения разных благ, например для исцеления больных, для прозрения слепых, успеха ради в промыслах, на охоте, на облавах, во время ловли рыбы и т. д.; улигер способствует успеху в походах» [24, т. 1, вып. 2, с. 17].

Слушание улигеров органически входило в хозяйственно-бытовой и духовно-обрядовый комплекс древнего коллектива. Это было обязательно, например, в ритуале предохотничьих приготовлений таежных облавщиков. «По прибытии на место охоты буряты совершали некоторые обряды, имевшие целью ублаготворить духов зверей и лесов, от которых зависит тот или иной исход охоты. Затем вечером, перед сном, певец расстилал в шалаше свой белый войлок (не запачканный конским потом), на нем ставили зажженные ветки можжевельника, чашку с вином или молоком, втыкали в него стрелу и пр. и всю ночь, до первых проблесков утренней зари, протяжно распевали свою эпопею: без этой церемонии охота, по убеждению бурят, не могла быть удачной» [60, с. IX—X]. Так понимали потаенный смысл улигера и назначение сказительского дела улигершины Кудинской долины (Маншуд Имегенов, Елбон Шалбыков, Лазарь Бардаханов), с которыми в начале XX в. не раз встречался и долгое время работал Ц. Ж. Жамцарано. Собиратель отметил, что для исполнения улигеров требуется «известная возбуждающая среда» — слушатели, знающие содержание эпических поэм и разбирающиеся в тонкостях сказительского искусства.

Эстетическая функция улигеров начинает проявлять себя постепенно. По мере поступательного развития жизни эпос все более утверждался как художественный феномен, удовлетворяющий эстетические потребности людей. Однако обрядовая сторона исполнения долго сохраняла силу сопутствующего условия. В старину улигеры слушались в определенное время и в соответствующей обстановке. Например, Пеохон Петров обычно пел улигеры в осенние и зимние вечера, на досуге. К этому вечеру готовились и улигершин, и слушатели, и все жили ожиданием встречи со сказанием о «делах давно минувших дней». Сказкой слушатели наслаждались, восхищались игрой вымысла и фантазии, а улигеру трепетно внимали и верили. Улигеры воспринимались с глубокой эмоциональ-

ностью и серьезностью, их воздействие всегда было сильным и «очищающим». П. Петров «глубоко верил, что события, описанные в поэмах, имели когда-то место в действительности» [79, с. 47]. Такое отношение к улигеру — доминантная черта в восприятии сложного улигерного мира, оно в разной степени всегда присутствует у носителей эпической традиции. Это усиливало художественное впечатление от исполнения, поэтическая ткань улигера приобретала своеобразную многомерность и глубокий смысл.

* * *



Парамон Дылгирович Дмитриев (1883—1958).

Образцы фольклорного творчества бурят впервые привлекли внимание участников экспедиций XVIII в. Российской Академии наук П. С. Палласа, С. Г. Гмелина, И. Г. Георги, Г. Ф. Миллера и др. Эпические произведения также становились предметом их интереса, наряду с мифами, легендами и преданиями. П. С. Паллас упоминает имя Гэсэра и пишет, что существует сказание о нем [82, с. 121—122].

Начало систематического собирания эпических произведений бурят относится к концу XIX в. и связано с именами Г. Н. Потанина [53, 54] и М. Н. Хангалова [71]. Они первыми стали планомерно записывать улигеры; им, в частности, принадлежит заслуга обнаружения цельных эпических сказаний о Гэсэре. Однако опубликованные исследователями материалы представляют собой не оригиналы, а изложение на русском языке.

М. Н. Хангалов занимался сбором произведений разных жанров, переводом их на русский язык. Большинство текстов издано в различных сборниках в 1889—1903 гг. С начала XX в. в орбиту исследований вводятся полные эпические произведения, зафиксированные текстологически точно. Публикацией такого рода явились «Образцы монгольской народной литературы» [24], вышедшие в 1913—1931 гг. В этой серии издавались тексты на бурятском языке в академической транскрипции. В 1913—1914 гг. увидел свет «Хори-бурятский говор», где А. Д. Руднев опубликовал с переводом на русский язык эпические тексты «Лодой Мэргэн», «Шоролтор Мэргэн», «Старец Жибжэн» («Үбгэн Жэбжэнэй») [57].

Бура Барнаков (1884—1966).

М. Н. Хангалов в подробном изложении издал сказание об Абай Гэсэре, относящееся к унгинской эпической традиции, а также повествования о богатырях Ута Сагане, Эрэ Тохоло Мэргэне, Гарьюлай Мэргэне, Хан Гужире, Баян Хара и Ангахай Мэргэне [71, с. 150—291].

Ц. Ж. Жамцарано, который записывал улигеры в 1903—1906 гг. в улусах Кудинской долины, по его собственным словам, удалось зафиксировать примерно треть из сохранившегося к тому времени репертуара местных улигершинов. Он опубликовал многие тексты и тем самым ознакомил ученый мир России с живыми образцами эпического творчества бурят. В двух томах «Образцов. . .», выходивших несколькими выпусками, были напечатаны «Аламжи Мэргэн», «Айдурай Мэргэн», «Еренсей», «Абай Гэсэр», «Ошор всемогущий и смуглоликий Алтай» («Ошор Богдо и Хурин Алтай»), «Ха-Ошир» (два варианта). Изданию были предпосланы предисловие А. Д. Руднева и введение самого собирателя [24, т. 1, вып. 1, с. III—XXXIV]. Третий выпуск второго тома увидел свет в 1972 г. [15]. В нем в академической транскрипции, без перевода и комментариев опубликовано пять улигеров, в их числе сказания «Могучий темноликий богатырь» («Бухү Хара-хүбүүн») и «Шонходой меткий молодец» («Шонходой Мэргэн-хүбүүн»). Тексты характеризуются значительным объемом и представляют собой типичные образцы эпического наследия эхирит-булагатов, зафиксированного в пору повсеместного бытования улигеров. Особенно выделяется в этом ряду эпопея «Абай Гэсэр-хүбүүн», являющаяся эхирит-булагатским вариантом эпоса о Гэсэре и включающая в себя по принципу генеалогической циклизации повествования о сыновьях Гэсэра Ошор Богдо и Хурин Алтае.

«Абай Гэсэр могучий», «Еренсей», «Айдурай Мэргэн» переизданы на современной бурятской графике с русским переводом М. П. Хомонова [1—3, 23]. Вариант улигера «Абай Гэсэр могучий» перевела и опубликовала Н. О. Шаракшинова [77]. В 1982 г. Д. Г. Дамдинов издал эпические произведения ононских хамниган (монголизированная группа эвенков) [21].

Большое количество эпических текстов собрал С. П. Балдаев (1889—1978), начавший фольклористическую деятельность в начале 1900-х гг. Основоположник

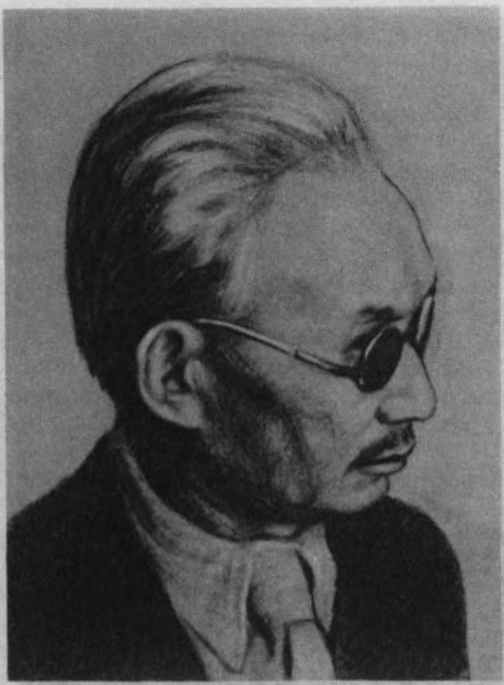
бурятской литературы Х. Намсараев (1889—1959) проявлял постоянный интерес к устному творчеству народа. В 20-е гг. им записаны улигеры «Хараатур Хан», «Пятнадцатилетний Ананда» («Арбан табатай Ананда»), «Гунхабай Мэргэн» [51, с. 52—53].

В 20-е гг. у аларских бурят Г. Д. Санжеев записал улигеры «Тулэй Мэргэн», «Последыш Уландай Мэргэн» («Орэ Хэнзэ Уландай Мэргэн»), «Молодец с головой соболя» («Булган толгой-хүбүүн), «Эрэ Дохлой-богатырь» («Эрэ Дохлэй-батор») [83]. Им же собрана коллекция образцов окинского эпоса. Улигеры записывали писатели Д. Д. Хилтухин, Н. Г. Балдано, А. И. Шадаев, ученые-фольклористы И. Н. Мадасон, А. И. Уланов, М. П. Хомонов, Н. О. Шаракшинова и др. В 1960—1961 гг. в разных изданиях выходили отдельные улигеры в записи С. П. Балдаева, Д. Д. Хилтухина, П. Б. Балданжапова [7—9].

Бажей Егорович Жатухаев (1891—1983).

Исследователями героического эпоса бурят вначале были сами собиратели. Из исследований первого этапа изучения народного эпоса наиболее обстоятельными являются «Заметки о монгольском героическом эпосе» Ц. Ж. Жамцарано, опубликованные в качестве предисловия к третьему выпуску его «Произведений народной словесности бурят» [24, т. 1, вып. 3]. Первой крупной работой, в которой рассматривались вопросы эпического творчества бурят на общем фоне монголоязычной эпики, была книга «Монголо-ойратский героический эпос» Б. Я. Владимирцова [17]. Ученый подчеркнул архаичность бурятских эпических традиций, их связь с эвенкийским эпосом. М. Н. Забанов исследовал историко-этнографические реалии, содержащиеся в улигерах, сравнил их типовые сюжеты [27]. В 1936 г. ряд работ посвятил бурятскому эпосу Г. Д. Санжеев, он первым выделил стадиальные образования в бурятском эпосе, охарактеризовал типы сказителей, исследовал древнюю идеологию на основе содержания архаичных улигеров [58—60].

В 1950—1970-е гг. ряд важных исследований по бурятскому эпосу выполнил А. И. Уланов [64—68]. Ученый на основе сопоставительного анализа выявил родовые черты и типологические особенности бурятских улигеров, выделил стадиальные образования, особенности отражения древней идеологии и мировоззренческих представлений. А. И. Уланов впервые подошел к изучению улигеров в контексте всего фольклора бурят, исследуя линии связей и взаимовлияний



Аполлон Андреевич Тороев (1893—1982).

в семье древних жанров, показывая их синкретизм и обусловленность этнографическим комплексом древнего общества. Н. О. Шаракшиновой принадлежит ряд публикаций и исследований, освещающих эпическое творчество бурят как искусство слова, выявляющих схождения и параллели между различными стадиальными типами — эхирит-булагатскими, хоринскими, унгинскими улигерами. Подробно ею рассмотрены образы, композиция, язык и стиль улигеров [76, 77].

В 1976 г. издана монография М. П. Хомонова «Бурятский героический эпос „Гэсэр“» [72]. В ней освещены вопросы мифологического мировоззрения, древней идеологии, отразившейся в фактуре улигера; в сопоставлении рассмотрены эхирит-булагатский и другие варианты «Гэсэра». В 1980 г. вышла содержательная книга Е. Н. Кузьминой «Женские образы в героическом эпосе бурятского народа», в которой обобщен значительный фольклорный материал [34].

На основе сравнительно-исторического исследования большого языкового материала изучает проблему происхождения Гэсэриады, ее поэтики и стихосложения С. Ш. Чагдуров [74, 75].

Эпосоведческим исследованиям посвящен ряд тематических сборников последнего времени, вышедших в Улан-Удэ [42, 55, 63, 81]. Различные вопросы бурятских героико-эпических традиций освещаются в статьях М. П. Хомонова, М. И. Тулохонова, Д. А. Бурчиной, Д. Д. Гомбоин, М. Н. Намжиловой, Р. А. Шерхунаева, исследуются вопросы типологии, сюжетных структур, композиции, поэтики эхирит-булагатских, хоринских, унгинских улигеров.

Ученые считали бурятский героический эпос типологически более ранним, чем, например, тюркоязычный эпос среднеазиатских народов [26, 44, 66, 76]. В нем, как и в эпосе народов Центральной Азии и Южной Сибири, преломились существенные черты общественных отношений эпохи от родового общества до ранних государственных объединений. В содержании эпоса прослеживаются древние мифологические сюжеты, но его герои борются не только с демоническими существами — *мангадхаями*, но и с ханами — иноземными захватчиками.

Возникновению героического эпоса у древних племен Центральной Азии и Южной Сибири предшествовали разнообразные мифы и легенды о космогони-

ческих героях-великанах. Эпос возникает в виде героической песни, повествующей о подвигах богатырей [61, с. 26]. В архаическом эпосе вначале фигурирует богатырь-охотник, который по мере развития общества и эпической поэзии превращается в богатыря-воина, совершающего подвиги уже иного характера. Но ранние охотничьи мотивы сохранились в сюжете улигеров и срослись с поздними мотивами, связанными с героическим сватовством и военным противоборством с враждебными племенами.

Улигеры, записанные у бурят Кудинской долины и в верховьях Лены, составляют группу так называемых эхирит-булагатских улигеров. По структуре сюжета и по ряду типологических признаков они относятся к эпосу догосударственному. В них получили героическую трактовку в формах и масштабах эпической идеализации борьба со стихийными силами природы, освоение ее, межплеменные столкновения, сватовство и создание семьи богатырем. К этому типу улигеров относятся «Абай Гэсэр могучий», «Еренсей», «Аламжи Мэргэн», «Харасгай Мэргэн», «Могучий темноликий богатырь».

Академик Б. Я. Владимирцов писал: «Бурятский эпос существовал издавна, развивался, подчинялся тем или другим влияниям, принимая в себя разные напластования, вылился наконец в форму больших эпопей и теперь заметно начинает клониться к упадку, забываться и исчезать» [18, с. 16]. Он уточнил, что «бурятские эпопеи — настоящие эпопеи ... они не могли явиться сразу, а должны были сложиться постепенно, постепенно вылиться в эти формы, в каких мы застаем их ныне» [Там же, с. 19]. Такой мотив бурятских улигеров, как борьба с *мангадхаями* (антропоморфные существа) и чудовищами, мог возникнуть в условиях охотничьей жизни их создателей.

Сюжетную основу улигеров составляют две ведущие темы: 1) борьба богатыря с чудовищами и врагами; 2) сватовство и женитьба героя и связанные с ними богатырская поездка и испытания женихов. Все значимые эпизоды в улигерном повествовании сцеплены между собой, они располагаются в определенной последовательности и в сюжетной цепи художественно раскрывают эти мотивы.

Все повествование пронизано эпическим осмыслением жизни: противостояние древнего коллектива внешнему миру проходит в титанической борьбе с враждебными силами и эта борьба с самого начала всецело лежит на плечах улигерного *мэргэна* (*хубуна*, *батора*). Исполнение этого предназначения всегда связывается с выездом богатыря за пределы родной земли, с его дальней поездкой и длительным пребыванием на чужой стороне. Перед ним встают препятствия, одно труднее другого, противник сменяет противника, отдаляя достижение цели. В описаниях всевозможных дорожных испытаний, единоборства героя с враждебными силами, картин природы встает во всем величии и первозданной суровой красе древний мир, на просторах которого разворачиваются эпические события: совершаются подвиги, сокрушаются вражьи твердыни, уничтожаются злокозненные враги и мифические чудовища. Эпический мир улигеров полон ярких красок и трубных звуков: у высоких гор, в широкой Тамшинской степи скрещиваются пути эпических богатырей и их извечных врагов — *мангадхаев*. Борьба между ними носит титанический (временами богоборческий) характер. В орбиту этого могучего противостояния вовлекаются соплеменники, призываются на помощь чудесные силы и небесные божества. Мир улигерных образов богат и многолик: в эпическом действии, помимо главных героев, занято

множество персонажей: одни из них составляют окружение эпического богатыря, другие — противостоящий ему лагерь *мангадхаев* и иных противников. В этом пестром, «разноплеменном» улигерном мире занимают свое место и играют активную роль животные. Эти персонажи также делятся на группы дружественных и враждебных герою. Первые вступают с богатырем в отношения побратимства («десять лет будем побратимами»), для которых характерны взаимовыручка и помощь в опасные моменты жизни.

Елбон Шалбыков (Шалбагай), от которого в 1903 г. Ц. Ж. Жамцарано записал улигер «Аламжи Мэргэн», вырос и сформировался как сказитель в краю, богатом фольклорными, эпическими традициями. Улусы Кудинской долины издавна славились сказителями-улигершинами. Здесь жил и творил знаменитый Маншуд Имегенов, от которого в 1906 г. Ц. Ж. Жамцарано записал улигер «Абай Гэсэр могучий». Исследователи героического эпоса, форм его современного бытования отмечают живучесть и преемственность исполнительских традиций. Искусство сказителей Кудинской долины и верхней Лены (ареал распространения эхирит-булагатских улигеров) последовательно передавалось от поколения к поколению, и эта непрерывность обусловила сохранность и устойчивость художественной системы эпоса и стабильность исполнительских традиций. Еще недавно живший улигершин Бура Барнаков (1884—1966) многое в своем искусстве воспринял от сказительской школы М. Имегенова и Е. Шалбыкова, у него, в свою очередь, учились М. О. Олохоев и А. Б. Манжуев (улусы Байтог и Гахан Эхирит-Булагатского района). М. Имегенов и Е. Шалбыков были яркими представителями эхиритской сказительской школы, для которой характерна приверженность к унаследованному каноническому тексту и приемам сказывания улигеров. Они старались сохранить в неприкосновенности все значимые компоненты структуры улигера: композиционные элементы, художественные приемы и изобразительные средства. Вместе с тем в улигерах «Абай Гэсэр могучий» М. Имегенова и «Аламжи Мэргэн» Е. Шалбыкова наблюдаются примеры творческого отношения сказителей к воссозданию традиционного текста. Вариативность применения эпических формул, использование разнообразной фразовой синонимии в зависимости от контекста (сюжетной ситуации) характеризуют индивидуальный стиль этих сказителей.

Е. Шалбыков был мастером слова. Язык улигера «Аламжи Мэргэн» в его исполнении близок к общенародному бурятскому языку. Ц. Ж. Жамцарано писал: «Когда рапсод передает улигер, то он предварительно заготавливает возле себя чистую воду, чтоб пить время от времени, принимает полулежачее положение, полузакрывает глаза, уходя весь в атмосферу своей эпической поэмы, и протяжно, мелодично начинает петь, увлекаясь чем дальше, тем больше, развертывая перед слушателями одну картину за другой, передавая событие за событием с удивительным спокойствием и бесстрастием, несмотря на свою вдохновенность, на свое самое искреннее увлечение. Слушатели ему вторят в тех местах, где нужно» [24, т. 1, вып. 3, с. XII].

* * *

В центре повествования улигера «Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон» («Аламжи Мэргэн хүбүүн Агуй Гоохон дүүхэй хоёр») находится герой-богатырь, по имени которого по традиции назван улигер. В оригинале

герой носит имя Аламжи Мэргэн-*хубун. Хубун* — букв.: «юноша, парень». В эпическом контексте выделено и другое значение этого слова: «сын рода, племени», но оно приобрело и дополнительный оценочный смысл: «могучий; славный» (применительно к богатырю древнего эпоса). Термин *хубун* характерен для архаического произведения. Большинство бурятских эпических богатырей носят титул *мэргэн* — букв.: «меткий стрелок», например в улигерах «Айдурай Мэргэн», «Харасгай Мэргэн» и др. У имени Аламжи два приложения-эпитета — *мэргэн* и *хубун*. При сохранении четко ощущаемой связи богатыря с семейством ранних эпических героев (*хубун*) перед нами уже герой новой формации с выраженными чертами родоплеменного вождя-предводителя. Но это еще не классический тип эпического богатыря, возглавляющего славное воинство, выступающего во главе дружины, а скорее переходный тип улигерного богатыря, еще только пробующего себя в новой роли, примеряющего одежды мэргэна. Подтверждение тому — развернутый эпизод борьбы Аламжи Мэргэна с 600-головым *мангадхаем*. В этом эпизоде нашел цельное и художественно полноценное воплощение в традициях богатырской эпики мотив военного противоборства и непримиримой борьбы с представителями иного мира. Все повествование пронизано ощущением тревоги и предчувствием неизбежной встречи с иноземным пришельцем, нарушающим мирную жизнь близких богатырю людей.

К богатырю тянутся все нити улигерного действия: персонажи, встречаясь с Аламжи Мэргэном, создают естественное окружение героя в том жизненном пространстве, через которое ему суждено пройти и которое он осваивает на протяжении улигерного времени.

Образ народа, окружающего эпического богатыря, не изначален в эпосе. Он возник в ходе формирования данного жанра как результат отражения длительного процесса социального расслоения общества, когда ханы — родоплеменные вожди — все более стали выделяться из среды соплеменников. В ранних бурятских сказаниях действовал одинокий богатырь, не имевший ни подвластного ему народа, ни близкого окружения сподвижников-богатырей (например, в древнем улигере «Еренсей»). Гэсэр всегда показан среди сородичей и сподвижников. У него небесные и земные родители, две жены (небесная и земная), тридцать три богатыря и три тысячи воинов [1]. Герой публикуемого улигера, осуществляя свое предназначение, находится почти всегда в пути. В известном смысле богатырь проводит жизнь в седле. Вся его жизнь ориентирована на внешний мир: он, часто и подолгу находясь в чужих краях, встречается со множеством разных людей, антропоморфными существами (*мангадхаями*), олицетворяющими непознанные, подчас враждебные, природные и социальные силы. При всех поворотах судьбы богатырь почти никогда не остается один, его нельзя считать одиноким героем (ср. якутский Эр Соготох). Его предназначение не миссия культурного героя. Хотя его рождение на земле связывается со временем первотворения и ему приписывается устройство некоторых земных дел (проложил дорогу в тайге, построил дворец), он все же является предводителем своего рода-племени. Аламжи Мэргэн занят устройством общественных дел, и в этом плане его поездка в дальнее ханство и женитьба на дочери Далай Баян-хана Булад Хурай-девице предстают не как шаг личной биографии, но как большое общественное событие, затрагивающее интересы всего рода, а не только близкого окружения. Счастливое завершение свадебного путешествия воспринимается всем миром как общее торжество, а новорожденный наследник богатыря обычно объявляется сыном всего рода-племени.

О том, кем был Аламжи Мэргэн и какое положение занимал в своей среде, говорят такие строки: «Он родился хозяином / Земли, не имевшей хозяина, / Он утвердился ханом / У подданных без хана. . .» (стх. 290—293). Аламжи Мэргэн — военный предводитель родового объединения. Он занимает главенствующее положение среди подобных себе предводителей: «Он родился старшим / Среди тринадцати ханов, / Он родился главою / Семидесяти трех родов» (стх. 295—298).

Аламжи Мэргэн не охотник, а скотовод, обладатель многих стад и табунов. Это обстоятельство в некотором смысле явилось причиной злых козней со стороны дядей Хара Зутана и Шара Зутана, пославших племянника на единоборство с 600-головым *мангадхаем.*

Богатырь полон решимости и осознает свой долг перед родным краем и близкими людьми, что выражено характерной эпической формулой: «Мужчина добьется задуманного, / Женщина сошьет скроенное» (стх. 938—939). Он берет на себя миссию противостояния враждебным силам, всегда стремится встретить непрошеных пришельцев за пределами своей земли. Этим объясняется заблаговременная и усиленная подготовка его к встрече с *мангадхаем*: борьба предстоит трудная, изнурительная.

Обычно герои улигеров встречаются с несколькими противниками, и часто дело оборачивается так, что сила и сноровка врагов возрастают от одной встречи к другой. Так обстоит дело во всех известных вариантах «Гэсэра».

В большинстве простейших по структуре — «одноходовых» (Г. Д. Санжеев) — улигеров все помыслы и поступки героя связаны с матримониальными заботами и обусловлены обстоятельствами сватовства и богатырской поездки. Это своего рода главная идея и сюжетный стержень данного типа улигеров: все эпизоды и сюжетные ходы организованы, сцеплены и соотнесены с этой центральной установкой. Путь к Далай Баян-хану, у которого живет предопределенная герою суженая Булад Хурай, немыслимо далек от родных кочевий Аламжи Мэргэна, изобилует множеством дорожных преград и встреч с разными людьми и существами.

Удаляясь «на юг от дома родного», Аламжи Мэргэн в тайге проложил широкую дорогу, и, как он сам говорит, «По этой торной дороге / Будут ездить внуки и правнуки!» (стх. 1433—1434). В этом видится генетическая связь Аламжи Мэргэна с героями ранних мифологических сказаний, восходящих к временам первотворения и повествующих о подвигах культурных героев.

Основной подвиг Аламжи Мэргэна, характеризующий его героико-подвижническую суть и роднящий его со славными богатырями бурятских улигеров, — это его сражение с 600-головым *мангадхаем,* который назван «могучим».

Аламжи Мэргэн из-за козней двух дядей Зутанов сходится в открытом бою с могучим *мангадхаем,* и в этой титанической битве в полной мере проявляется его героизм.

Борьба противников, по эпической традиции, разыгрывается на широкой равнине, у одинокого степного дерева. Богатырь неуязвим: все попытки *мангадхая* поразить своим оружием спящего героя безрезультатны, не дает преимущества кому-либо из противников и рукопашная схватка. Только чудесной хангайской стрелой удается Аламжи Мэргэну сразить многоголовое чудище. *Мангадхай* «уходит в иной мир». В сущности, та же участь постигает и его жену, черную ханшу: Аламжи Мэргэн заклял ее, чтобы она никогда не смогла произвести на свет злобных существ.

Хотя противники богатыря наделены чудовищной силой, велики ростом, живучи и жизнестойки, они все же уступают ему в «умственной силе», более примитивны в духовной сути. Воинскими делами Аламжи Мэргэн близок и родственен Гэсэру, главному эпическому богатырю монголоязычной эпики.

После победы над *мангадхаем* перед Аламжи Мэргэном, по внутренней логике эпического действия, открывалась дорога в дальнее ханство, однако он гибнет еще на подступах к выполнению основной задачи — перед сватовством. Включение добавочного эпизода с целью возвысить героя не ломает устоявшегося рисунка сюжетного действия. Следуя эпической традиции, герой уступает дорогу своей сестре Агуй Гохон. Аламжи Мэргэн, верный заветам старины и отцовским обычаям, не хочет стать причиной самоубийства дядей Хара Зутана и Шара Зутана и, несмотря на ум и провидческий дар, попадает в ловушку и гибнет от рук близких ему людей. Исключение героя из сюжета эпических произведений подобного типологического строя неизбежно и как бы запрограммировано. Он погибает, уступая дорогу и роль жениха в героическом сватовстве своей сестре.

Отныне все богатырские деяния — дело рук и ума Агуй Гохон. Теперь она под именем брата отправляется в дальнее ханство дорогой Аламжи Мэргэна, приняв его облик, в его одежде и доспехах, на его коне — аргамаке. Все богатырские обязанности в связи со сватовством тяжелой ношей ложатся на нее. Но столь непреложны общинные законы, которые исповедуют герои эпоса, столь велика сила патриархальных традиций и родовых заветов, настолько важно и «судьбоносно» дело богатыря — героическое сватовство, что его сестра должна пройти через все испытания, в которых будут проверены ее мужество, смекалка, верность отчему дому и интересам брата.

Хотя Агуй Гохон и знает о неизбежности своего перехода в чужой род («Ведь я / Не твое дитя, / Я девушка. . . для чужбины» — стх. 1224—1226), она с завидным постоянством и большим упорством продолжает борьбу за приезд суженой брата в его дом. Выехав за пределы своей земли, она — теперь уже под именем Аламжи Мэргэна — попадает в величественный эпический мир, полный неизведанных тайн, грозных природных сил и враждебных существ. Здесь и огромные девяносто три моря, которые, «сливаясь, там текут», горы, уходящие в поднебесье, мифическая птица *тураг*, исполинские лягушки, оборотень — перевоплощение *мангадхая*. Все это враждебно настроенные силы, способные нанести непоправимый вред богатырю и помешать осуществлению его жизненного предназначения. Но в мире есть и дружественные силы, например «неохватная взглядом» рыба налим или могучая птица орел. Первая помогла герою перебраться через море, а птица перенесла его на себе через высокую гору.

Эпос верен правде жизни в главном: в мире сталкиваются и бьются добрые и злые силы, есть враги и друзья — все переплелось в тугой узел, и нужны большое мужество и твердость намерений, чтобы не дрогнуть в час испытаний и с достоинством преодолеть все препятствия.

Агуй Гохон присущи «свойства, идеальные в представлении коллектива» [20, с. 153]. Она в большей мере наделена знанием жизни и людей. Она находчива и сметлива, не теряется в трудную минуту, лучше приспособлена к меняющимся обстоятельствам жизни. Ее эпическая «сверхзадача» — спасение (оживление) брата с помощью его суженой, живущей в дальнем ханстве, у которой в чудотворных пальцах «волшебная сила».

Сюжетный «код» улигера таков, что, прежде чем стать женой богатыря, суженая должна вначале оживить его, вернуть ему богатырский облик. Так, преодолев все преграды и препятствия, сестра добывает воскресительницу и жену для Аламжи Мэргэна — Булад Хурай. Сама тенденция развития улигера ведет к этому. В образе суженой-воскресительницы соединены черты мифической женщины (оживляющей мертвых) и собственно невесты — девушки редкой красоты.

Образы Хара Зутана и Шара Зутана заимствованы из монгольской Гэсэриады, там они выступают под именами тибетских князей Санлуна, Царкина, Цотона. В эхирит-булагатской эпической традиции образ Цотона не только «раздвоился», но и приобрел противоречивую окраску. Если в «Аламжи Мэргэне» оба брата — отрицательные персонажи, то в улигере «Мэргэн, Ястреб удалой» («Нашан Хүйхэр Мэргэн») злому Хара Зутану противостоит добрый Сагаан Зутан. В большинстве сюжетов они не играют активной роли, только упоминаются как родственники богатыря (смотрят за его стадом).

В улигерах типа «Аламжи Мэргэн» отражены в различных формах образного воплощения фетишизация, тотемистические, анимистические представления древних. Олицетворение природы, зооморфные и антропоморфные персонажи, изображение людей в улигерах представляют собой этапы постепенного освоения сокровенного смысла различных вещей и явлений. Все сущее — живые существа, предметы и явления природы — наделено в улигере чувством и разумом, действует в условиях реальной жизни. Здесь мы имеем дело с перенесением свойств человека на окружающие его существа — попыткой объяснить непознанное с помощью известного.

В улигерах раннего типа часто фигурирует образ одушевленной горы, которая становится пристанищем погибшего богатыря и хранит его тело до определенного времени. Образ «живой» горы присутствует в архаичных сюжетах, где сестра спасает брата, добыв его суженую-воскресительницу, как в публикуемом сказании. В основе этого образа, несомненно, лежит жизненный опыт древних носителей эпоса. Гора в улигерах показана и как трудное препятствие на пути героя. Опыт и познавательные способности человека развивались в процессе длительной трудовой деятельности, в ходе освоения окружающей природы, постижения ее законов, мира вещей и явлений. Чудесный камень, целебное дерево, трава, живая вода, по его понятиям, обладают чудесными свойствами — с их помощью в известных обстоятельствах можно оживлять мертвых и исцелять больных. Например, камень способен принести удачу, помочь страждущим, одарить счастьем [23, стх. 9400—9417]. *Задай*-камень — могучее орудие, такими же считаются стрела и скребок. Огромного размера скребок в руках злобных *мангадхаек* может неотступно гоняться за жертвой. Хангайская заговоренная стрела богатыря способна поразить самого сильного врага (в уязвимое место), разыскать и доставить скрывающуюся душу *мангадхая*. В руках богатыря его стрела — самое сильное и надежное оружие [1, стх. 4925—4934]. Стрелой удается богатырю проложить дорогу в непроходимой чаще. Эпические персонажи пользуются также топорами, мечами, копьями, палицами, но все это появилось в качестве оружия в улигерах более позднего времени. «Господство орудий труда и вооружения из палок и камней длилось так долго, они так прочно были воспеты в мифах как сильнейшие и чудеснейшие орудия труда и сражений с чудовищами

и всякими врагами, что в век длительного господства железа не могли быть вытеснены из улигеров, даже больше того, когда герои не могли одолеть своих врагов железными копьями, мечами, то «пользовались» давно воспетыми палочками, шерстобитными прутиками или *задай*-камнем» [66, с. 161—162].

В улигере воспета вода с ее универсальными свойствами. О ней говорится как о живой воде — букв.: «вечная черная вода» (*мунхын хара уһан*), — воскрешающей мертвых, исцеляющей больных, укрепляющей силы уставших. Такая вода бьет ключом на вершине высокой горы, рядом растут дерево и целебная трава.

В эпосе отразилось почитание бурятами огня. В зачинах улигеров говорится о том, как герой строит дом, топит печь, дым из трубы поднимается до небес. Стихия огня воплощена в образе Гал Дулмэ-хана [1]. Образы лесов, рек, озер, гор предстают в улигерах на стадии «раздвоения» образа, в лице их хозяев — зооморфных и антропоморфных существ.

Большое место в представлениях людей далекого прошлого занимали небо и небесные явления. Древний человек одухотворял солнце, луну, звезды, снег, дождь, гром, молнию. Небо мыслилось неким высшим существом, предопределявшим ход жизни и характер событий на земле, одновременно духовным и материальным. Подобно Гэсэру, и другие герои улигеров как бы получают небесное происхождение. Рисуя картины жизни на небе, улигершины воссоздают земные порядки, сообразующиеся с жизнью, нравами, обычаями людей.

Образы зооморфных друзей героя, его чудесных помощников предстают в основном в повествованиях о героическом сватовстве. Друзьями выступают муравьи, черепахи, собаки, птицы. Побратимом-помощником героини в «Аламжи Мэргэне» стала рыба налим, антропоморфным двойником которого выступает Далай Баян-хан. Спасенные или прирученные животные превосходят богатыря некоторыми качествами, но все же по отношению к нему играют подчиненную роль. Они «есть выражение его силы и способности» [56, с. 149].

Среди помощников героя особое место занимает его конь. Богатырский конь в обычное время пасется с дикими маралами на Алтае и Хухэе и в нужную минуту оказывается всегда рядом с богатырем. Этот конь не только быстроходен, вынослив, но еще и наделен умом и человеческим языком. Образ стройного солового коня в «Аламжи Мэргэне», так же как и образ голубого коня в улигере «Абай Гэсэр могучий», художественно осмыслен через традиционные представления тюрко-монгольских народов (Аранзал в «Джангаре», Тулпар в тюркском эпосе) [37, с. 5]. Соловый конь предупреждает Аламжи Мэргэна о готовящемся злодеянии Хара Зутана и Шара Зутана.

В эхирит-булагатском героическом эпосе, например во вступительной части публикуемого улигера, говорится, что герой владеет несметным количеством лошадей и скота, однако в дальнейшем эта тема не получает развития. Стада и табуны — цель захватнических устремлений *мангадхаев*, чужеземных ханов, иногда, как в «Аламжи Мэргэне», даже и близких людей, пораженных корыстолюбием и завистью (дядья Зутаны). Скотоводческие мотивы — пастушество, уход за скотом — характерны для унгинских улигеров.

К зооморфным противникам героя относятся враги спасенных им животных: медведь, волк, лиса, пестрая птица.

В улигерах герой обычно братается с животным-побратимом. Змей — непримиримый враг богатыря. Образ змея традиционен для мотива брачных испытаний. Существо это обычно называют *абарга шара ехэ* «громадный желтый», *хорото шара* «ядовитый желтый». Одно из испытаний жениха — добывание пера Хан Хэрдиг-птицы. Он выполняет это поручение тестя, убив змея и тем избавив от погибели дочерей птицы. Змей — всегда антагонист Хан Хэрдиг-птицы. Последняя являет собой переходный, зооантропоморфный тип образа. Корни его уходят к мифической птице Гаруди из древнеиндийского эпоса [47, с. 24—25].

Представители враждебного мира имеют облик, близкий к человеческому, но с сохранением рудиментов животного вида.

Зооантропоморфными по внешнему облику предстают *мангадхаи*, чудовища со множеством голов и рогов. У них разное количество голов (13, 33, 67, 77, 108, 300, 500, 600, 1008), у одних мангадхаев преобладает животное начало, другие наделены преимущественно человеческими чертами. Аламжи Мэргэн сошелся в бою и победил могучего *мангадхая*, «У которого шестьсот голов, / Шестьдесят, словно жерди, рогов» (стх. 1538—1539). *Мангадхаи* отличаются неукротимым нравом и бешеной злобой, они бьются до конца, стремясь любым способом сразить богатыря. В более позднем осмыслении *мангадхаи* становятся обитателями подземного мира с выраженными чертами людоедства (улигер «Осодор Мэргэн»). *Мангадхаи* универсальны в проявлении своей разрушительной функции и античеловеческой сущности. Они связаны между собой родственными отношениями и составляют одну большую семью (в публикуемом улигере показан *мангадхай* со своей женой — черной ханшей). Самая старшая из чудовищ, девяностосемилетняя старуха, — опора и глава всего семейства, у нее в дальних тайниках хранятся души всех *мангадхаев*. Чтобы окончательно победить *мангадхаев*, надо изловить и уничтожить эти души, в противном случае они воскресают. Множество голов символизирует силу чудовищ, их живучесть. *Мангадхаи* убивают людей, захватывают жен богатырей, уничтожают все живое. Они обладают не только большой физической силой, но и волшебством. Эти чудовища непонятны, таинственны, способны перерождаться и принимать другое обличие. Особенно активны отталкивающей внешности *мангадхайки*, упорные и «бескомпромиссные» в борьбе. Старуха *мангадхайка* орудует кожемялкой, которая в ее руках имеет исключительную поражающую силу. Нередко старуха наносит кожемялкой смертельный удар. Противоположным образом является добрая прародительница божеств Манзан Гурмэн, обладающая шерстобитной палочкой. Она бабушка западных *тэнгриев*, к ее помощи богатыри прибегают в редких случаях, когда борьба принимает угрожающий характер и роковой конец кажется неизбежным.

Мангадхаи — постоянные антагонисты эпических богатырей. Они олицетворяют зло и враждебные силы древнего мира в крайнем выражении. Они наносят большой урон жизни и благополучию людей, занятых мирным трудом и добрыми делами. Герой бьется с ними на пределе сил, иногда погибает. Несмотря на насыщенность содержания улигеров драматическими конфликтами, сражениями и потерями в лагере эпического богатыря, эпос полон жизнеутверждающего пафоса, оптимизма, светлого восприятия жизни.

Важными для понимания эпического мира являются пространственные и временные понятия. Представления о странах света характеризуются пре-

имущественно общим, неопределенным характером. Здесь нет точного обозначения местностей и реальных топографических обозначений. Постоянное, ориентированное по странам света движение героев в их походах характерно для эпоса монгольских народов. В делении пространства земли на полярно противоположные части просматривается противопоставление родной земли всему иноземному (в границах миропонимания людей родового общества) и шире — противоположение мира людей всему нечеловеческому.

Можно выделить несколько пластов топонимических названий, имеющих разное происхождение. Древнейшим из них следует считать мифологические или обобщенно-нивелированные топонимы. Например, гора Сумэр (*Сумэру* — слово санскритского происхождения), которая играет определенную роль в сюжете, так как вблизи нее обитают могущественные небожители и герои, известные в эпосе всех монгольских народов. Встречаются такие названия, как «земля», «мир» (замби), «широкая земля», «необъятный мир» (үлгэн дэлхэй), «своя земля благоухающая, чужая земля холодная» (өөрын үнэр дайда, хүүнэй хүйтэн дайда) [1, стх. 1241—1244]; здесь даны поэтические обозначения фундаментальных для улигера понятий — «родина» и «чужбина».

Нейтральны по смыслу такие обобщенные обозначения, как «желтое море», «черное море», «Тамшинская белая равнина» и др. Но в целом они воспринимаются как природные, материально-объективные реальности, образующие огромный по масштабам эпический мир. Историческая земля — родина бурят — очерчена в «Аламжи Мэргэне», как и в других улигерах, вокруг Алтая и Хухэя. Герои охотятся на горных вершинах Алтая, по северным склонам Хухэя, их кони пасутся там вместе с дикими маралами. Это центры кочевок богатыря и его соплеменников, вокруг этих мест развертывается действие. Какие бы дальние поездки ни совершал богатырь, он постоянно возвращается к родным кочевьям. Из других природных объектов в эпосе упоминаются Байкал, Ангара, Лена (*Зулхэ*).

Эпическое время подчинено общефольклорному представлению о времени: оно не знает точной установки на хронологию и не являет собою застывшее понятие. Все события проецируются в некое эпическое время, которое мыслится как предшествующее собственно историческому. Действие развивается в рамках времени, находящегося в определенной причинно-следственной связи со временем объективным. Это эпическое время движется как бы в зависимости от главных событий в жизни героев. О движении времени как реальном явлении в эпосе можно составить представление на основе целостного восприятия всех эпических событий. Изменение возраста героев часто не согласуется с реальным ходом времени, допускается разрыв между ними, возникают замедления и остановки в естественном изменении возраста героев. Иногда герой после многолетних странствий продолжает пребывать в прежнем возрасте. Числа «шестьдесят» и «семьдесят» чаще других употребляются для обозначения возраста персонажей. К сакральным числам принадлежат три, семь, девять, тринадцать. Характерны для бурятского эпоса попытки объяснить истоки возвышенно-героической судьбы богатыря чудесами, сопровождающими его рождение, и событиями необыкновенного детства.

Начало действия в улигере относится к далекому прошлому, к седой древности: то время характеризуется как «пора великого совершенства», как прекрасное прошлое. Эту историческую эпоху, разумеется, надо понимать

не в буквальном смысле. Поэтические воспоминания о «начале времен» запечатлелись в улигере в виде постоянных формул, воссоздающих образ девственно-прекрасного, счастливого мира. Эпическое время в широком смысле — это пора героических дел и тяжелых испытаний предков героя, время мужания и утверждения ими своего права на жизнь. Человек того далекого прошлого не мог делать отсчеты в бесконечной реке времени. Поэтому периодичность чередующихся циклов времен года давала возможность выделить не год, а группы лет, последние в связи с этапными событиями в жизни древнего коллектива выступали реальными «верстовыми столбами», своего рода перевалами на пути исторического восхождения народа. Можно допустить, что чем далее в прошлое, тем большие отрезки времени осознавались и фиксировались человеческой памятью. В улигерах отразилось убеждение творцов эпоса в неизменном постоянстве времени и в неизбежном наступлении будущего. Улигеры полнятся движением, динамикой борьбы и устремленностью к рациональному устройству жизни согласно идеальным представлениям родового общества.

Композиция улигера «Аламжи Мэргэн» складывается из крупных завершенных структурных элементов. После краткого зачина следуют завязка действия (рождение Аламжи Мэргэна, вступление его в зрелый возраст), развитие действия (борьба и победа над *мангадхаем*, гибель богатыря, замещение его в сюжете сестрой-богатыркой Агуй Гохон, свадебная поездка к суженой), кульминация (воскрешение богатыря и женитьба на Булад Хурай, возвращение домой сестры героя, наказание Аламжи Мэргэном Хара Зутана и Шара Зутана), эпилог.

Сюжет улигера составляют выстроенные в единую цепь основные традиционные эпические мотивы, образующие относительно цельные части (звенья) повествования. Таких частей — звеньев сюжета, оформившихся в процессе сложения улигера и внутренне связанных между собой, — насчитывается около двадцати. В этих исторически сложившихся повествовательных единицах последовательно раскрывается действие. В составе одного звена эпизоды выстраиваются в определенном порядке и выполняют роль самостоятельных структурных элементов. Раскрытие эпизодов в четкой последовательности и взаимосвязь внутрисюжетных звеньев зависят от характера развития основной идеи повествования. Выпадение звеньев, равно как и эпизодов, из общей цепи или перестановка их могут изменить характер целого или же придать новое звучание и дополнительные оттенки традиционному повествованию.

Сюжет улигера «Аламжи Мэргэн» условно можно разбить на следующие части-звенья:

1) зачин (краткое вступление), рождение Аламжи Мэргэна, детские годы богатыря, вступление его в зрелость, осмотр и устройство своих владений;

2) дяди Хара Зутан и Шара Зутан уговаривают Аламжи Мэргэна ехать на встречу с *мангадхаем*, сборы в дорогу и отъезд Аламжи Мэргэна;

3) борьба с *мангадхаем*, победа над ним;

4) убийство (отравление) дядьями Аламжи Мэргэна;

5) временное захоронение тела Аламжи Мэргэна;

6) Агуй Гохон-сестрица в облике Аламжи Мэргэна отправляется за суженой брата к Далай Баян-хану;

7) перевоплощения богатыря (Агуй Гохон) в пути;

8) его встреча со стариком, оборотнем *мангадхаем*;

9) единоборство с исполинскими лягушками;

10) победа над 23-головым змеем и братание богатыря (Агуй Гохон) с Хан Орлом-птицей;

11) спасение исполинского налима и братание с ним;

12) прибытие богатыря (Агуй Гохон) к Далай Баян-хану;

13) испытание Далай Баян-ханом жениха своей дочери;

14) возвращение домой богатыря (Агуй Гохон), прибытие свадебного поезда;

15) оживление Аламжи Мэргэна его суженой Булад Хурай;

16) возвращение домой Агуй Гохон;

17) наказание Аламжи Мэргэном Хара Зутана и Шара Зутана;

18) эпилог.

Основная идейная направленность улигера «Аламжи Мэргэн» — прославление воинского подвига и создание богатырем семьи. Каждый отдельный эпизод действия составляет звено в общей сюжетной цепи и основан на одном сюжетном мотиве (например, спасение животного-друга и братание с ним). Поэтому каждый эпизод не обособленная, самостоятельная единица сюжета, а составная часть единой композиции улигера. Объединяет эти звенья общий герой: как бы ни разворачивались события в улигере, Аламжи Мэргэн, его судьба и дело всегда остаются в центре внимания. Любое событие так или иначе выстраивается в общем ряду и имеет прямое или опосредованное отношение к главному герою и к основной линии сюжета.

Эпизоды не равны между собой по той роли, которую они играют в развитии основного действия сюжета. Одни более развиты, имеют цельный, завершенный характер, другие даны в кратком, как бы усеченном виде. Все эпизоды, независимо от полноты их содержания, связаны между собой единой нитью сюжета и образуют композиционное целое. Для сказительского мастерства Елбона Шалбыкова было характерно обязательное воспроизведение улигера не только в полном виде, с сохранением всех его составных частей, но и соблюдение той последовательности расположения эпизодов, которая сложилась издавна и сохранялась всегда. Поэтому сказитель с равным вниманием относится к подаче любого структурного компонента улигера, сохраняя единый замысел произведения и стиль исполнения.

* * *

При общности жанровых признаков и художественно-стилевых приемов улигеры разнятся между собой характером стадиальных особенностей. В одних улигерах, как, например, в «Гэсэре», определяющим мотивом стала героизация смысла жизни и жизненного предназначения эпического богатыря, в других («Айдурай Мэргэн», «Харасгай Мэргэн» и др.) центральным мотивом остаются сватовство и женитьба героя, т. е. тема героического продолжения рода. С позиций типологии можно усмотреть различные уровни в сюжетных структурах бурятских улигеров.

Собиратель и исследователь фольклора Ц. Ж. Жамцарано относил эхирит-булагатские улигеры к архаичным в системе бурятского героического эпоса. В них отложились ранние типы сюжетов, построенные на разработке мотивов сватовства и женитьбы героя и борьбы его с чудовищами и врагами. Вместе с тем Ц. Ж. Жамцарано высоко ценил художественные достоинства этих

эпических памятников, поэтический стиль, подчеркнув «чудный слог улигеров (как, например, «Аламжи Мэргэн»)» [24, т. 1, вып. 1, с. XII]. Говоря о характере повествования в «Аламжи Мэргэне», он отметил, что в нем «местами переданы довольно сильно — горе, сомнение, отчаяние и решимость героев» [24, т. 1, вып. 3, с. XXVI]. В этом в известной мере сказалось мастерство Елбона Шалбыкова, воссоздавшего типичные черты эпического стиля в сочетании с индивидуальной манерой исполнения.

Художественные особенности улигеров характеризуются стабильностью, выдержанностью форм и традиций. Поэтика улигеров — это высокоорганизованная, устойчивая система стилевых приемов и изобразительных средств. Вместе с тем эстетический мир и поэтическая система улигеров отличаются разнообразием и известной синтетичностью, здесь проявляют себя художественно-стилевые особенности, присущие и другим жанрам бурятского фольклора. Это выдвигает задачу художественно-стилевой систематики, обоснования собственно фольклорных художественных явлений.

Черты художественного стиля улигеров отвечают характеру эпического отражения жизни. В нем ведущее место занимает обобщение — художественный прием, присущий природе героического эпоса не только бурят, но и монголоязычных народов в целом. В сюжетных структурах улигеров, в образах героев, в их поступках и мыслях отложились не индивидуальные судьбы отдельных героев минувших лет, а обобщен героический этап исторического прошлого народа. Этот этап предстает перед нами в картинах эпического мира с противостоянием двух лагерей, когда улигерные богатыри с «подвластным им народом» ведут титаническую борьбу с темными и враждебными силами за свою этническую независимость, за возможность жить в мире и творить добро. Большие обобщения, содержащиеся в улигерах, — плод глубокого осмысления народом своего места в жизни, исторического пути в формах и образах фольклорно-эпического отражения. Последнее находило художественную реализацию в улигерном творчестве, в рамках его поэтической системы. Стилеобразующие элементы и конкретные приемы — величины постоянные, проявляющие себя в течение длительного времени. Они реализуются сказителем как бы автоматически, в силу установившихся традиций речевой культуры.

Однако стилевые приемы — явление художественно-творческое по своей природе. Важнейшая черта фольклорной поэтики, в частности поэтического стиля улигеров, — «художественная вариация — последовательная передача одной и той же мысли разными словесно-поэтическими средствами» [33, с. 25]. Вариация способствует постижению смысла через эмоциональное и эстетическое воздействие. Фольклор монгольских народов представляет тип поэтической культуры, в котором вариация — такой же организующий фактор смыслового и художественного содержания произведения, каким является начальная аллитерация для упорядочения его звукового состава. Фразовая синонимия распространена в песнях, пословицах и поговорках.

Распространенный вид простой вариации — двукратное повторение. При этом синонимичное двустишие с несколькими словами, повторяющимися в каждом стихе, — простейший вид двукратной вариации. В улигере он представлен фразовой синонимией. «Просторный серебряный двор он обустроил — / Лончакам впору резвиться... / Золотой широкий двор он устроил — /

Впору жеребятам наперегонки пускаться» (стх. 208—215). Пример усложненной (многократной) художественной вариации — описание запустения во владениях противника — хана, побежденного Гэсэром [1, стх. 3675—3698]. Близкие по смыслу синонимичные фразы создают более полный, объемный «портрет» объекта, позволяют сказителю с помощью повторяющихся в главном фраз (но с несколько иным набором слов) создать знакомую картину, привычное действие, но всякий раз чем-то дополняющееся, с новыми деталями и подробностями. «Днем читала она — /При свете солнца читала, /Ночью читала она — /При свете свечей читала» (стх. 2603—2606). Синонимичные предложения, составляя единую фразу, бывают в одних случаях близки между собой, почти адекватно выражая одно и то же заключенное в них содержание, в других же — несут достаточно самостоятельную смысловую нагрузку в рамках возложенной на них функции. В целом использование вариативных конструкций в улигерах охватывает все формы эпического повествования.

Характерной чертой поэтического стиля улигеров является образное иносказание: речь идет о таком художественном приеме, когда нарицательное (или собственное) имя заменяется описательным поэтическим оборотом. Его синтаксическая модель — фразеологическое словосочетание. Образное иносказание — сложный вид поэтической фразеологии, требующий раскрытия содержания искомого имени (слова) и разъяснения лексических компонентов иносказания. «Так ушел на покой, говорят, /Могучий тот *мангадхай*» (Мангад Ехэ Гахай-ла Амаражи ошоhониин тэрэ гэлэй! — стх. 1954—1955). С одной стороны, в этом примере просматривается высказывание с табуированным содержанием, объясняемое спецификой мифологического мышления: противник считается мертвым, если труп его сожжен на костре и прах развеян по ветру. С другой стороны, высказывание характеризует уважительное отношение к усопшему противнику, согласно древним обычаям. К числу иносказаний можно отнести различные формы метонимий, например такую: «Ханское синее железо, хозяйское полое железо» (Хаани хүхэ түмэр, эжэни хүнды түмэр), генетически восходящую к загадке. Это табуированное выражение, по-видимому, родилось во времена, когда бурятам было запрещено пользоваться огнестрельным оружием. Иносказательные выражения — достаточно распространенная форма поэтической речи, хотя в целом метафора встречается в улигере весьма редко. Иносказание, являясь описательной формой (кэннинг), дает более развернутое изображение предмета, отходит от прямого, назывного его обозначения, преодолевает прямолинейность терминологического указания. Этим достигается объемность рисунка в пределах найденной формулы. *Хара эреэн саарhаа* (стх. 339, досл. «черно-пестристая бумага») — типичный пример образной характеристики исписанной бумаги: буквы «пестрят» на чистом листе бумаги.

Для стиля «Аламжи Мэргэна», как и для всех бурятских улигеров, характерно наличие общих мест — устойчивых словесных формул,неоднократно повторяемых в ходе повествования с незначительной вариативностью. Часто возникает в ходе повествования эпическая формула «Ударил в „северные“ барабаны, /Люд-народ созывая, /Ударил в „южные“ барабаны, /Южный народ собирая» (стх. 4254—4257). Здесь «барабаны» — условные поэтические образы, воссоздающие картину начинающегося всенародного торжества. Ва-

риативность типического места подчеркивает индивидуальные черты исполнительского мастерства сказителя, показывая пределы допустимого стилистического оформления художественного образа и идеи средствами одного языка.

К «постоянным местам» в улигере относятся прежде всего песни-вставки (*сэг даралга*), которые исполняются коллективно между крупными эпизодами, например: «Как же мне, догоняя, поймать/Лису, лису быструю? /Как же мне, рассказывая, досказать/Улигер, улигер этот длинный? (стх. 2559—2562). Такие поэтические вставки встречаются в улигере несколько раз. Варьируясь, они принимают каждый раз новую смысловую окраску и одновременно выполняют конкретную сюжетно-композиционную функцию — служат связками между сюжетными звеньями произведения. Наличие их отражает картину того первоначального исполнения улигера, когда слушатели и сказитель составляли единое целое, объединенные общностью понимания творческих задач в воспроизведении улигера.

Если *сэг даралга* связывают крупные повествовательные периоды улигера и являются поэтическими вставками, впрямую не связанными с сюжетным содержанием, то формульные выражения типа «вслед за тем» (мэтэр гэсэн бэеэрээ, тэрэл гэсэн бэеэрээ) встречаются в тексте чаще и их функциональная роль связана с двуединой задачей: 1) выделить в повествовательном потоке относительно самостоятельный эпизод или описание; 2) по ходу сказывания улигера сделать остановку в сказительской речи, дать некоторую передышку сказителю между следующими один за другим повествовательными блоками. Формула «вслед за тем» не может появиться на любом месте улигерного повествования, а только там, где возможно обозначить интервал, паузу, чтобы сказитель мог сделать остановку, «перевести дух». Как отмечает И. Новиков, переводчик улигера «Аламжи Мэргэн», формулы «а вслед за тем» — это «своего рода глубокие дыхания» [48, с. LV].

В улигере используется прием речевой характеристики персонажей, но не в плане индивидуализации их речи, как в произведениях художественной литературы, а посредством придания ей особой эмоциональной окраски и психологической тональности в зависимости от того, к какому лагерю, дружественному по отношению к герою или враждебному, относится тот или другой персонаж. В связи с этим и строй речи персонажей, и характер лексики с ее фразеологизмами приобретают своеобразный колорит и характерные черты.

Еще одной особенностью языка улигеров является использование своеобразного приема — оценивающего завершения речей персонажей. Прямая и несобственно-прямая их речь обычно заканчивается словами сказителя, которые облекаются в такие выражения формульного типа, как «говорил-сказывал» (хэлэн-хүүнэн байна-ла); «спрашивал-вопрошал» (һуран-суран байбал-даа); «нужное слово сказал» (мэнэн хүүрээ хэлэбэл-даа); «А дальше было так» (Одоо энэ бэлэй). В этих примерах мы видим самые распространенные предложения, выступающие в виде типических формул в конце монологических высказываний персонажей. Именно так оценивается почти все разнообразие речей с их содержанием, внутренним строем и тональностью. Поэтому эпическая формула в известной мере зависит от контекста и в русском переводе передается не всегда только в одной, неизменной форме. Например, «нужное слово сказал» (мэнэн хүүрээ хэлэбэл-даа) иногда может быть переведено: «правдивое слово сказал», «слово истины сказал», и эти

вариативные формы в конкретных случаях сюжетной ситуации оказываются более адекватными оригиналу, более близкими к подлинному смыслу улигерного текста. То же можно сказать о выражении «говорил-сказывал», «говорил-приговаривл» (хэлэн хүүнэн байна-ла). При этом каждый раз типическая формула постоянна, чем подчеркивается ее доминантный смысл — указание на значительность, неординарность произнесенных персонажем слов. Улигершин демонстрирует пиетет перед монологами основных персонажей, такая особенность сказывания свойственна преимущественно эхирит-булагатским улигерам, в большей мере сохранившим верность ранним традициям исполнения, когда наблюдалась слитность сказителя со слушателями и сам акт исполнения сохранял обрядовые элементы. В этих условиях герои улигеров не просто о чем-то «говорят», а «сказывают», не только «спрашивают», а «вопрошают». Необходимость выделения этой особенности речи обусловливает появление такого языкового средства, как использование двойных глаголов с идентичной семантикой для усиления основного значения. Периодичность повторяющихся обращений к сдвоенным глагольным словам в ходе исполнения улигера связана также с паузами, остановками, которые естественно возникают в самом процессе сказительской речи.

В типических формулах спрессованы знания о различных сторонах жизни древнего человека и его взаимоотношений с окружающим миром. Постоянно встречаясь по ходу повествования, эти формулы выполняют функцию «несущей опоры» и связующих узлов словесной ткани улигера. Искусство улигершина в известной мере определяется тем, насколько полно и умело он владеет всем набором постоянных формул, создавая с их помощью эмоционально напряженное эпическое повествование. К числу постоянных словесно-изобразительных конструкций относятся формулы времени типа «Когда поднялось / Утреннее солнце, / Когда выкатилось оно / Из-за гребней высоких гор. . .» (стх. 1607—1610), «Назавтра с утренним солнцем, / Когда оно, выплывая, / Поднялось из-за гребней / Высоких гор. . .» (стх. 4811—4814). Постоянство применения данной стабильной формулы связано с обозначением важных действий героя или начала новой вехи в жизни богатыря. В конце какого-либо действия нередко используются другие формулы времени: «когда серые сумерки желтой листве уподобились»; «солнце багровым стало, наступили сумерки». Стремительная скачка богатыря передается формулой «Увидела, как он удалялся, / Пополам рассекая / Круглым шишаком *малгая* / Белоперистые облака / Высокого светлого неба» (стх. 1350—1354), причем езда бывает столь продолжительной, что богатырь едет, «. . .По голосу пестрой сороки / Начало зимы узнавая, / По пению соловья / Наступление лета угадывая. . .» (стх. 1362—1365). Одной из самых характерных формул, передающих колорит национального художественного мышления и в то же время говорящих о своеобразии жизни и быта скотоводов, является: «Сидя вдвоем, / Ели они всего понемногу, / Тихо беседовали, / Разговаривая, сидели, / Вороша-вспоминая / Дела стародавние, / Они говорили, / Воскрешая-перебирая / Дела минувшие, / Они говорили (стх. 4775—4784). В формуле сошлось все: и реалии давнего, исчезнувшего быта номадов, и определенные черты национального характера, к которым относится приверженность к заветам старины и обычаям отцов.

При помощи постоянных формул (развернутых клише) также описываются преодоление богатырем препятствий, его ночевки в лесу, пир после

победы. В сходных ситуациях сказитель каждый раз прибегает к эпическим клише, которые «с позиции эстетики тождества» [39, с. 350—354] наиболее полно и точно передают характер и рисунок эпического действия.

В арсенале изобразительных средств эпоса большое разнообразие поэтических приемов — тропов и фигур, усиливающих эмоционально-оценочную окраску поэтического языка. Одни из них находят большее применение и чаще используются, другие употребляются реже.

Относительно редко встречаются метафоры и метонимии. Метафоры главным образом неразвернутые, простые, с переносным значением, близкие по образованию к метонимии. Метафоричны по смыслу многие сравнения, когда по каким-либо признакам происходит сближение предметов, порой неожиданное. Так, например, о вымышленной стране обетованной, счастливой стороне, где люди живут безбедно, не зная голода, холода и даже смерти, пословица говорит: «Там мясо без ножа, дрова без топора». В улигере: «Когда без поясов было легко, / Когда без рукавиц было тепло» (стх. 15—16). Этими образными картинами создается тот эпический мир, который защищает и отстаивает богатырь своими героическими деяниями.

Характеристика образов подчинена своеобразной иерархической расстановке их в улигере. Эпический герой и все атрибуты его наделяются редкими свойствами высокого ряда: сам он могучий богатырь, «не муж, а сокровище», «с зубами, словно заступ», с «круглым, налитым лицом»; у него дворец, поднимающийся до небес, с бесчисленным множеством окон; у него редкостное оружие (бухарский лук, хангайская стрела); богатырский конь «с телом в восемьдесят саженей, с ушами в восемь саженей». Преувеличение качеств обусловлено необходимостью придания образу богатыря эпической масштабности в выполнении им избраннической миссии.

Эпитеты преимущественно постоянные, часто они выступают в составе определительного ряда. Эпитеты вместе с определяемым словом образуют устойчивые сочетания и смысловое целое. Встречаются парные эпитеты, построенные на общей образной основе: «Стали его копыта / Гладкими, как серебро... Стали его копыта / Упругими, крепкими» (стх. 1087—1091). Художественно-определительные сочетания могут быть простого состава — эпитет и определяемое понятие: «желтое солнце» (шара наран). Часто они бывают сложными — с двумя и более определениями: «золотисто-желтое солнце» (алтан шара наран). Здесь добавился второй эпитет (в данном случае *алтан*), который уточняет, конкретизирует смысл первого эпитета, несущего основную нагрузку слова-определителя. Он вторичен, индивидуален, в нем заложена эмоциональная окраска. Этот эпитет несет в себе наблюдение и впечатление сказителя и черты исполнительской школы. Наиболее стабильны традиционные эпитеты, выступающие в сочетании «эпитет+определяемое слово», вобравшие опыт многих поколений и выражающие обобщение. Сложные эпитеты (двух-, трехсоставные) нуждаются в раскрытии их конкретного историко-культурного и хозяйственно-бытового содержания, которое изначально заключено в этих сочетаниях.

Определения к слову «серебро» весьма многочисленны и разнохарактерны. Это объясняется высокой ролью в прошлом бурят серебра как благородного металла, когда оно длительное время считалось самым ценным украшающим материалом и практически было вне конкуренции. Это обстоятельство свое-

образно отразилось во множестве двусоставных эпитетов. Например: половицы «красного кованого серебра» (улаа мүнгүй наншижи — стх. 175), «высокое серебряное крыльцо» (ура мүнгүн хэрэнсы — стх. 157), стена покрыта «белым серебром» (сагаа мүнгөөр — стх. 182). «Красное серебро», очевидно, является описательным обозначением золота или латуни, которые в таком сочетании получили некое высокостилевое, традиционно-эпическое обозначение.

Эпитеты «белый», «красный», как и «серебряный», «золотой», выполняют функцию положительного определителя. «Серебряный» передает значение чистого, хорошего, светлого; «белый» — доброго, благородного, желанного; «красный» — сильного, крепкого, стойкого.

Своеобразна функция эпитетов «черный» (*хара*) и «желтый» (*шара*). Они символизируют могучую таинственную силу или необыкновенные свойства предметов и явлений. Так, живая вода буквально называется «вечная черная вода»; эпитет *хара* не только в значении «черный», но и в значении «крепкий», «сильный», «чистый» — один из самых многозначных по семантике в эпическом контексте. О будущей судьбе эпического героя часто вещает «желтая книга судеб»; юному богатырю придает силы в борьбе «желтое молозиво матери»; у героя на вооружении «желтый бухарский лук». Вместе с тем эпитет «желтый» (*шара*) выступает как олицетворение чего-то враждебного, опасного для богатыря. Он часто употребляется в таких сочетаниях: «желтый *мангадхай*», «ядовитый желтый змей», «желтый туман»; встречается «желтая книга» в смысле «книга судеб» — «книга Майдари». В функции эпитетов в языке улигеров сохранились древние слова, утратившие свое былое значение. К их числу относятся эпитеты «серое (сердце)» в значении «сильное, отважное», «дневное красное солнце» в значении «золотистое утреннее солнце», «темный, как печень, родник» в значении «чистейшая родниковая вода» [33, с. 12—25].

В поэтическом языке улигеров универсальное применение получила гипербола как прием чрезмерного художественного преувеличения. Это связано с тем, что изображаемый эпический мир представлен землею первотворения, воспеваемые богатыри — богоподобными героями (Гэсэр назван сыном божества Хормусты-*тэнгрия*), а борьба между силами добра и зла приобретает характер титанического единоборства и изображается как противостояние страны света стране мглы (Эрлик-хан). Поэтому нормальные масштабы вещей, явлений, действий вырастают до фантастических и мир эпический видится как бы в увеличительное стекло. Преувеличенную характеристику получают все персонажи эпоса: конь героя может за день пробежать трехлетний путь, а *мангадхайка*, сидя в своем черном деревянном дворце, так рыдает, что «. . .Слезами из правого глаза Байкал-море наплакала, Слезами из левого глаза Лену-реку наплакала» (стх. 2112—2115). Все содержание улигеров пронизано глубоким пониманием жизни, мир видится сказителю наполненным дыханием больших событий, могучих страстей и высоких подвигов.

Много тонких наблюдений заключено в разбросанных по тексту сравнениях. Аламжи Мэргэн с сестрой Агуй Гохон, с малолетства оставшиеся сиротами, сравниваются с двумя бычьими рогами и дверными притолоками (стх. 308—309). Бег солового коня описан точно и образно: «Он полетел, как вихрь, / Вытянувшись, как белка. . .» (стх. 4398—4399). Здесь передана

стремительная, стелющаяся скачка коня. Беседа близких людей так продолжительна, задушевна и тепла, что «. . .пенкой покрылось / Большое черное море. . . трава выросла / На плоском большом камне» (стх. 4969—4972).

Поэтический язык улигера представляет собой достаточно развитую систему речевых средств, передающих с помощью различных стилистических построений все разнообразие содержания улигера. В нем представлены в основном различные виды простых и сложносочиненных предложений, описания перемежаются прямой речью и диалогами персонажей. Однако лексика улигера существенно отличается от словарного состава разговорного языка. Также и грамматические формы более разработаны и усложнены, чем в обиходном языке, хотя в целом эпический язык по своему строю и стилистической окрашенности представляет собой разновидность «высокого» слога. К средствам усиления выразительности и эмоциональной окраски устной поэтической речи относятся приемы единоначатия и инверсии. Внутреннее чутье и ощущение художественной правды руководят сказителем, когда он в ходе исполнения делает перестановки слов в словосочетаниях, добиваясь новых оттенков в рисуемой картине и живости изложения.

Улигерный текст имеет метрическую структуру, основанную на рецитации. Система стихосложения в улигере построена по силлабическому принципу [19, 62, 70]. У бурят традиционное исполнение улигеров было напевным, при этом текст и мелодия составляли некое единство при преобладающей роли слова. В стихах нет деления на строфы, оно наличествует только в песенных вставках — *сэг даралга.* Улигер, как правило, делится на повествовательные периоды, состоящие из десятков, а иногда и сотен строк, объединенных сюжетно-композиционным единством и общностью содержания.

В качестве организатора стихотворной речи на первом месте по универсальности применения стоит аллитерация, которая выполняет роль своеобразной рифмы.

В эхирит-булагатских улигерах, в частности в «Аламжи Мэргэне», это правило выдерживается постоянно на всем протяжении повествования (буряты называли это правило букв. «соединение начал» — *толгой холболго*). Звуковые повторы часто определяются совпадением слогов в начальных словах (см. стх. 26—29): Далан — Далин, Ерэн — Ебэр.

Здесь стихотворный текст поэтически организован прежде всего благодаря аллитерации, которая охватывает по две строки в четверостишии. Аллитерация определяет подбор соответствующих слов, не только сопрягаемых в звуковом отношении, но и создающих в совокупности художественный образ или картину. Необходимость правильного подбора слов ставит сказителя-творца в положение, когда он, «конструируя» начальную рифму, занят точной подгонкой взаимно соотносящихся слов, чтобы, становясь рядом, они вместе решали единую художественную задачу.

Виды аллитераций достаточно разнообразны. Сплошная, смежная или парная, перекрестная, вольная, внутренняя. Встречаются совпадения целых слов в начале строк, и в этом случае происходит как бы суживание возможностей данного поэтического приема — теряется иногда экспрессивность звучания строк из-за преобладания звукового однообразия в начальных словах. Однако чаще аллитерируются три смежных строки, а четвертая строка имеет совершенно другое словесно-звуковое оформление. Например:

Саи-ханай зөөлөннө-лө байхада,	В старое доброе время,
Саһан-ханай сабхан сагаан байхада,	Когда снег был [совсем еще] белым,
Сарһан юунэй нимэгэн-ханай байхада	Когда бумага была [совсем] тонкой,
Түрэбэ гараба гэхү-даа.	Родился-появился он, говорят (стх. 20—23).

Дело здесь не только в формальном совпадении звуков, но и в смысловом наполнении стиха. Четвертая строка, как и в других подобных случаях, несет основную смысловую нагрузку, подчеркивая главную мысль в строфе, а ее звуковая обособленность от предыдущих строк способствует акцентировке внимания на содержательной стороне стиха. Эта заключительная строка как бы завершает строфу на свободном дыхании, преодолев заданные рамки начальной рифмы — аллитерации. В улигере ритмическая организация стиха подкреплена еще и относительным равенством количества слогов в строках. Это правило выдерживается довольно устойчиво, но нередки примеры, когда улигершин отходит от него, нарушая сложившееся постоянное количественное соотношение слогов: семи- и восьмисложных слов.

Ритм помогает сказителю регулировать трехсловность строки — наиболее употребительное число слов в строке. Однако размеренное течение стихотворного повествования бывает нарушено ускорением ритма или его замедлением. В исполнительской практике наблюдается удлинение последней строки в стихах за счет частого использования вспомогательных слов типа *гэжэ, байба, бэлэйл, ханай, даа, юумэ,* что позволяет сказителю вести повествование в более свободной манере. Конечные рифмы в эпосе — явление не столь частое. Например:

Захайн хани модоной	Когда распускалось
Задаражи байхада,	Первое дерево,
Загал хани һогооной	Когда отелилась
Инзагалан байхада	Могучая изюбриха,
Түрөө гэхэн тэрэл-даа!	Родился он, говорят (стх. 32—36).

Рифму образуют также одинаковые или созвучные однокоренные существительные и глаголы в конце предложения:

Үрүүнэйгээ үзүүрээр	Кончиком подбородка
Мэши холбон татаха,	Слияние звезд притягивающий,
Үдүнэйгээ үзүүрээр	Высокою холкой
Нара холбон татаха (стх. 706—709)	Лучи солнца притягивающий (стх. 709—712).

Рифмы при пении усиливают музыкальную соразмерность стихов. Здесь рифма создается повторением слов.

Нередко в стихах встречается образный параллелизм. Некоторые исследователи бурятского стиха считают его не только поэтическим приемом, но и метрическим средством [62, с. 67]. Параллелизм выражен совпадением двух предложений или их частей в синтаксической структуре и смысловом содержании.

Рассмотренные идейно-художественные особенности улигера «Аламжи Мэргэн» позволяют наиболее полно представить национальное своеобразие и самобытность героического эпоса бурят.

При переводе «Аламжи Мэргэна» на русский язык был использован уже накопленный в этой области опыт, прежде всего ряд интерпретаций «Гэсэра», осуществленных разными переводчиками, в том числе художественный перевод поэта Ивана Новикова, ознакомившего читателей с одним из лучших образцов эпического творчества бурят [3].

М. И. Тулохонов

О МУЗЫКЕ ЭХИРИТ-БУЛАГАТСКОГО ЭПОСА

В музыкальном исполнении бурятского эпоса выделяются три фольклорные традиции: хоринская, унгинская и эхирит-булагатская. Героический эпос «Аламжи Мэргэн», как говорилось в предыдущей статье, записан Ц. Ж. Жамцарано от эхирит-булагатского сказителя Елбона Шалбагая (Шалбыкова). Исследователь писал, что «у эхирит-булагатов улигер поется с начала до конца, громко и протяжно. Присутствующие подпевают, вторят рапсоду в нужных местах, т. е. при встрече (*угталга*), при остановках (*сэйи даралга*) и при проводах героев (*удэшилгэ*)» [24, т. 1, вып. 1, с. XXV]. Сравнивая эхирит-булагатское исполнение эпоса с хоринским, Ц. Ж. Жамцарано отмечал сольное пение на один напев без инструментального сопровождения и называл это явление «эпической поэмой». Такое пение существенно отличается от хоринского, определяемого им же в связи с мелодической многотемностью как «эпическая драма» [Там же, с. XXVI]. Исследователь отмечал, что пение улигера от начала до конца без речевых «остановок» известно и у других монгольских племен — халхасцев, харачинов, чахарцев и абаганаров, но пение у названных этнических групп «не так протяжно, как у эхирит-булагатов» [Там же]. В целом указание на громкое и протяжное пение улигера позволяет предположить, что стилистика эпического интонирования в некотором отношении приближалась к песенному стилю *ута дуун* (букв.: «длинная (протяжная) песня»). Для последнего характерно медленное произнесение поэтических строк, позволяющее любоваться распевами и вибрационными украшениями мелодии.

На основании анализа стихотворного текста «Аламжи Мэргэна» можно сделать следующие выводы.

1. Мелодика повествовательной части улигера изоритмична — это семисложник (о структуре семисложника см. ниже).

2. Весь текст расчленяется на 145 периодов, выделенных клишированными фразами, которые собиратель выписал с красной строки:

. . .Тэрэ гэсэн бэйээрэ. . .
. . .Мэтэр гэсэн бэйээрэ. . .
. . .Тиисэн байсан хойно ло. . .

3. Начало, заключение и небольшой фрагмент, звучащий в конце 71-го музыкально-поэтического периода (стх. 2559—2562), записаны в респонсорной (сольно-хоровой) форме:

1. В этом доме со многими окнами
2. Улигер величавый поведаем!
3. Так расскажем его,
4. Что подхватят все слушатели!
(. . .)
2559. Как же мне, догоняя, поймать
2560. Лису, лису быструю?
2561. Как же мне, рассказывая, досказать
2562. Улигер, улигер, этот длинный?
(. . .)
5284. Над тринадцатью ханами
5285. Старшим ханом став,
5286. Полным счастьем он наслаждался.
5287. Миновало только двадцать пять дней. . .

4. Данные разделы отличаются от остального улигерного текста не только респонсорной формой записи, но и сменой семисложного изоритмического размера стиха на гетероритмический (колебания размеров строки от 9 до 15 слогов). Следовательно, сольно-хоровые разделы исполнялись на другой, не улигерный напев.

Для гипотетического определения музыкально-стилистических особенностей исполнения улигера «Аламжи Мэргэн» привлекаются записи мелодий эхирит-булагатского эпоса. Современная музыкальная фольклористика располагает нотировками начальных разделов из шести эхирит-булагатских улигеров. Из них четыре «Туйлэн — единственный сын Тохоноя» («Тохонойн ганса Түйлэн»), «Тонкошеий Гулдэмэй» («Нарин хүзүүн Гүлдэмэй»), «Найтал Мэргэн», «В пятнадцать лет состарившийся Гургалдай» («Арбан табан наһандаа үтэлэһэн Гургалдай») записаны на магнитофонную ленту в 1962 г. бурятскими фольклористами С. П. Балдаевым и М. П. Хомоновым от эхирит-булагатского сказителя Б. Барнакова [73, с. 62—74]. Нотировал эти улигеры Д. С. Дугаров [22, с. 172—191] [1]. Еще одно сказание (название его неизвестно) зафиксировано в 1912 г. в Кудинской степи от неизвестного сказителя. Эту запись на фоновалик сделали студент В. А. Михайлов и выпускник Петербургского университета Б. Э. Петри [31, с. 28, 96]. Текст ее расшифровал Г. О. Туденов, а нотировал В. В. Коргузалов [62, с. 72—82] [2]. Ценность записи В. А. Михайлова и Б. Э. Петри состоит в том, что это первая фонограмма эхирит-булагатского улигера, произведенная девять лет спустя после текстовой фиксации сказания «Аламжи Мэргэн» в том же фольклорном районе. Близкой к этой записи по мелодии и зачинному возгласу оказалась фонограмма улигера «Темноликий могучий хан» («Хатуу Хара-хаан»), записанная С. С. Бардахановой от еще одного эхирит-булагатского сказителя, С. С. Сонтохонова в 1966 г.[3] Нотировала ее В. С. Никифорова [4].

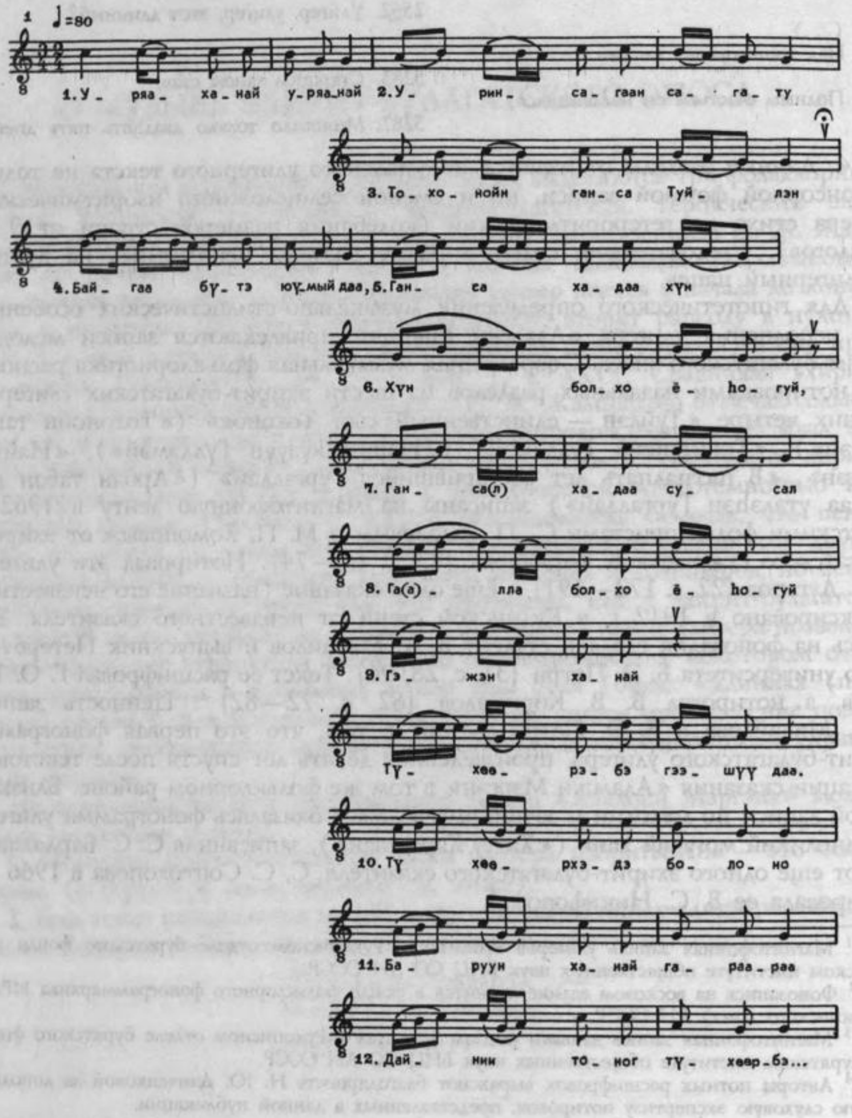
[1] Магнитофонная запись улигеров хранится в Рукописном отделе бурятского фонда при Бурятском институте общественных наук БНЦ СО АН СССР.

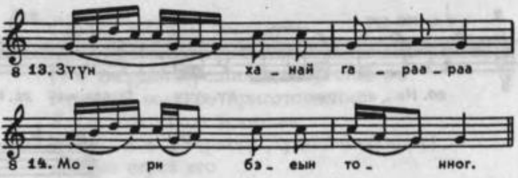
[2] Фонозапись на восковом валике хранится в фонде фольклорного фонограммархива ИРЛИ (Пушкинского дома) АН СССР.

[3] Магнитофонная запись данного улигера хранится в Рукописном отделе бурятского фонда при Бурятском институте общественных наук БНЦ СО АН СССР.

[4] Авторы нотных расшифровок выражают благодарность Н. Ю. Данченковой за дополнительную слуховую экспертизу нотировок, представленных в данной публикации.

У каждого улигера своя индивидуальная мелодия. Например, мелодия улигера «Туйлэн — единственный сын Тохоноя» (далее — «Туйлэн») имеет наиболее простую структуру: она состоит из одной мелодической строки, которая непрерывно обновляется и развивается. Начиная со второй строки она стабилизируется, и далее следуют ее вариации. Таким образом, в мелодии этого улигера никаких специальных музыкально-сегментирующих приемов членения и объединения строк в музыкально-поэтические периоды не наблюдается. Вот вступительный раздел улигера «Туйлэн», в котором благодаря зачину в высокой позиции происходит становление мелодической формулы:





Уряаханай уряанай [5]	Давным-давно,
Урин сагаан сагату	В спокойное светлое время
Тохонойн ганса Түйлэн	Туйлэн, единственный сын Тохоноя,
Байгаа бүтэ юумый даа.	Проживал будто бы, говорят.
Ганса хадаа хүн	«Один человек
Хүн болхо ёhогүй,	Род составить не может,
Ганса(л) хадаа сусал	Одна головешка
Га(а)лла болхо ёhогүй	Костром быть не может,» —
Гэжэн ханай	Сказав, стал собираться [в дорогу].
Түхөөрэбэ гээшүү даа.	
Түхөөрхэдэ болоно:	Он так собирался:
Баруун ханай гараараа	Правой рукой
Дайнии тоног түхөөрбэ. . .	Оружие боевое готовил,
Зүүн ханай гараараа	Левой рукой
Мори бэеын тонног [түхөөрбэ].	Сбрую конскую [готовил].

Музыкальная ритмика в данном улигере однотипна и в большинстве случаев соответствует слогоритмической структуре: спондей + пиррихий + анапест.

Распеваются и орнаментируются первые две долгие длительности, реже — пятая. Сжатие слогового размера происходит путем слияния соседних ритмических долей: 1 и 2, 5 и 6.

Мелодия улигера «Тонкошеий Гулдэмэй» состоит из двух мелодических строк. Чередование их создает специфическое мелодическое деление на музыкально-поэтические периоды, в которых одна строка выполняет функцию зачина, а другая совмещает функции развития и завершения. Характерно, что зачинная строка появляется в тексте на рефренные строки типа:

8. hуухадажа байбуу даа. . .	8. Поживал [он]. . .
14. Байгаа гэжэ юумый даа. . .	14. [Таким] он был. . .

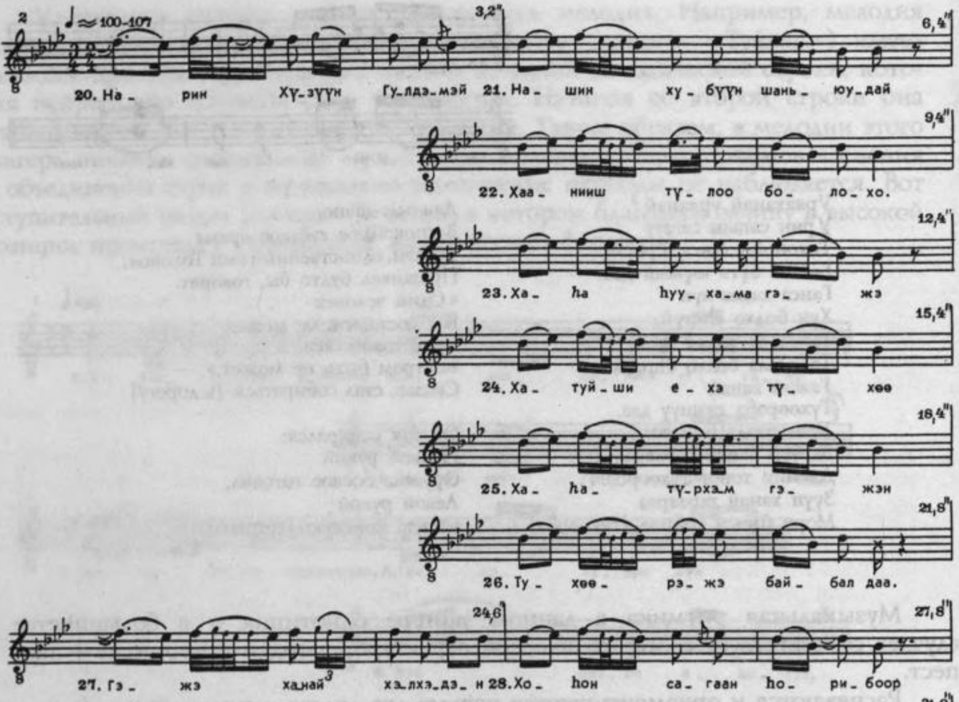
В тексте «Аламжи Мэргэн» подобные рефренные строки выделены собирателем, что и позволяет определить их как сегментирующий признак, с помощью которого собиратель обозначил в тексте музыкально-поэтические периоды. Продолжительность периодов в тексте «Аламжи Мэргэн» колеблется от 5 до 330 строк.

В мелодике улигера «Гулдэмэй» выделяются 15 музыкально-поэтических периодов, каждый из которых содержит разное количество строк — от двух до девяти. Нормативным является пятистрочный период (грампластинка, 1-я сторона, № 1) [6]:

---

[5] Бурятский текст здесь и далее дается в соответствии с особенностями распеваемых звуков. Этим объясняются дополнительные звуки в словах.

[6] Текст отрывка из сказания «Гулдэмэй» приводится в соответствии с его звучанием на пластинке.



«Нарин хүзүүн Гүлдэмэй
Нашин хүбүүн шанъюудай
Хаанииш түлөө болохо

Тонкошеий Гулдэмэй
Сокол-парень шаньюдай,
Чтобы стать ханом,

„Ха(һ)а һуухама», — гэжэ
Хатуиши ехэ түхөө
«Ха(һ)а түрхэм», — гэжэ(н).
Түхөөрэжэ байбал даа.
Гэжэ ханай хэлхэдэн
Хоһон сагаан һорибоор
Хонсинсоро тоншижо
Үлдэлэжэ гаргаба.
Харайжахан (н)ошоо.
Малагаара шиниин бодожо,
Хаан хүнии бодооноор,
Хараасагайн унтаанаар
Одёорожо хэлэбэ *[7]:
«Нарин хузүүн Гулдэмэй
Нашан хүбүүн шаньюудай
Туха үбээ түхөөржэ
Туха үбээ дольёожо
Байнуу гээшүү гэбүү даа.
Хаанин түлөө
„Хаа һуухам", — гэжэ
Хатуу ехэ түхөө
„Хатуу түрхэм", — гэжэ
Түхөөрэжэ байбал».
Иижэ ханай хэлэбэ.
Хулһан сагаан һорьбоороо
Хонтеносо тоншижо
Үлдэлэжэ гаргабал.
Тэрэнь, гурбадахяа оржоржо
Баһаал ханай оржоржо
Мэндээ үбээ хэлэбэ:
«Дуулаһанаа хэлэхэм,
Ойлгоһоноо зугаалнам»,
Гэжэ ханай хэлэхэдэн
Хаан баабай гээшүү даа:
«Найдаһан хүбүүмни,
Этигэһэн хүбүүмни,
Юундэ тиижэ байхыймааб?»
Өөдөө ханай хаража
Энээгээшэн болобо,
Уруугашаа хаража
Уядажа һуубал даа.
Тэрэханай һуухадаа
Хэлээ бүтэ юумый даа:
«Энэ лэ нашан хүбүүеы
Хайшан гэхэ бэлэй даа?
Энээнии манай дархыйма,
Энээнии манай диилхэймэ
Үбээ дэли байнал даа».
Гэжэ ханай хэлэбэ.
Тиихэдэнь, Алтан Хара Ногоохов
Хэлээ бүтэ юумый даа:
«Шанха зүүн урда биедэ,
Нажарайханай наранай
Гараха дулэн доро даа,
Нажарайханай нарани
Орохо толон доро,
Гушан гурбан еллээ бэшэн саануу

Сказал: «Ханом воссяду!»
Сказал: «Ханом я появлюсь», —
И с твердой [решимостью] стал он
Готовить великое приготовление».
Когда хан такое услышал,
Выгнал вон [Черного Дулдай-дядюшку],
Звонко огрев его
Своим белым тростниковым посохом.
[Тот] выскочил и убежал.
Но и назавтра, [снова] поднявшись,
Когда хановы люди поднялись,
А простолюдины спали,
Он вошел и сказал *:
«Тонкошеий Гулдэмэй
Сокол-парень шаньюдай,
Говорят, будто он,
Не зная покоя, готовится,
Не зная покоя, торопится.
Чтобы стать ханом,
Сказал: „Ханом воссяду!"
Сказал: „Появлюсь я могучим!"
С твердой [решимостью] стал он
Готовить великое приготовление», —
Так он сказал.
[Хан] его выгнал вон,
Хлестко ударив его
Своим белым тростниковым посохом.
Тот и в третий раз заходит.
Когда он снова вошел,
Не спеша сказал:
«Что слышал — то и скажу,
Что понял — о том и поведаю»,
Когда тот поведал-сказал,
Тогда батюшка-хан:
«Отчего ведет себя так
Мой сын — надежда моя,
Мой сын — вера моя?»
Вверх посмотрит —
Будто смеется,
Вниз посмотрит —
Будто горюя, сидит.
Когда он так сидел, то
Будто бы так он сказал:
«С этим парнем-соколом
Как же нам поступать?
[Человека], способного его победить,
[Человека], способного его одолеть,
Нету, видно, пока», —
Так он говорил.
Тогда Алтан Хара Ногоохон
Будто сказал:
«Прямо на юго-восточной стороне,
Где под лучами
Восходящего летнего солнца,
Под сиянием
Заходящего летнего солнца
[На расстоянии пути] в тридцать три года

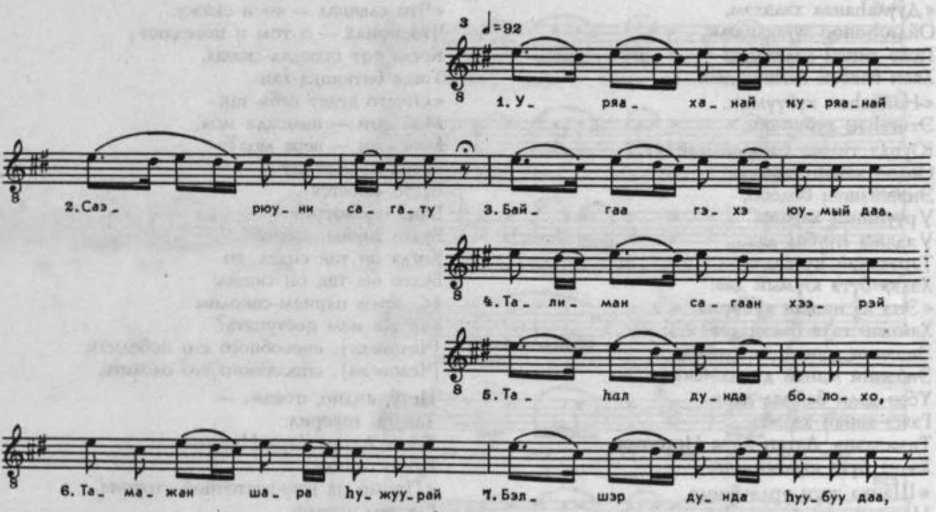
[7] Звездочкой отмечено место в тексте, где кончается нотировка.

Байгаа ханай юмый даа
Тухүрөөн Богдо Хаан гээшэл байнал даа:
Айха хатуу толгойтой,
Сэбэр хатуу сээжэтэй
Хүн гээшэн байнал даа.
Арбан хараан болохо
Түмэр хара байшантай,
Түмэр хара хүрээтэй
Һайхан хаан гээшэ юумал даа».

Живет-поживает он, говорят.
Был тучным тот Богдо Хан
С устрашающе могучей головой,
На зависть могучей грудью —
Таков тот человек.
На десять верст [раскинулся]
Его огромный железный дворец
С огромной железной оградой —
Таков тот славный хан».

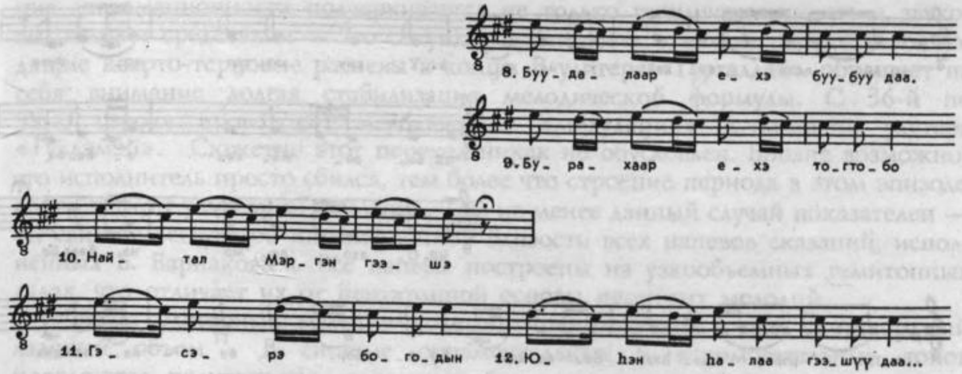
Шестислоговое расширение строки в данном улигере основано на сохранении ее мелодического содержания. В некоторых случаях вместо дробления и распева длительностей на отдельные слогоноты используется принцип повтора начальных звеньев мелодии строки. Расширенные строки не выходят за пределы мелодии эпоса и не приводят к изменению ее стилистики. Обращаем внимание на то, что пение улигерной мелодии происходит в нейтральной звукоподаче.

Мелодия улигера «Найтал Мэргэн-молодец» (далее — «Найтал») состоит из одной строки, но кадансовые попевки отличаются остановкой на верхнем звуке олиготонического [8] звукоряда и на нижнем тоне. Первая из них выполняет функцию зачинной строки, которая появляется перед завершением музыкально-поэтического периода. В результате окончание музыкально-поэтического периода обозначено двойной строкой, с помощью которой происходит членение 80-строчного фрагмента на 14 периодов [9]. Окончания в периодах в основном имеют синтаксическое значение и совпадают с окончаниями речевых предложений:



[8] Олиготоника (термин К. В. Квитки) — лад с узким объемом два-три звука, прилегающих к опорному тону.

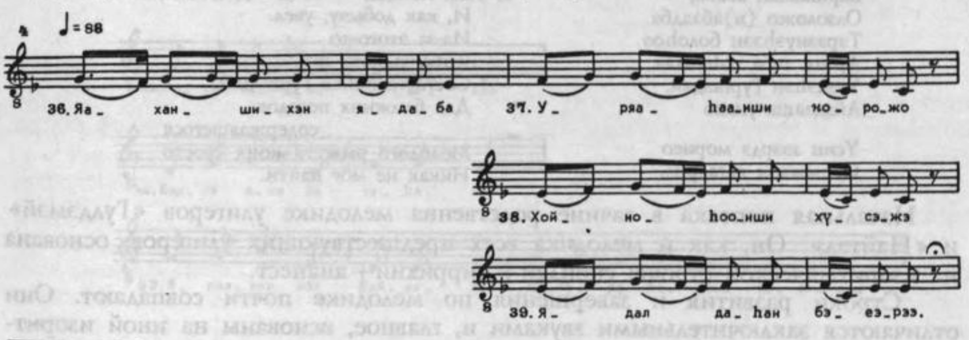
[9] В таком объеме представлен эпический напев «Найтал» в первой публикации [22, с. 177—182].



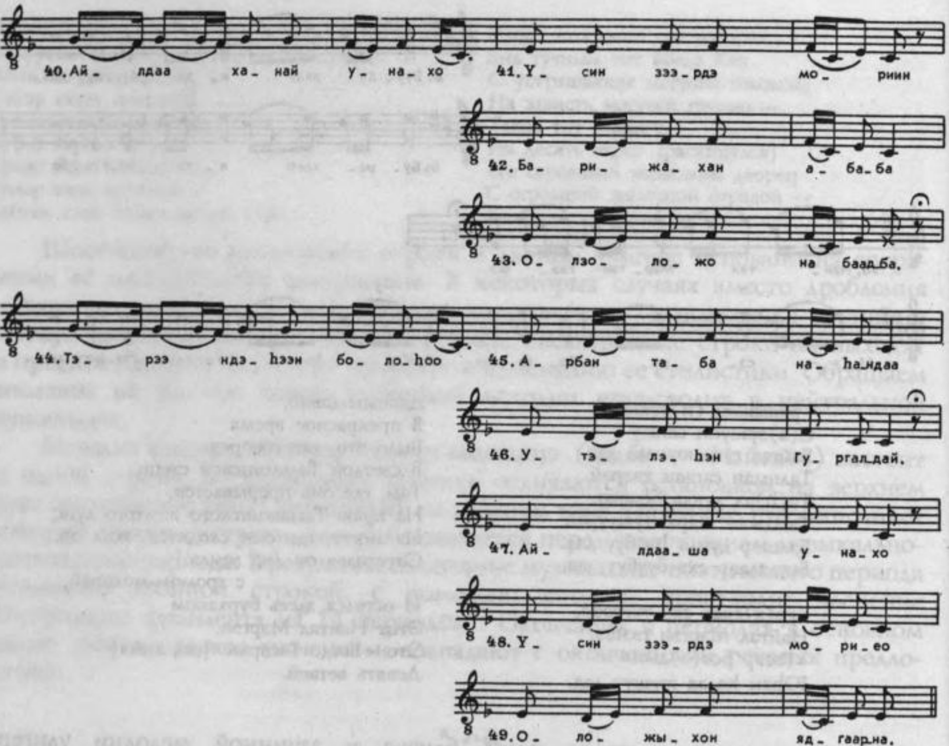
Уряаханай (н)уряанай	Давным-давно,
С(а)эрюуни сагату	В прекрасное время
Байгаа гэхэ юумый даа.	Было это, так говорят.
Талиман сагаан хээрэй	В светлой Тальминской степи,
Та(һ)ал дунда болохо,	Там, где она прерывается,
Тамажан шара һужуурай	На краю Тамажинского желтого луга,
Бэлшэр дунда һуубуу даа.	На месте, где они сходятся, жил он.
Буудалаар ехэ буубуу даа,	Спустился он [на землю] с громом-молнией,
Бур(а)хаар ехэ тогтобо,	И остался здесь бурханом
Найтал Мэргэн гэзшэ.	Этот Найтал Мэргэн.
«Гэсэр Бог(о)дын»	Это «Богдо Гэсэра» [сказания]
Юһэн һалаа гэзшүү даа.	Девять ветвей.

Мелодия данного напева очень близка к зачинной мелодии улигера «Гулдэмэй». В обоих случаях весь напев выдержан в терцовом ладу.

Мелодия улигера «В пятнадцать лет состарившийся Гургалдай» (далее — «Гургалдай») имеет наиболее сложную структуру. В ней можно выделить три разные по функции строки: зачин, развитие и завершение. В результате фрагмент эпоса «Гургалдай» [22] состоит из 82 строк и содержит 15 периодов, каждый из которых совпадает с синтаксическим делением на предложения [10]. Структурная стабилизация мелодики улигера происходит с 36-й строки:



[10] Здесь, как и в улигере «Найтал», рассматривается полный объем фрагмента, опубликованного в сборнике Д. С. Дугарова [22, с. 183—187].



Яаханшихэн ядаба:
Уряаһаанши (н)орожо
Хойноһоонши хусэжэ
Ядалдаһан бэеэрээ
Айлдаа ханай унахо

Үсин зээрдэ мориин
Барижахан абаба,
Олзоложо (н)абаадба.
Тэрээнуэһээн болоһоо
Арбан таба наһандаа
Үтэлэһэн Гургалдай.
Айадааша унахо

Үсин зээрдэ мориео
Оложыхон ядгаарна.

Никак он не мог:
И спереди подбирался,
И сзади его настигал,
И тогда, выбившись из сил,
Для ближних поездок
содержавшегося
Молодого рыжего коня
Он поймал
И, как добычу, увел.
Из-за этого-то
В пятнадцать лет
Состарившийся Гургалдай
Для ближних поездок
содержавшегося
Молодого рыжего коня своего
Никак не мог найти.

Начальная попевка в зачине родственна мелодике улигеров «Гулдэмэй» и «Найтал». Он, как и мелодика всех предшествующих улигеров, основана на изоритмической строке: спондей + пиррихий + анапест.

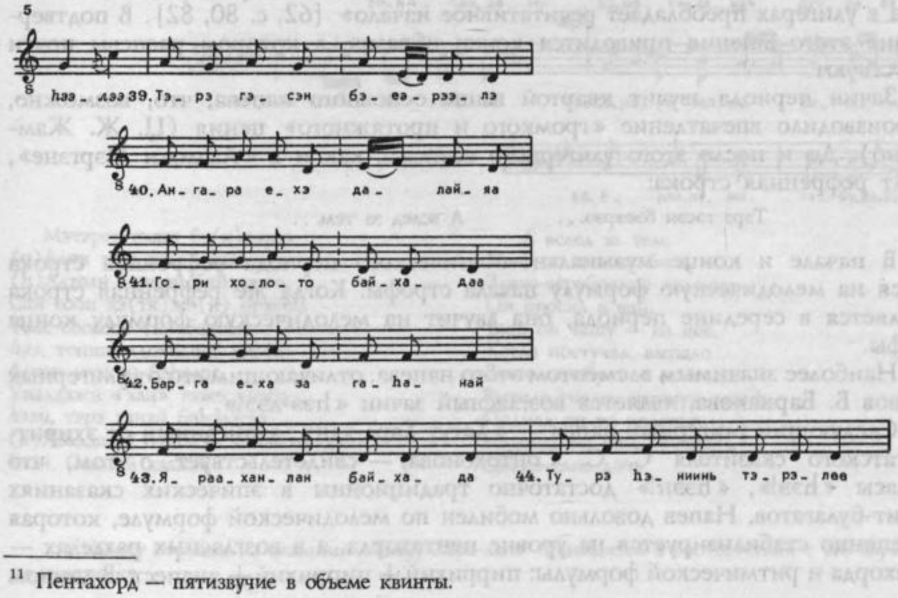
Строки развития и завершения по мелодике почти совпадают. Они отличаются заключительными звуками и, главное, основаны на иной изоритмической строке: пиррихий + пиррихий + анапест. Распевы в ней сведены до минимума, что придает улигерному напеву большую речитативность. Усиле-

ние декламационности подчеркивается не только ритмическими, но и звуковысотными средствами — это секундовые опевания в начале строки и нисходящие кварто-терцовые распевы в конце. В улигере «Гургалдай» обращает на себя внимание долгая стабилизация мелодической формулы. С 36-й по 39-ю строку происходит мелодическая «модуляция» к мелодии улигера «Гулдэмэй». Сюжетно этот переход никак не обусловлен. Вполне возможно, что исполнитель просто сбился, тем более что строение периода в этом эпизоде соответствует улигеру «Гургалдай». Тем не менее данный случай показателен — он свидетельствует об интонационной близости всех напевов сказаний, исполненных Б. Барнаковым. Все напевы построены на узкообъемных гемитонных ладах, что отличает их от пентатонной основы песенных мелодий.

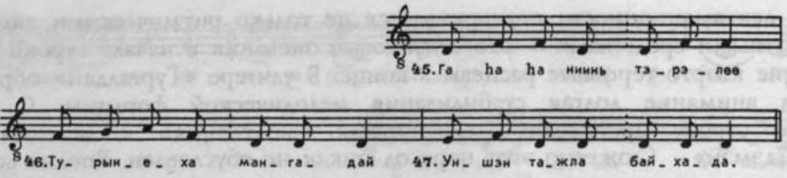
Итак, улигерные мелодии содержат олиготонный, реже пентахордный ладовый объем[11]. В системе орнаментальных и вспомогательных тонов появляются полутоновые ладовые ячейки, опевающие опорные с терцовым и квартовым амбитусом. Наиболее часто Б. Барнаков распевает начальные долгие звуки (благодаря этому в начале строки часто звучит спондей).

В целом можно допустить, что Б. Барнаков мог распевать эпический текст в несколько иных мелодических традициях, чем исполнитель эпоса «Аламжи Мэргэн» Елбон Шалбыков. Выявленные особенности улигерных напевов позволяют нам представить то, как мог бы распеть эпос «Аламжи Мэргэн» именно Б. Барнаков. Следовательно, для того чтобы определить стилистические возможности исполнения эпоса «Аламжи Мэргэн» Елбоном Шалбыковым, нам необходимо сопоставить приводимые выше мелодии с мелодикой у других эхирит-булагатских сказителей.

К счастью, сохранилась одна фонограмма, сделанная за 50 лет до того, как были произведены записи от Б. Барнакова, в Кудинской степи от неизвестного сказителя. Вот эта уникальная запись:



---
[11] Пентахорд — пятизвучие в объеме квинты.



һээ-лээ!
Тэрэ гэсэн бэеэрээлэ:
Ангара ехэ далайяа
Горихоложо байхадаа
Абарга ехэ загаһанай
Яраахайлан байхада
Түрэһэниинь тэрэлөө!
Гараһаниинь тэрэлөө!
Турын ехэ мангадай
Үншэн тажаа байхада. . .

Хээ-лээ!
А вслед за тем:
Когда Ангара полноводная
Еще ручейком была,
Абарга — рыба огромная
Еще мальком была,
Родился [он] — так оно было!
Появился [на свет] — так оно было!
Когда великан-мангадхай
Был еще сиротой-младенцем. . .

Здесь приводятся девять заключительных строк фонозаписи. Вся она представляет собой фрагмент эпоса, состоящий из 47 строк, и делится на четыре музыкально-поэтических периода. В начальном периоде происходит как бы поиск устойчивой мелодической структуры. Кудинский сказитель, как и Б. Барнаков, «перебирал» известные ему мелодические формулы, сохраняя неизменными самые общие структурные особенности напева. Он как бы постепенно нащупывал основной напев. Лишь в заключительном периоде можно говорить о стабилизации формулы. Зачин исполняется на синсемантические слоги — «һээ-лээ!», а ритмическая основа близка к улигерной мелодии «Гургалдай»: пиррихий + пиррихий + анапест.

Г. О. Туденов обращает внимание на то, что мелодия улигера сочетает черты, типичные для песенных мелодий, и что в то же время «в отличие от песен в улигерах преобладает речитативное начало» [62, с. 80, 82]. В подтверждение этого мнения приводится конец образца, в котором распевы почти отсутствуют.

Зачин периода звучит квартой выше основного напева, что, возможно, и производило впечатление «громкого и протяжного» пения (Ц. Ж. Жамцарано). До и после этого улигерного возгласа, как и в «Аламжи Мэргэне», звучит рефренная строка:

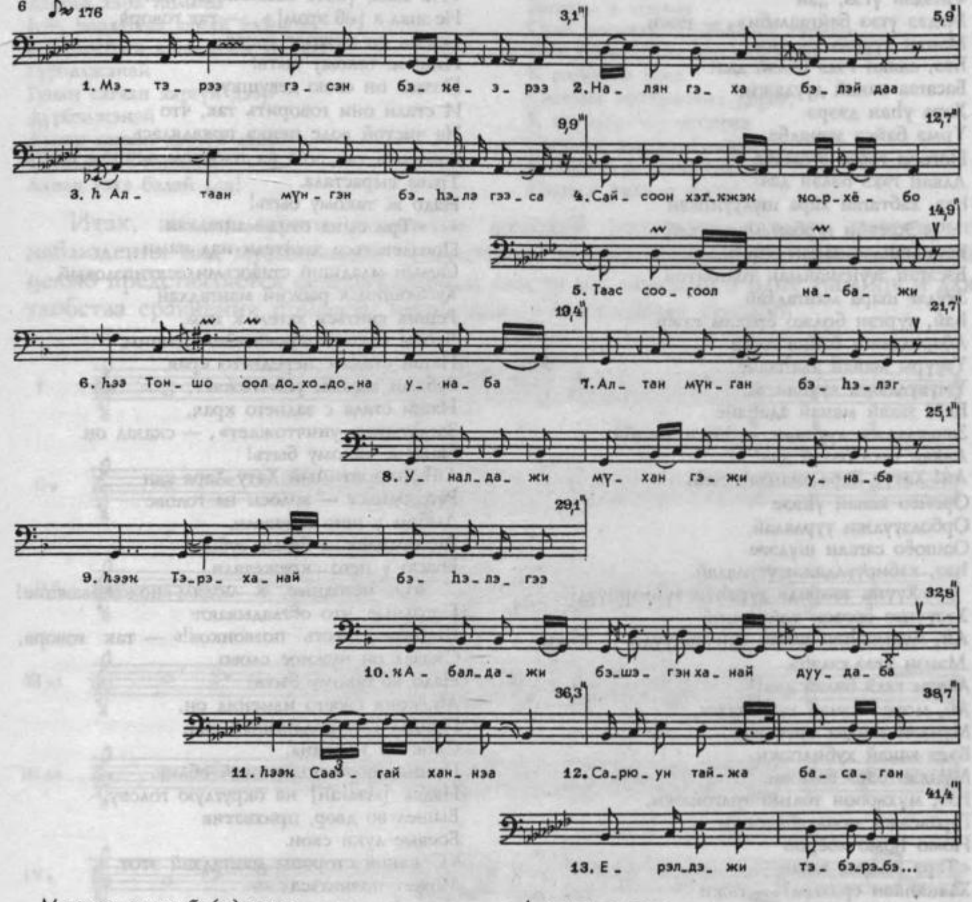
Тэрэ гэсэн бэеэрээ. . . А вслед за тем. . .

В начале и конце музыкально-поэтического периода рефренная строка поется на мелодическую формулу начала строфы. Когда же рефренная строка появляется в середине периода, она звучит на мелодическую формулу конца строфы.

Наиболее значимым элементом этого напева, отличающим его от улигерных напевов Б. Барнакова, является возгласный зачин «һээ-лээ!».

Следующий улигерный напев — «Хатуу Хара-хан», записанный от эхирит-булагатского сказителя С. С. Сонтохонова, — свидетельствует о том, что возгласы «һээ!», «һээн!» достаточно традиционны в эпических сказаниях эхирит-булагатов. Напев довольно мобилен по мелодической формуле, которая постепенно стабилизируется на уровне пентахорда, а в возгласных разделах — гексахорда и ритмической формулы: пиррихий + пиррихий + анапест. В данном

примере, как и в улигерном напеве сказителя из кудинской степи, усиливается роль возгласных зачинов, чередующихся с декламационной изоритмичностью (грампластинка, 2-я сторона, № 3) [12].



Мэтэрээ гэсэн бэ(н)еэрээ:
(н)Алян гэха бэлэй даа —
(h)Алтаан мүнгэн бэhэлэгээ
Сай соон хэ(тк)жэ(н) орхёбо.
Таас соогоол (н)абажи
hээ, тоншоолдоходонь унаба
Алтан мүнгэн бэhэлэг
Уналдажи «хан» гэжи унаба.
hээн, тэрэ ханай бэhэлэгээ
(н)Абалдажи бэшэгэн ханай дуудаба.
hээн, Саазгай хаанай

А вслед за тем:
Надо ж такому быть —
Злато-серебряное колечко
Он бросил в чай.
Взял он чашу — из нее,
Когда постучал, выпало
Злато-серебряное колечко.
Выпало-упало, звякнув «хан!».
Поднял он то колечко
Надпись на нем прочитал.
Сазгай-хана дочь

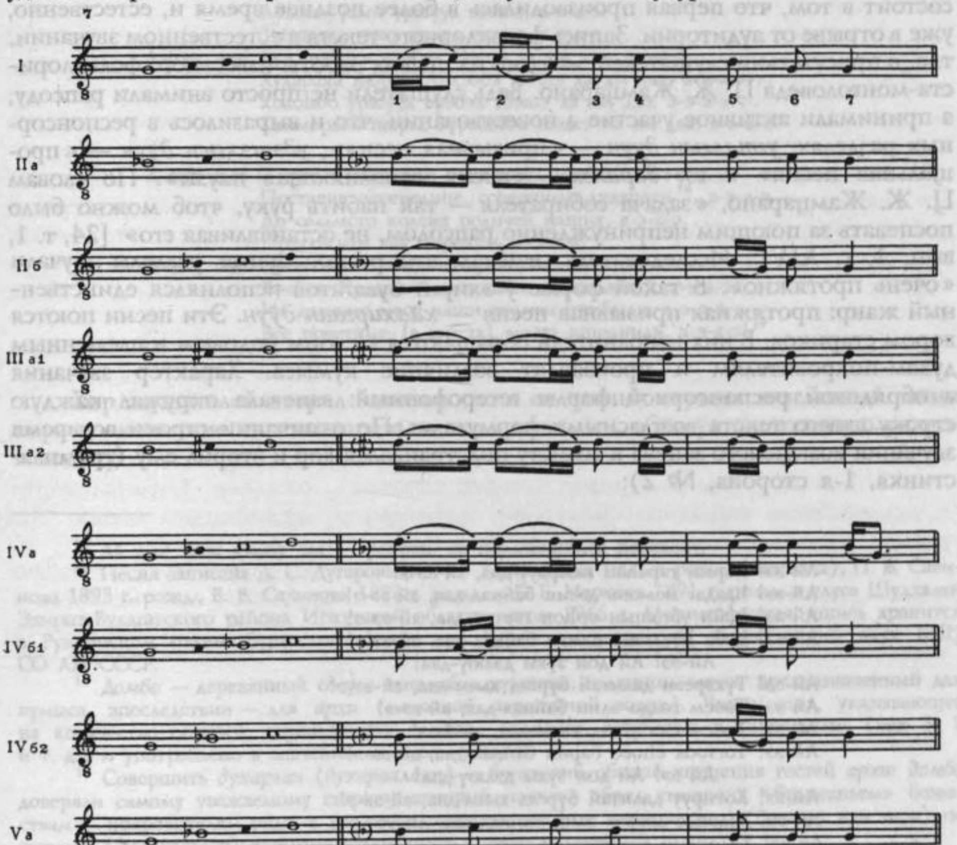
[12] Текст отрывка из сказания «Хатуу Хара-хан» приводится в соответствии с его звучанием на пластинке.

Сарюун Тайжа басаган
Ерэлдэжи тэбэрэбэ*:
«Һээ, иимэ хүбүү хүбүүлээд
Намайеэ яахуй шоглоош?» — гэжи.
«Мэдэн үгээ, „ай"
Мэдээ үгээ байгаальби», — гэжи
Мэнэн хүүрээ хэлэжи.
Һээ, аляан гэхэ бэлэй даа!
Басагаа ханай дуудажи,
Хара уһан дээрэ
Үрмэ байса зугаалба,
Ногоон гарса зугаалба
Аляан гэхэ бэлэй даа!
Һээ, хабтагай хара шулууһаан
«Эсэгэйн гурбан мангадхай
Һээ, мандаа ханай бэрхэлдэжэ,
Бэсэгэн зуун найман толгойтой
Зуудаг шара мангадхай
Һай, хүргэн болжо ерэхэм гэжи
Абаралдажи байна гэжи.
Үзүүры манай адаһаайе
Үмүхүлдэжи дууһаа ла,
Һай, захай манай адаһайе
Зальялдажи дууһаа», — гэжи хэлэбэ.
Аляан гэхэ бэлэй даа!
Ай! Хатуу Хара хаанхан гоай
Оройёо ханай үһэзэ
Орболзуулжи уурлалай,
Оошоёо сагаан шүдэзэ
Һээ, хабируулдажи уурлалай.
«Хүүни зөөридэ хүрэһэн хүйхэрнүүд!
Хүзүүнэз ёргоон тойромгой
Ай, мульжэһэн ханай хүйхэрнүүд!» — гэжи
Мэнэн үгээ хэлэбэ.
Аляан гэхэ бэлэй даа!
Ай, морёо ханай хубилгажи,
Мүнхэн зандаа оруулжи,
Бэеэ ханай хубилгажи,
Мүнхэн бэеэ бэелжи.
Һээ, мүхэрөөн толгой толгойлжи,
Гаралсажи газаа абалсажи
Номо һомо хоёроо
«Тэрэ мангад гахай
Хаанаһаан ерэхым? — гэжи
Һуун үгээ һураба, —
Тоогүй түхөөрхэм
Тоогүй дурдан үгэёор нэхэхэм!» — гэжи
Мэнэн хүүрээ хэлэбэ.
«Баруун урда бэеэдэ-лэ,
Һээ, эсэгэйн гурбан хүбүүн бии гэжи,
Бэсэгэн хүбүүн бии ханай
Айхаа барта абатайма
Шэрыхээ барта шэштэймэл!»
«Ай, — эжэн ханай хэлэбэ, —
Аха барта абтайшии хэдэн,
Шэрыхэ барта шэштэйшии хэдэн?
Хүүнии хүбүүн хүнһээлэй
Хүзүүнэй ёргоон тойромгой
Ёргооһоон үлэ үгээ», — гэжи лэ

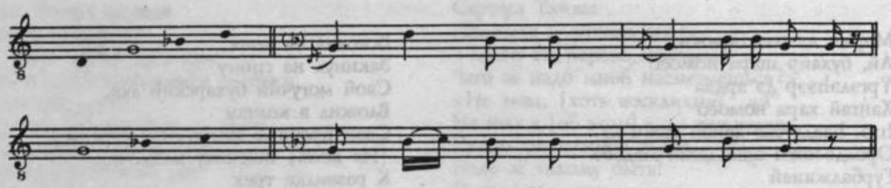
Сарюун Тайжа
Подошла и обняла его *:
«Такой ты, парень, молодец,
Чего ж надо мной насмехаешься?»
«Не знал, [хоть воскликни] „ай",
Не знал я [об этом] », — так говоря,
Сказал он нужное слово.
Надо ж такому быть!
Позвал он свою девушку,
И стали они говорить так, что
На чистой воде пенка появлялась,
Говорить так, что на плоском черном камне
Трава вырастала.
Надо ж такому быть!
«Три сына отца-мангадхая
Поиздеваться захотели над нами.
Самый младший ставосьмидесятиголовый,
Кусающийся рыжий мангадхай
Решил явиться зятем к нам,
Чтобы стать покровителем нашим.
Наши стада с переднего края,
Зубами хватая, уничтожает,
Наши стада с заднего края,
Заглатывая, уничтожает», — сказал он.
Надо ж такому быть!
Ай! Досточтимый Хату Хара-хан
Рассердился — волосы на голове
Дыбом у него вставали,
Рассердился — белые зубы
Вовсю у него скрежетали.
«О, негодные, к людям пожаловавшие!
Негодные, что обгладывают
Шейные шесть позвонков!» — так говоря,
Сказал он нужное слово.
Надо ж такому быть!
Ай, коня своего изменил он,
Придал ему подлинный вид,
Себя он изменил,
Принял свой подлинный облик.
Надел [малгай] на округлую голову,
Вышел во двор, прихватив
Боевые луки свои.
«С какой стороны мангадхай этот
Может появиться? —
Спросил нетерпеливо, —
В путь соберусь непременно
Нагоню, не окликая его!» —
Сказал он нужное слово.
«На юго-западной стороне
Отца-мангадхая три сына находятся,
Среди них — самый младший,
Страшно его колдовство,
Ужасно его волшебство!»
«Ай, — сказал хозяин, —
Много ль страшного в нем колдовства,
Много ль ужасного в нем волшебства?
Ведь у отпрыска человека
Из шейных шести позвонков
Больше шести не бывает», — сказал,

Морин дээрээ гаражи,	Вскочил на коня,
Ай, бухайр шара номоёо	Закинул на спину
Үргэлэhээр лэ ардаа	Свой могучий бухарский лук,
Хангай хара номоёо	Вложил в колчан
hээ, hаадагтаа ханай хэжи лэ	Свои прочные хангайские стрелы,
Ородосожи ашадажи мэдэбэ	[На коня] поклажу навьючил.
Гурбалжанай	К развилке трех
Гунан сагаан харгүй дээр	Светлых прекрасных дорог,
Дүрбэлжэнэй	К перекрестку четырех
Дүнэн сагаан харгүй дээр	Светлых заветных дорог
Ошолдожи тогтобо.	Подъехал и остановился.
Аляан гэхэ бэлэй даа!	Надо ж такому быть!

Итак, анализ шести улигерных мелодий позволяет сделать некоторые наблюдения над музыкальной стилистикой эхирит-булагатского эпоса. С этой целью представляется целесообразным свести все мелодии в одну таблицу и для удобства сравнения привести их к одному тональному уровню:



VIа VIб



Сравнение мелодий свидетельствует о том, что эхирит-булагатский эпос развивался в кругу своих, отличных от песенных мелодий, формул: система опорных тонов достаточно стабильна и содержит терцовые, квартовые, квинтовые и реже секстовые рамки. Ритмика также стабильна и представлена двумя вариантами, отличающимися между собой только началом (спондей или пиррихий).

Одно из главных отличий фиксации улигерных напевов от текстовой записи состоит в том, что первая производилась в более позднее время и, естественно, уже в отрыве от аудитории. Запись фольклорного текста в естественном звучании, т. е. в присутствии слушателей, — одно из правил работы известного фольклориста-монголоведа Ц. Ж. Жамцарано. Ведь слушатели не просто внимали рапсоду, а принимали активное участие в повествовании, что и выразилось в респонсорных разделах: *угталгын дуун* — «призывная песня», *удэшэлгын дуун* — «прощальная песня» и *сэг даралга* — «песня, заполняющая паузы». По словам Ц. Ж. Жамцарано, «задача собирателя — так набить руку, чтоб можно было поспевать за поющим непринужденно рапсодом, не останавливая его» [24, т. 1, вып. 1, с. XIV]. Исследователь отмечал, что респонсорные разделы звучали «очень протяжно». В такой форме у эхирит-булагатов исполнялся единственный жанр: протяжная призывная песня — *хаахиргаан дуун*. Эти песни поются хором стариков. В них исполнители обращаются к своим родовым и племенным духам-покровителям и производят возлияние кумыса. Характер звучания в обрядовой респонсорной форме гетерофонный: запевала окружал каждую строку своего текста возгласными формулами. По окончании строки во время звучания возгласного запева к солисту подстраивался хор и вторил ему (грампластинка, 1-я сторона, № 2):

Ай-ээ! Һарын гараһан газартуу-даа, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Һаадаг номонь дэлин байнал-даа, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Һайн үбгэшын орһон гэртүү-даа, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Һаба һуулгань нэмэн байнал-даа, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Ай дон зүхы дэлюү-даа!
Ай-ээ! Түхэреэн далитай бүргэд хьим-даа, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Төөем голдо элин байнал-даа, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Төөем ехэ үбгэд хьим-даа, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Тогтоол ёһоёо барин байнал-даа, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Ай дон зүхы дэлюү-даа!
Ай-ээ! Хотируу далитай бүргэд хьим-даа, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Ходонсо дээрээ элин байнал-даа, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Ходонсын ехэ үбгэд гээшүү-даа, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Ёһо хүүлияа эсхэн байнал-даа, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Ай дон зүхы дэлюү-даа!

Ай-ээ! В той стороне, где восходит луна, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Лук со стрелою туго натянут, ай-ээ-э!

Ай-ээ! В юртах, где побывали добрые старцы, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Молочная пища прибавляется, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Ай дон зухы дэлюү-даа![13]
Ай-ээ! Орел с округлыми крыльями, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Над долиной Тоока парит, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Великие старцы Тоока, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Обычаи старины соблюдают, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Ай дон зухы дэлюү-даа!
Ай-ээ! Орел с изогнутыми крыльями, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Над долиной Ходонсы парит, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Великие старцы Ходонсы, ай-ээ-э!
Ай-ээ-э! Свои законы создают, ай-ээ-э!
Ай-ээ! Ай дон зухы дэлюү-даа![14]

(грампластинка, 2-я сторона, № 4):

А-һэз, а-а! Долоон сүхэтэй домбол гээшэ бэлзэл, а-э-а-э. . .
Дундаа табижа дүхарялл гээшэ, а-э-а-э. . .
Долоон үеын урагууд гээшэ, а-э-а-э. . .
Зугаалхал гэжэ уряал гээшэ, а-э-а-э. . .
А-һэз, а-э! Хун шубуун ерэбэл гээшэ ха ям даа, а-э-а-э. . .
Худараяа нюрга бүрхэзбэ гээшэ ха ям даа, а-э-а-э. . .
Холоһоо урагууд ерэбэл гээшэ ха ям даа, а-э-а-э. . .
Хойморьёо нюрга бүрхэзбэл гээшэ ха ям даа, а-э-а-э!

А-хэз, а-а! С семью обручами этот сосуд-домбо[15], а-э-а-э. . .
Поставив посередине, совершили духарян[16], а-э-а-э. . .
До седьмого колена родичей наших, а-э-а-э. . .
Пригласили мы пировать, а-э-а-э!
А-хэз, а-а! Прилетели лебеди-птицы[17], а-э-а-э. . .
Хребты Кудары[18] заслонили [крыльями], а-э-а-э,
Из дальних мест наши родичи прибыли, а-э-а-э,
Все почетные [в юртах] места заполнили, а-э-а-э![19]

Хор слушателей вторил запевале, но в отдельных случаях возгласный зачин хора и окончание партии запевалы накладывались, образуя спонтанную разноголосицу.

---

[13] Ай дон зухы дэлюу даа! — рефрен, не поддающийся переводу.

[14] Песня записана Д. С. Дугаровым от П. А. Андреева 1901 г. рожд. (запевала), П. В. Савинова 1893 г. рожд., В. В. Савинова 1883 г. рожд. и Б. Г. Маркова 1891 г. рожд. в улусе Шудхалан Эхирит-Булагатского района Иркутской области летом 1966 г. Магнитофонная запись хранится в Рукописном отделе бурятского фонда при Бурятском институте общественных наук БНЦ СО АН СССР.

[15] *Домбо* — деревянный сосуд, наподобие кувшина, в данном случае предназначенный для кумыса, впоследствии — для *архи* (молочной перегонной водки). Число семь, указывающее на количество обручей, скрепляющих *домбо*, — условное, относится к сакральным (как 3, 9 и т. д.) и употреблено в значении множественности.

[16] Совершить *духарян* (*духаряалаха*) — бурятский обычай угощения гостей *архи*: *домбо* доверяли самому уважаемому старику, который начинал обряд угощения «брызганьем» божествам — покровителям рода, а уж затем разливал напиток в чаши-пиалы (*тагша* или *аяга*) по очереди (*духарягаар*) каждому из сидящих в круге родичей.

[17] Лебедь (*хун шубуун*) — священная птица, тотем. Почитается некоторыми бурятскими племенами (хоринцами, хонгодорами) как божественная прародительница.

[18] Хребты Кудары — горы в низовьях р. Селенги на восточном побережье оз. Байкал.

[19] Зап. Д. С. Дугаровым летом 1987 г. от группы жителей с. Ранжурово Кабанского района Бурятской АССР. Магнитофонная запись хранится в рукописном отделе Бурятского института общественных наук БНЦ СО АН СССР.

В отличие от *хаахиргаан дуун* респонсорные разделы «Аламжи Мэргэна» не имеют таких развернутых возгласных частей с распевом на синсемантические слоги. Поэтому собиратель никак не отметил их в тексте.

Другая отличительная черта респонсорных разделов эпоса — отсутствие повтора хором строки, исполненной запевалой. Текст хоровых разделов был уже известен эпической аудитории, и, в отличие от песенных импровизаций, его строки пелись поочередно солистом и хором.

Структурные признаки респонсорных мелодий — гетероритмичность и мелодическая аформульность. В звуковысотном отношении — чередование квартово-терцовой возгласности с декламационным повтором на одной высоте. В целом респонсорные разделы эхирит-булагатского эпоса могли звучать в одном диапазоне с улигерной мелодией, но контрастировали с ней в организации ритмики и лада.

Анализ шести улигерных напевов позволяет сделать следующие выводы о стилистике пения эхирит-булагатского эпоса.

Для всех улигерных мелодий характерны единые стилистические признаки: изоритмичный семисложный ритм (двух типов), диатонический олиготонно-тетрахордный принцип звуковысотной организации, типологическое родство мелодических формул, общие принципы распевов и расширения слогового состава строки.

Каждый улигер отличается своей индивидуализированной мелодией. Не исключено, что и «Аламжи Мэргэн» пелся на индивидуальный улигерный напев, который характеризовал только это сказание. Разумеется, этот напев по стилистике отличался от песенных и соответствовал рассмотренным выше чертам с учетом исполнительских особенностей эпического пения Елбона Шалбыкова.

Улигерная мелодия в эхирит-булагатской традиции «устанавливала ритмическую меру улигерных стихов» [62, с. 82]. Аналогичное ритмизующее действие семисложник имеет в эпических культурах казахов и киргизов [6, с. 126—146, 16, с. 158—212]; но главная отличительная черта бурятского исполнения эпоса — это спокойная и протяжная форма интонирования.

Стилистика респонсорных (сольно-хоровых) разделов свидетельствует о монодийном характере фактурной организации ансамблевого пения. Эти разделы пелись на мелодии, отличающиеся от улигерной.

В целом музыка эхирит-булагатского эпоса характеризуется довольно архаичными чертами: олиготоника, монодийная гетерофония, орнаментальные распевы. Все это придает специфические черты мелодии, призванной создать определенную эмоциональную атмосферу слушания и соучастия в момент исполнения эпического произведения.

Д. С. Дугаров
Ю. И. Шейкин

ТЕКСТ И ПЕРЕВОД

АЛАМЖИ МЭРГЭН ХҮБҮҮН
АГУЙ ГООХОН ДҮҮХЭЙ ХОЁР

1

Шагаабарьтай, шагаабарьтай турада бэлэй
Шагнахаар, шагнахаар улигэри татха яалай!
Шагнажи һууһан нүхүшиндаа
Дууряалсарин хэлэхү яалай!
Абадар юүе инеэжи-даа
Арбан зэбэйе һэргээхү яалай!
Арбан гурбан хаанай бэлэй-лэ
Ахалха дээжын хэлэхү яалай!

Урайнай уриндо-ло,
Урин сагай түрүүндө-лө;
Сагай юүнэй сарюунда,
Саарһан юүнэй нимэгэндү
Түрэн гэһэн юүмэ-лэ,
Гаран гэһэн юүмэ-лэ.
Бэһэ үгэй бэлэндэ,
Бээлэй үгэй дулаанда
Түрэн гэһэн юүмэ-лэ,
Гаран гэһэн юүмэ-лэ.
    Тэрэ гэсэн бэеэрээ:
Саи-ханай зөөлөннө-лө байхада,
Саһан-ханай сабхаң сагаан байхада,
Саарһан юүнэй нимэгэн-ханай байхада
Түрэбэ гараба гэхү-даа.
    Тэрэ гэсэн бэеэрээ:
Аойн гэхү бэлэй-лэ!
Далан долоон тэнгэрын
Далин дорон түрүбө,
Ерэн долоон тэнгэрын
Ебэр дорон түрүбө.
    Тэрэ гэсэн бэеэрээ:
Аойн гэхү бэлэй-лэ!

АЛАМЖИ МЭРГЭН МОЛОДОЙ И ЕГО СЕСТРИЦА АГУЙ ГОХОН

1

В этом доме со многими окнами
Улигер величавый поведаем!
Так расскажем его,
Что подхватят все слушатели!
Свои сундуки откроем,
Десять стрел обновим,
О самом достойном
Из тринадцати ханов расскажем.

Он родился, говорят,
В стародавние времена,
В пору славного времени,
Когда бумага была [совсем] тонкой,
Тогда родился он, говорят,
Тогда появился на свет, говорят.
Когда без поясов было легко,
Когда без рукавиц было тепло *,
Тогда родился он, говорят,
Тогда появился на свет, говорят.
Вслед за тем *:
В старое доброе время,
Когда снег был [совсем еще] белым,
Когда бумага была [совсем] тонкой,
Родился-появился он, говорят,
Вслед за тем:
Как не сказать «ай!» *.
Под крыльями семидесяти семи *тэнгриев*
Он родился,
Под крыльями девяноста семи *тэнгриев*
Он родился.
Вслед за тем:
Как не сказать «ай!».

Захайн-хани модоной
Задаражи байхада,
Загал-хани һогооной
Инзага-лан байхада
Түрөө гэхэн тэрэл-даа!
Будүүн гэхү модоной
Бүртүгүлүн байхада,
Ехэ гэһэн хаанай-ла
Үлүгүйтэй-лэ байхада
Түрөө гараа гэхэл-даа.
Ангар ехэ далайяа
Горихо-лон байхада,
Абарга ехэ загаһанай
Яраахай-лан байхада
Түрөө гэһэн юүмэ-лэ.
    Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
Ойн шанай ондо-ло.
Турайн ехэ мангаши
Үгээтэй ядуу байхада,
Тураг ехэ шобууни
Булжимар-ла байхада
Түрөө гэхэн тэрэл-даа.
Айн шанай анда-ла.
Газаада ехэ далайяа
Гарим дээрэн түрүбэ-даа,
Газар ехэ дайдаяа
Гүрүм дээрэн түрүбэ-даа,
Түрүн гаран яргаба.
Зүүни хаани зүгтэ-лэ
Зүгэй-хани дайдада
Түрүжи гаража байба-даа.
Гушин-хаани гурьбида,
Гурбан сэеын булууда
Түрүн гаран яргабал.
Хадаһаа-лан харьяма
Халюунай-ла хахархгүй
Халюун хиитхүүр дайдаяа
Эжилэжи түрүбэ-даа.
Бооריһоон-ло бурьяма
Булаганай бусархгүй
Булган хиитхүүр дайдада
Эжилэжи түрүбэ-даа.
Түрүһэниин тэрэл-даа!
Хуриганай хухархгүй
Хуултай домтай дайдаяа
Хубилажи бодобол-даа.
Эшигэнэй эмдэрхгүй
Эмтэй домтай дайдада

Когда распускалось
Первое дерево,
Когда отелилась
Могучая изюбриха,
Родился он, говорят.
Когда толстое дерево
Еще кустиком было,
Когда старший из ханов
Еще в колыбели лежал,
Родился он, говорят.
Когда река Ангара широкая
Еще ручейком текла,
Когда *абарга* — рыба огромная
Еще мальком была,
Родился он, говорят.
Вслед за тем:
Вот чудеса какие *!
Когда *мангадхай* могучий
Еще бедным-немощным был *,
Когда птица *тураг* громадная *
Еще с жаворонка была,
Родился он, говорят.
Вот чудеса какие!
На берегу
Огромного внешнего моря он родился,
На краю
Великой земли-матери он родился,
Родился и зажил счастливо.
В стороне восточного хана,
На земле стороны восточной
Родился он, появился.
На тех тридцати холмах,
На перепутье трех сторон
Родился и зажил счастливо.
Он родился хозяином
Богатой, привольной земли,
С бурливыми горными [реками],
С несчетными выдрами.
Он родился хозяином
Широкой, привольной земли,
С говорливыми горными [ручейками],
С несчетными соболями —
Вот каким он родился!
Он родился-поднялся
На земле целебной, питающей,
С несчетными ягнятами.
Он хозяином обосновался
На земле целебной, врачующей,

Эжиниин болон һууба-ла.
Һара тээһээн һальхилма
Һайхан сэсэг дайдада
Эжилэжи түрүбэл-даа,
Наран тээһээн дэбшимэ
Намшиһан сэсэг дайдада
Албаталжи түрүбө-даа.
Табан хүлүр хадаяа
Талаан дээрэн түрүбэл-даа,
Тайгуйн хүйтүн булагаа
Узуур дундан түрүбэл-даа.
Тайгуйн хүйтүн булагтан
Эрье дээрһээн ургаба.
Эмтэй улаан шүнүһөн
Ара бэеһээн намаалба
Алтан сэсэг намаагаар,
Эбэр бэеһээн намаалба
Мүнгүн сэсэг намаагаар.
Хара ехэ хадаяа
Хара ехэ далайяа
Хаяа дээрэн түрүбэл-даа,
Уһан ехэ далайяа
Эрье дээрэн түрүбэл-даа.
Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
«Хүнхэншье түрүбэльби,
Хүүнэй хүбүүн түрүбэльби;
Эрэхэншье түрүбэльби,
Эсэгэ Малаан заяабал!» —
Хэлэн хүүнэн байба-ла.

2

Хүүнэй юүнэй һуугаагүй,
Хүүнэй юүнэй эжилээгүй,
Хүлүгэй * юүнэй гэшхээгүй,
Хүлүр мүнгүн добуундаа
Гаражи-ла байбал-даа.
Тиисэн яасан хойно-ло,
Ойдо ханай гаражи,
Ойдо байһан модойе
Обоо собоо унагаажи,
Узуурһаани отолжи,
Узуурһээни хирбэбэл.
Тэрэ гэсэн бэеэрээ:
Хүүнэй юүнэй эжилээгүй,
Хүлүг юүнэй гэшхээгүй
Хүлүр мүнгүн добуундаа
Обоо собоо асаржи

С несчетными козлятами.
Он родился хозяином
Цветущей, прекрасной земли,
С лунной стороны обдуваемой.
Он родился владетелем
Зеленой, цветущей земли,
С солнечной стороны овеваемой.
Он родился у подножий
Пяти могучих гор,
Он родился у истока
Таежного студеного родника.
Близ таежного
Студеного родника
Целебная красная лиственница выросла:
С северной стороны
Золотые листья у нее распустились,
С южной стороны
Серебряные листья у нее распустились.
Близ высокой черной горы,
Близ огромного черного моря
Он родился.
На берегу великих вод морских
Он родился.
Вслед за тем:
«Человеком рожден я,
Сыном людей рожден я,
Мужчиной рожден я,
Сотворен Эсэгэ Маланом!» * —
Так он говорил-сказывал.

2

Поднялся он
На холм из цельного серебра,
На котором никто еще не бывал,
На который скакун еще не ступал,
Которым никто еще не владел.
После всего этого:
Он отправился в лес,
Стал лесные деревья
Валить и складывать в кучу,
Под корень их срезая,
Верхушки им обрубая.
Вслед за тем:
Он собирал деревья,
В большую кучу их сваливая
На холме из цельного серебра,
Которым еще человек не владел,

Буулгажи байбал-даа.
Дайда-ханай дээрэһээн
Далан дархайн асаржи
Гульдхажи байнал-даа.
Тиисэн байсан хойно-ло:
Үлгэн сагаан дайдаһаан
Тулгаатаяан суулгаба,
Үндүр сагаан тэнгэрьһээнь
Гэнжи угэй ботхобол.
Уран гараар бариба
Уран сэбэр байсанье,
Будалдажи тогтообо;
Нарин гараар бариба
Налгай сэбэр байсанье,
Будалдажи тогтообо.
Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
Орой дээрэн болобо
Хаймал мүнгүн хёосоороо
Хушилдажи бүтээбэ.
Түүни дээдэ бэедэнь
Хүжи нигэ налшимал
Хүлүр мүнгүн оохольби
Гарагажи дарабал-даа.
Тииһэн яаһан хойно-ло:
Доодо ехэ ханаарин
Долоо минган шагаабар
Дэлилгэтэй зэргэлбэ;
Дээдэ ехэ ханаарин
Дэмэй олон шагаабар
Ухаряагаарин зэргэлбэ.
Тэрэ гэсэн бэеэрээ:
Уруудажи дамжиха
Ура мүнгүн хэрэнсы
Ухаряагаараа бүтүбэ;
Үхөжи байжи дамжиха
Үргэн мүнгүн хэрэнсы
Үргүлжээрээ бүтэбэ.
Эржин-ханай шулуугаар
Эрхин хэжи бодхобо,
Боржин-ханай шулуугаар
Боһого хэжи бүтээбэ;
Эрьенэй мүнгүн үүдээрээ
Хабхаглажи бүтээбэ.
Осоо бэедэн бүтээбэ —
Нараһа модэй холбожи
Лаабхи хэжи-ханай
Нахилзаса бүтээбэ,
Холоһон модэй холбожи

На который еще скакун не ступал.
Со всех концов света
Он собрал
И привез семьдесят кузнецов.
После всего этого:
На просторной светлой земле
[Дворец] с опорами он заложил,
Без цепей с высокого светлого неба
[Дворец] он воздвиг,
Руками умелыми он построил,
Снаружи покрасил
Красивый, стройный дворец;
Искусными руками построил,
Снаружи покрасил
Высокий, красивый дворец.
Вслед за тем:
Верх дворца
Серебряным тесом выложил он —
Так сделал крышу.
На крыше той
Конек закрепил —
Выкованный
Из цельного серебра.
После всего этого:
По низу высокой стены
Он прорубил, распахнув,
Семь тысяч окон.
По верху высокой стены
В ряд прорубил
Несчетное множество окон.
Вслед за тем:
Чтобы спускаться вниз,
Ступенчатое крыльцо он построил,
Высокое, серебряное.
Чтобы вверх подниматься,
Наклонное крыльцо он построил,
Широкое, серебряное.
Из камней с перламутром
Дверные колоды он сделал,
Из гранитного камня
Порог он вытесал,
Из витого серебра
Дверь на проем навесил.
Внутри же вот что он сделал:
Из сосновых досок
Лавки он сколотил,
Гибкие, упругие.
Камышовые стебли соединив,

Хотолзосон бүтээбэ.
Түүни дээдэ бэедэнь
Улаа мүнгүй наншижи
Оёорложи бүтээбэ,
Алта мүнгүй хайлажи
Үнгүлэжи бүтээбэ.
Ара ехэ ханаяа
Алта мүнгөөр дуйлаба,
Эбэр сагаан ханаяа
Сагаа мүнгөөр сардаба:
Саһанаһаа сабсагаан,
Саараһанһаан ялдамхаар бүтээбэ-лэ.
Тэрэ гэсэн бэеэрээ:
Далан хүлэр беэжиеэ
Аряадаарин бариба;
Далан хүлэр беэжидээ
Душин хобол соргуйе
Нэгэдхэжи гаргалай.
Далан хүлэр беэжыен
Дала наян хүүниин-лэ
Далан сажин түлеэгээр
Үдэртээ нэгэ түлежи
Дулаан бүлеэн болголойл.
Далан хобол соргоорон
Унин тооһон хоёрын
Оръёложи гаранал,
Гаралдажи талииба:
Үлгүн байһан дайдадаа
Унин болoжи тунаба,
Үндэр сагаан тэнгэрьдээ
Үүлэн болoжи хөөрөбөл-даа,
Үргэн байһан далайдаа
Манан болон ошобо,
Ошоһониин тэрэ-лэ!
Хойто бэедэ байнал-даа
Дааганайни урилдама барибал-даа,
Дардам мүнгүн одвоор
Сасаг мүнгүн хёосооро
Хушилгатай бүтэжи
Бодоо гэхэн юухэн бэй!
Урда бэедэн бүтэбэ
Унаганай урилдама
Улаа мүнгүн одвоор
Бодоо гэһэн юумэ-даа.
Ерэн долоон үүдэтэй
Ербэй мүнгүн амбаарын
Ерэн бархаг хюлуустай

[Сиденья] он смастерил, легкие, прогибающиеся.
Затем половицы настлал
Красного кованого серебра,
Сверху их разукрасил
Плавленым золотом-серебром,
Высокую заднюю стену [дворца]
Облицевал он
Золотом и серебром;
Переднюю светлую стену покрыл
Белым серебром —
Белее белого снега,
Светлее бумаги стал [дворец].
Вслед за тем:
Семьдесят больших печей
В ряд он поставил,
К семидесяти печам
Подвел он, соединив,
Сорок [кованых] труб.
Семьдесят этих печей
Каждый день топили
Семьдесят-восемьдесят человек,
Семьдесят саженей дров [сжигая],
Каждый день, чтобы было тепло.
Из семидесяти кованых труб
Дым и копоть,
Клубясь, выходили,
Уносясь, выходили,
Оседая дымом
На широких просторах земли,
Поднимаясь облаком
К высокому светлому небу,
Расстилаясь туманом
По бескрайнему морю, —
Так все разносилось!
За дворцом
Просторный серебряный двор он устроил —
Лончакам впору резвиться.
Его он покрыл
Тесом с серебряными украшениями —
Такой поднялся [двор], оказывается!
Перед дворцом
Золотой широкий двор он устроил —
Впору жеребятам наперегонки пускаться.
Такой поднялся [двор], говорят.
Возвышаясь, виднелся
Высокий амбар серебряный,
У него девяносто семь дверей,

Ербээрэжи байба-даа.
Наян тээшээ һалаатай,
Найман түмэн зэтэртэй
Бэжир мүнгүн сэрэгэ
Ерэбэйжи бодожи,
Бодоо гэһэн юумэ-лэ.
Хара шулуун хаалгатай,
Хаһаг мангад харуууртай:
Хара түмэр ядаяа
Ханьил болосо тулажи
Үдэршье харабал-даа,
Һүнишье һахибуу бай.
Хүрин шулуун хаалгатай,
Хүни хүбүүн харуууртай;
Хүндүй түмэр бууяараа
Хоньел болосо тулажи
Үдэршье харанал-даа,
Һүнишье һахинал-даа.
Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
Гушин гурбан гурьбада,
Гурбан сэйе булууда
Душин дүрбэн дэнжитэй,
Дүрбэ минган шанъянуууртай
Бэжир мүнгүн собоороо
Дүньенэжи бодобо,
Дужирэжи тогтолойл.
Тэрэ гэсэн бэеэрээ:
Гушин гурбан базаараа
Базаарлажи байбал-даа,
Гурбан зуунхан алаабхин
Инеэлгэжи байбал-даа.
Гурбан зуунхан пирхаашиг
Һэлгэн һэтхүн байнал-даа,
Дүрбэн тээшээ гүйдүлтэй
Дүүмэйн* яхад тараагта
Зуралзасан ботхобо,
Ербэлзэсэн эмхилбэ.
Дүрбэн шулуун шаасая*
Харуур хэжи ботхобо;
Дүшин тээшээ гүйхү-лө
Дүшин түмэн уртөөе
Уруу өөдөн үлдэбэл.
Гурбан зуунхан пирхаашиг
Дүрбэн тээшээ гүйхү-лө
Дүрбэн түмэн үртөөгээр
Эбэрэй сагаан тараагтаар
Халюу булган хоёри
Халаадаарин тэлгэжи

Девяносто больших замков.
Высоко, говорят,
Коновязь поднялась
Узорчатого серебра,
На ней восемьдесят отвилок,
Восемьдесят тысяч скоб.
У ворот из черного камня
Караульный русский казак поставлен *:
Упирая до скрежета
Копье из черного железа,
И днем он смотрит,
И ночью он сторожит.
У ворот из бурого камня
Стражник-парень поставлен:
Упирая до лязга
Ружье с железным стволом,
И днем он смотрит,
И ночью он сторожит.
Вслед за тем:
На тридцати трех холмах,
У развилки трех дорог
Со звоном вознесся,
С шумом поднялся
Собор из узорчатого серебра —
У него сорок четыре колокольни,
Четыре тысячи колоколов.
Вслед за тем:
Тридцать три базара
Он основал,
Триста новых лавок *
Он открыл.
Триста приказчиков в них
Покупают и продают.
Прямо он проложил,
Удобно он обустроил
С ездой в четырех направлениях
Якутский тракт мимо Думы.
Четыре дозорные башни
Из камня соорудил он,
Ямщиков четыреста тысяч *
Для разъездов он снарядил
Во все сорок сторон.
Триста приказчиков
На широком южном тракте
Кладями загружали,
Фунтами складывали
Шкурки выдровые, соболиные,
Чтобы их в четырех направлениях

Бүүнтигээрин сомобо.
Хармалжин хара сэнмэ
Ханзаарин дэлгэжи,
Үдэр хада
Нарани толоор абалай,
Һүни хада
Зулайн толоор буулгажи,
Хада уула болгожи
Сомоһониин тэрэл-даа!
Тэрэ гэсэн бэеэрээ:
Ара бэедэ бэлшихү
Арбан түмэн адуунай
Эжин болон яргалай,
Ара бэедэ томирхо
Унаган хара албатуйн *
Хааниин болжи зонхилбол.
Эрье дээрэ бэлшихү
Арбан түмэн адуунай
Эжин болон зонхилбол,
Эбэр бэедэ томирхо
Унаган хэли албатаяа *
Хааниин болон зонхёлбо.
Эжи үгэй дайдаяа
Эжиниин болон түрүбэ-даа,
Хаанхан үгэй албатаяа
Хааниин болон зонхилбол,
Тиинхэн гэхү гэлэй-даа.
Арбан гурбан хаани-ла
Ахатха болохи түрүбэ-лэ,
Далан гурбан хэлэни
Үзүүртхэн болохи түрүбэ-лэ.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Ажи болон түрүбэ-лэ.
Эсэгэһээн байба-ла
Хоёртойдоо таһарба,
Эхэһээнэ болобо
Нигэтэй басаган таһарба.
Олоншье биши-лэ,
Оонойн хоёр түрүбэ;
Үнэршье бишил-даа
Үхэрэй хоёр эбэр-лэ,
Үүдэнэй хоёр эрхин-лэ!..
Аха дүүхэн хоёр
Яргаа түрөө байха-ла.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Дээрээшье дахуулха
Ахай үгэй түрүбэл-даа,

Сорок тысяч ямщиков везли.
Дорогие черные сукна
В тюки складывали.
Днем [их]
Грузили при солнечном свете,
Ночью [их]
Разгружали при пламени свечек.
С целую гору
Собрал он всего — так это было!
Вслед за тем:
Владельцем счастливым он стал
Табунов в сто тысяч голов,
Пасущихся на северных склонах.
Ханом он стал
Миролюбивых подданных *,
Живущих в северной стороне.
Владельцем он сделался
Табунов в сто тысяч голов,
Пасущихся по берегам,
Ханом он сделался
Миролюбивых подданных,
Живущих в стороне южной.
Он родился хозяином
Земли, не имевшей хозяина,
Он утвердился ханом
У подданных без хана —
Так ведь можно сказать!
Он родился старшим
Среди тринадцати ханов,
Он родился главою
Семидесяти трех родов *.
Для счастья и славы родился
Аламжи Мэргэн молодой.
Без отца своего
Он двухлетним остался,
Без матери своей
С годовалой сестренкой остался.
Не много —
Только двое их родилось,
Не много детей —
Как два бычьих рога,
Как две притолоки дверные —
Только брат и сестра
На счастье родились.
Аламжи Мэргэн молодой
Без старшего брата родился,
Который мог бы вести его за собой,

Дороошье дахуулха
Агуй Гоохон дүүхэйтэйл!
Ажи болон яргабай!

3

Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Гунтай наһан боложи
Дүүрэн бэеэ бэелбэ;
Агуу Гоохон дүүхэйн-лэ
Хоёр наһаа дүүргэжи
Ажи түрүн яргабал.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Агуу Гоохон дүүхэйдээ
Хэлэн хүүнэн байба-ла:
«Эгээ мүнөө
Адууханаа таниха бартай болболби,
Албатханаа зонхёлхо бартай болболби!» —
Гэжи хэлэн хүүнэн байбал-даа.
Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Арбан табан хонтоордоо
Оролдожи ошобо.
Үйхэн түмэн бэшээшьеэ
Остоол бүрин һуулгажи
Урахан гуурһайн зуруулба,
Хара эреэн бооштоёо
Хара эреэн саарһаяа
Харъяса-ла зуруулба.
Арайн зоиие эмхилхү
Хара Зутан абагайдаа
Түргэн хүлгээр бооштоёо
Гарагхаяа байнал-даа.
«Ардо мини бэлшиһэн
Арбан түмэн адууеым
Үтэр түргэн томирхо!
Ара бэедэ томирхо!
Унаган хэли албатэйм
Үтэр түргэн томирхо!» — гэжи
Мэнэнхэн хүүрээ хэлэжи
Хара эреэн саараһэйн
Харъяса-ла зуруулжи
Түргэн хүлигээр пооштойе
Аюсхажи гаргаба
Аламжи Мэргэн хүбүүниин.
Эбэрэй зойе эмхилхү
Шара Зутан абагайдаа
Түргэн хүлигээр пооштойе

Но есть та, которая может за ним следовать, —
Его Агуй Гохон-сестрица!
[С ней] и зажил он счастливо!

3

Аламжи Мэргэн молодой
В свои три года
В полную силу вошел,
Агуй Гохон-сестрица
В свои два года
Жила спокойно и счастливо.
Аламжи Мэргэн молодой
Агуй Гохон-сестрице
Так говорил-сказывал:
«Вот только теперь я могу
Табунами своими владеть,
Управлять своими подданными» —
Так он говорил-сказывал.
Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн молодой
В пятнадцати конторах
Своих побывал,
Множество писарей
Он за столы посадил,
Дал им для писания тонкие перья.
Со скрипом они выводили
Пестрые письмена
На почтовой бумаге *.
Он собрался отправить
Почту скорую *
К дяде Хара Зутану,
Который народом северным правит.
Аламжи Мэргэн молодой
Почту скорую отправляет
С крепкой охраной.
Написаны письмена
Скрипящими перьями
На бумаге почтовой:
«Без промедленья собрать
Сто тысяч моих табунов,
На северных склонах пасущихся,
И тотчас же их сосчитать!
Созвать поскорее
Народ мой миролюбивый!»
К дяде Шара Зутану,
Который южным народом правит,
Он посылает

Табилажи гаргалай. —
«Эбэри түмэн адууеым
Бүритхө!» — гэжи-лэ;
«Унаган хэли албатэйм
Үтэр түргэн томирхо!» —
Гэжи — ханай илгэбэ.
Эбэрэй зойе эмхилхү
Шара Зутан абагайн
Түргэн хүлигээр пооштойеын
Задалажи
Үзүүрһээн абши тоолобо,
Тоолон томирон байна-ла.
Шара Зутан абагайн
Баруун ехэ хаядаа
Бодожи байжи хатарлай,
Амаа ехээр атхажи,
Алигаа ехээр ташажи
Хатаражи байнал-даа.
«Энэшье хүбүүн гээши
Аши гуши хоёрни
Эрын ээмдү хүрбэхъям,
Агтайн араанда хүрбэхъям!
Энэш хүбүүни амидуйда
Шүлтэй юумэ үзхэгүй,
Шүүдэртэй ногоо идьхэ ёһомгүй!
Бишииихандан баллахаяа яаһанбииб,
Нарайхандан нисалхаяа яаһанбииб!» —
Гэжи хэлэн тагнан байбал-даа.
Хара эреэн шорниилоор
Хара эреэн саарһайе
Харъяса-ла зуруулжи
Хара Зутан абагайдаа
Арайн сагаан тараагтаар
Түргэн сагаан пооштоёо
Табижи-ла гаргалай,
Хара Зутан абагай
Хара эреэн пооштойеын
Абалдажи задалба.
Үзүүрһээн тоолобо —
Узуур хүрсэн дуудалай,
Узуурһаан тоолобо —
Үзүүр хүрсэн дуудалай.
Хатан Хара һамагандаа
Хэлэн хүүнэн һуулай-ла
Хара Зутан абагай:
«Энэ аши хүбүүмни
Арай урай бишииханблэй,
Эгээ мүнөө хадаа-ла

Почту скорую.
Отправляет, наказывая:
«Собрать на южной стороне
Десятитысячные мои табуны,
Созвать без промедленья
Народ мой миролюбивый!»
Южным народом правящий
Дядя Шара Зутан
Без промедленья вскрыл
Ту почту скорую
И прочитал ее всю
С самого начала.
Дядя Шара Зутан,
У высокой правой стены встав,
Принялся прыгать,
Громко крича,
Шумно в ладоши хлопая, —
Так он все прыгал.
«Видать, этот парень,
Племянник мой,
До плеча мужа дорос,
Дотянулся до головы *аргамака* *?
Пока этот парень жив,
Не видать мне свежего мяса,
По росистой траве не ступать.
Отчего младенцем еще я его не прибил,
Отчего ребенком еще я его не прикончил?» —
Так говорил-сокрушался он.
И чернилами черными
На белой бумаге,
Скрипя [пером], стал писать.
Широким северным трактом
К дяде Хара Зутану
Почту скорую
Он отправил.
Дядя Хара Зутан,
Получив эту почту,
Вскрывает ее, разбирает.
Читает бумагу
С начала и до конца
И снова ее перечитывает
С конца до начала.
Жене своей Хатан Хара
Так говорит-сказывает
Дядя Хара Зутан:
«Давно ли был малолетним
Этот племянник мой!
Теперь он

Эрэйн ээмдэ хүрбэхъям,
Агтайн араанда хүрбэхъям!
Энэ бүхэли зөөрин
Минии гэжи һанажи байгаа бэлэйльби. . .
Энэшье хүбүүе
Үүхэн соохи — хара бөөри байхадан
Үндүгөн соохи — шара үүраг байхадан
Бишиихэндэн баллахаяа яаһанбииб,
Нарайхандан низалхаяа яаһанбииб!» —
Гэжи гайхан тагнан байбал-даа.
Харгай Хара мориёо
Барилдажи байба-ла.
Модон хара эмээлээ *
Тохолдожи орхёбо.
Эбэри сагаан харгүйяар
Уруудажи хатарба.
Эбэрэй зойе эмхилхү
Шара Зутан абагай
Мори түргэн барижи
Модо түргэн мээллэжи
Арайн сагаан тараагтаар
Аши хүбүүн тээшэ-лэ
Харайлгажа талииба.
Тала ехэ хээрэдү
Талайн ганса модондо
Ташиганма добуунда,
Уулзан золгон байбал-даа
Хоёр Зутан абагайнар.
Арайн зойе эмхилхү
Хара Зутан абагай
Һуран хүүнэн байба-ла:
«Шиихэн хаана ошхоёо
Ябһан хүүниин гээшэбши?» — гэжи
Хэлэн хүүнэн байхадан:
«Газар дээрэ
Ганса аштай бэлэйльди;
Аши хүбүүн гээшимнай
Татуулажи байнал-даа.
Тэрүүндээ-лэ ошхоёо ябана гээшэльби!» — гэжи
Хэлэн хүүнэн байнал.
«Тэрэшье ашаяа
Амида-лан байхада
Шүүдэртэй ногоо
Идэхгүй ёһо болобол-даа!
Шүлүтэй юумэ
Үзхүгүй газар болбол даа!» —
Мэтэр хүүри хэлэн хүүнэн байнал-даа

До плеча мужа дорос,
Дотянулся до головы *аргамака.*
Я-то думал, его добро
Все ко мне перейдет. . .
Этого удальца —
Пока он был словно почка в утробном жире,
Пока он был словно желток в яйце —
Отчего младенцем еще я его не прибил,
Отчего ребенком еще я его не прикончил?» —
Так говорил-сокрушался он.
Он поймал
Своего вороного коня,
Его оседлал
Седлом из крепкого дерева,
Вниз по долине умчался,
По широкой южной дороге.
Дядя Шара Зутан,
Южным народом правящий,
Быстро коня поймав,
Быстро его оседлав,
Вдаль умчался
Широким северным трактом,
Путь держа к племяннику.
Оба дяди Зутаны
В пути встретились,
В широкой степи,
На звенящем холме,
У степного дерева одинокого.
Дядя Хара Зутан,
Народом северным правящий,
Так говорил-спрашивал:
«Куда же ты
Путь держишь?» —
Так он говорил-сказывал.
«На всем белом свете
У нас один племянник;
Вот теперь племянник
Зовет к себе,
Я еду к нему!» —
Так он говорил-сказывал.
«Пока наш племянник
Будет жив,
Нам не ступать никогда
По росистой траве,
Нам не иметь никогда
Вкусного мяса», —
Заветные слова говорили-сказывали

Хоёр Зутан абагай.
«Энэшье ашаяа
Дайда дээрэ бэрхэ юумэ
Хаанам гэжи бидэрүүльел!
Энэшье ашаяа
Харайн һайгаар хардае
Борэйн һайгаар бордоё!» — гэжи
Шүүбэрьлэжи хэлсэнэ.
Эбэрэй зойе эмхилхү
Шара Зутан абагай
Хэлэн хүүнэн һуунал-даа:
«Урда бэедэ байна-ла,
Наян саие газарта
Найман дүрөө дайдада*,
Шаргалтайн Шара Замбида
Ёргоон зуунхан толгойтой,
Ёро һургааг эбэртэй
Мангад Шара Гахай-ла
Бодоо түрөө байнал-даа:
Айха бэтү абтай юм
Ширэйхү бэтү шижитэй юм
Бодоо гэнэл!..
Тэрээндэ илигэжи үзъел-даа.
Энэ хүбүүни ошоо хадан
Энэ байха зөөрин
Манай болонгүй яахан-һам!
Энэ бүхүли албатан
Манай албата болхо-ло...
Залуу хүүниин эдирхүү,
Гүлүгү нохой шүдүрхүү!
Эгээ мүнөө мэхэй муугаар мэхэлье,
Гохой муугаар гохолье;
Үһан хара далайһаан
Үрмэ байса хэлэе,
Ужим сагаан зүрхэйеын
Хүдүлүсө хэлэе!..»
Арайн зойе эмхилхү
Хара Зутан абагай,
Эбэри зойе эмхилхү
Шара Зутан абагай
Арайн сагаан харгуйгаар
Хамта нэгэн болоҗи
Уруудажи талииба.
Дүүрэн гэхү гүбеэртүн
Хүрүлдэжи байбал-даа,
Дүрбэн шулуун шаастан
Тулалдажи ошобол.
Гушан гурбан базаарын

Оба дяди Зутаны.
«Давай-ка пошлем
Племянника нашего
Отыскать на этой земле
Самое трудное и опасное.
Давай-ка сживем его со свету,
Давай-ка с ним разделаемся!» —
Замышляют-сговариваются.
Дядя Шара Зутан,
Южным народом правящий,
Так говорил-сказывал:
«На южной стороне
Есть страна восьми стремян * —
На расстоянии восьмидесяти лет [езды].
Там, в Шаргалтайн Шара Замби,
Появился-родился
Желтый *мангадхай*,
Шестьсот голов у него,
Шестьдесят, словно жерди, рогов.
Появился-родился он
С большим и страшным
Волшебством-колдовством.
Племянника к нему послать попытаемся.
Если туда он поедет,
Тогда все добро его
Станет нашим!
Все его подданные
Станут нашими подданными.
Юнец слишком прыток бывает,
Щенок слишком задирист бывает!
Проведем-ка его половчее,
Обманем его похитрее.
Заговорим его так,
Чтобы черное море пенкой покрылось *,
Чтобы сердце его молодое
Забилось-заколотилось!»
Дядя Хара Зутан,
Народом северным правящий,
Дядя Шара Зутан,
Южным народом правящий,
Умчались вдвоем
Широким северным трактом
И исчезли вдали.
В многолюдную губернию *
Они прибыли,
К четырем каменным башням
Они подъехали,
Через тридцать три базара

Голын барин хатарба,
Гурбан зуунхан лаабхиин
Үүдэ барин хатарба.
Үүдээриин-лэ гархадаа:
Золтой зуртай ябаа хадамнай
Энэ бүхүли зөөрин-лө
Манай болхо гэлсэжи
Гүбэд гэжи гараба,
Хатаражи талииба.
Аламжи Мэргэн хүбүүнэй
Газаа бэедэн хүрүжи,
Хара шулуун хаалгадан
Хүрүлдэжи байбал-даа.
Хара шулуун хаалгадан
Хүрүлдэжи байхадан
Һаһаг мангад харуураын
Хаалгадаа инеэлдэжи уруулба.
Хүрин шулуун хаалгадан
Хүрүлдүжи ошобо,
Хүүнэй хүбүүн харуураын
Инеэлдэжи үгүбэ.
Наян тээшэ һалаатай
Найма минган зэтэртэй
Бэжир мүнгүн сэргэдэн
Хоёр Зутан абагай
Буулдажи байбал-даа.
Буулдажи байхадан
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Шагаабряараа хараад-ла
Агуй Гоохон дүүхэйдээ
Хэлэн хүүнэн байнал-даа:
«Хоёр абагаймнай ерэжи
Моринһоон буужи байнал!
Тухашарха болоолши.
Тогоо олой нэрэйши,
Тологой олой шанэйши,
Агуй Гоохон дүүхэймни!
Миханһааманай
Михан гээши ерши байнал-даа,
Шүлүнһээмнай
Шүлүн ерши байна-ла.
Агуй Гоохон дүүхэймни,
Тогоо олой нэрэйши:
Наһан соогоо тугшархгүйш,
Нарани талда тугшархаш!
Төөлэй олой шанэйши:
Үе соогоо тугшархгүйш,

Они проехали,
К дверям тех трехсот лавок
Они примчались.
Мимо дверей проезжая, [они говорили]:
« Если удача нам будет,
Тогда все добро его
К нам перейдет» —
Так бормоча про себя,
Вскачь они удалились.
Они подъехали
Ко двору Аламжи Мэргэна молодого.
Они приблизились
К воротам из черного камня.
Как только они подъехали
К воротам из черного камня,
Ворота открыл и впустил их
Русский казак караульный.
Они подъехали
К воротам из бурого камня —
Ворота открыл
Человек караульный.
Оба дяди Зутаны
Спешились у коновязи
Узорчатого серебра,
На ней восемьдесят отвилок,
Восемь тысяч скоб.
Когда они спешивались,
Аламжи Мэргэн молодой
В окно их увидел
И так говорил-сказывал
Агуй Гохон-сестрице:
«К нам наши дяди прибыли,
Они с коней спешиваются.
Теперь тебе дел достанет.
Накури *тарасуна* побольше,
Мяса свари побольше *,
Агуй Гохон, сестрица моя.
Время как раз подошло .
Забивать скотину на мясо,
Время как раз подошло
Из мяса готовить бульон.
Агуй Гохон, сестрица моя,
Накури в котле *тарасуна* побольше:
Это всей жизни твоей не займет —
Только солнечный день и займет.
Навари *тоолэй*-мяса побольше *:
Это весь век у тебя не займет —

Үдэр соогоо тугшархаш!..»
Хоёр-хани абагайн
Үхүлдөжи гэшхибэ
Үргү мүнгүн хэрэнсыеэрин,
Дамжилдажи гарабал-даа
Дардай мүнгүн хэрэнсыеэрин
Эрьенэй мүнгүн үүдэшиин
Энеэлдэжи оробол-даа,
Боржи мүнгүн боһогойеын
Алхажи-ла оробо,
Эржи мүнгүн эрхиниин
Энеэжи-лэ оробо,
Хорин табан үүдэйеын
Хухалгаарин инеэбэ,
Далан табан үүдэшиин
Дабхараарын инеэжи
Оролдожи ошобол.
Оёор мүнгүн гооронсдон
Оролдожи байбал-даа
Аламжи Мэргэн хүбүүниин,
Аши хүбүүн гээшиндаа
Хоёрхон-ло абагаяа
Сагаа мүнгүн үүдэнһээ
Тодолдожи ерэбэл-даа.
Тоһотойхон гараараа
Баряаүгэй байжи-ла
Мэндэшилжи байбал-даа,
Тооргогтойхон газарта
Һуулгааүгэй
Угтажи-ла абабал-даа.
Урай байһан юүмэйе
Уудалажи хэлсэбэ,
Эртэ байһан юүмэйе
Эрьюүлэжи хэлсэбэл-даа.
Татахада һунаха,
Табихада агшаха
Тажаа мүнгүн остоолоо
Табилдажи байбал-даа
Агуй Гоохон дүүхэйн.
Далан зүһэнэй идеэе
Дээжи бэрин асаржи
Табилдажи байбал-даа,
Юһүн зүһэнэй боодхойе
Зүһэ бэрин асаржи
Табилдажи үгүбэл-даа.
Алта мүнгүн самбаараа
Бусалгажи асарба,
Арбан толгой саахараа

Только день один и займет!»
Оба их дяди,
Шагая, вступают
На широкое серебряное крыльцо,
Шагая, проходят
Сплошь серебряное крыльцо.
Дверь из витого серебра открывая,
[В дом] они входят.
Порог из чеканного серебра перешагивая,
В дом они входят.
Дверь перламутровую открыв,
[В дом] они входят.
Створки распахивая
Двадцати пяти дверей,
Настежь открывая
Семьдесят пять дверей,
В дом они входят.
Заходят они
В горницу с серебряным полом.
Родной их племянник
Аламжи Мэргэн молодой
Встречает обоих
Дядей своих
У белосеребряной двери.
До них не дотрагиваясь
Засаленными руками,
Он их приветствует,
На пыльное место
Их не усаживая,
Он их встречает.
Старину стародавнюю вспоминая,
Они беседу ведут,
Дела минувшие перебирая,
Они беседу ведут.
Агуй Гохон-сестрица
Из красного серебра
Стол разложила —
Такой, что потянешь его — растянется,
Отпустишь его — сожмется *.
Из семидесяти кушаний
Лучшие выбрав,
На стол поставила,
Вынесла и расставила
Водку разную —
Всех девяти сортов *.
Злато-серебряный самовар вскипятив,
Его принесла,
Девять головок сахару расколов,

Буталажи табилайл.
Уухайн сайхан ундаараа
Ундалуулжи талгаба,
Идехуйн сайхан идеэгээр
Идеэлүүлжи талгаба —
Гурбан сагаан сүүдхэдэ!
Арайн зойе эмхилхү
Хара Зутан абагай
Гурбан сагаан сүүдхэдэ
Оёор мүнгүн гооронсдон
Багтааүгэй баярлажи зугаалба.
Эбэрэй зойе эмхилхү
Шара Зутан абагай
Һүхээ ехэ хаяһан
Үбүгүндэли боложи,
Үһүеэ ехэ атхаһан
Үтөөдэйдэли боложи
Зугаалажи һуубал-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин,
Аша хүбүүн гээши-лэ,
Хэлэн хүүнэн байба-ла:
«Хоёр Абагай-мини-ла,
Эбэри зойе эжилху
Шара Зутан абагай,
Нигэн хадаа баярлажи зугаалбууш?
Нигэн хадаа гомойжи зугаалбууш?»
Шара Зутан абагайн
Хэлэн хүүнэн һууба-ла:
«Баярлаһан хүүни зугаа
Иймү байха юмаа-ла?
Үхэхээ, угэйрхээ байналби!»
Гэжи хэлэн хүүнэн һуунал-даа.
«Урда бэедэм бодоо-ло —
Наян саие газарта,
Найман дүрөө дайдада* —
Ёргоон зуугаад толгойтой
Ёро һургааг эбэртэй,
Айха бэтү абтай,
Ширэйхү бэтү шижитэй
Мангад Гахай бодоо-ло!» —
Хэлэн хүүнэн һуунал-даа.
«Захаар ябаһан адаһэйем
Зальяжи дууһаха болобол-даа,
Үзүүрээр һууһан албатэйем
Табяарин иденэл,
Таршнааяарын абааднал,

[На стол] выставила.
Угощала-поила [дядей]
Самым вкусным питьем,
Угощала-кормила их
Самой вкусной едою —
Трое суток подряд!
Дядя Хара Зутан,
Народом северным правящий,
В горнице с полом серебряным
Вовсю пировал
Трое суток подряд.
Дядя Шара Зутан,
Южным народом правящий,
Нагулявшись, сидел,
Будто старик, свой топор
Навсегда потерявший,
Будто старуха, свое молоко
До дна расплескавшая.
Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн молодой,
Их племянник,
Так говорил-сказывал:
«Дяди мои. . .
Дядя Шара Зутан,
Южным народом правящий,
Ты пировал, радуясь,
Или, пируя, обиду таил?»
Дядя Шара Зутан
Так говорил-сказывал:
«Разве с радости
Так человек пирует?
Бедность, погибель меня ожидают! —
Так он говорил-сказывал. —
На юг от меня,
В стране восьми стремян,
На расстоянии восьмидесяти лет [езды],
Мангадхай родился-поднялся.
Шестьсот голов у него,
Шестьдесят, словно жерди, рогов.
Большим и страшным
Волшебством-колдовством он обладает —
Так он говорил-сказывал. —
Пасущийся на окраинах скот мой
Скоро он весь сожрет —
По полсотни зараз съедает!
Живущих на окраинах моих подданных
Вместе со старейшинами

һүни бүри ерэнэл!» — гэжи
Аши хүбүүн байналши!
«Эгээ мүнөө
Эрэйн ээмдү хүрөөлши,
Агтайн араанда хүрөөлши!» — гэжи
Хэлэн хүүнэн һуунал-даа.
Һайхан түрүһэн хүүнэйн-лэ
Ябаха дайда болоол-даа,
Һаархан түрүһэн хүүнэйн-лэ
Һууха газар гээшил-даа!» —
Хэлэн хүүнэн һуунал-даа.
«Хоёр абагаймни!
Яагаа хэргээ гээшибтэ?!
Үһэмни үрбэлгэ байнал-даа,
Үемэни мөөрһөн байнал-даа. . .
Дайни газар юүндэ һургажи хэлэбэтэ?!
Дайдайн сагаан һургаараар
Һургахаяа яабабта?!» —
Хэлэн хүүнэн байна-ла.
Тиихэдэн-лэ,
Хоёр һайхан абагайн:
«Атха, шутха!
Манай нэрэ хэдүй шинээм!
Манай түрү хэдүй шинээм!» —
Гэлдэжи-лэ, эрхээши-лэ боложи
Гаран харайн ошобо.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин,
Аши хүбүүн гээшин-лэ:
«Эдээни яажи
Эрхээжи-лэ гаргахаб,
Гомойлгожи гаргахаб!» — гэжи-лэ
Гурбан үүдэ алхаһан хойнон
Дуудалдажи асарбал.
Дуудалдажи асарха-даа:
Дүрбэн сагаан һараяа
Дүүрэгэжи ошхомни,
Дүрбэн һараяа дүүрхэдээ
Дүүрэн дүнтэй наһатай
Болхо байнам гэжи
Хэлэн хүүнэн байна-ла.
Хоёр һайхан абаган
Баруун гарһаан барижи
Мэндэй һайгаар мэндэшилжи,
«Ябаһандаа яргалтай яба! — гэжи, —
Зориһондоо золтой яба!» — гэжи
Моридоо-ло унажи,
Мододоо-ло тохожи
Ара эбрын тараагтаар

Каждую ночь он уводит!
Ты же племянник наш!
Теперь-то уж ты
До плеча мужа дорос,
Дотянулся до головы *аргамака!* —
Так он говорил-сказывал. —
Для человека, рожденного сильным,
Земля для того, чтобы на ней разгуляться,
Для человека, рожденного слабым,
Земля для того, чтобы сиднем сидеть!» —
Так он говорил-сказывал.
«Дяди мои,
Что ж это вы?
Вместо волос пушок еще у меня,
Вместо суставов еще хрящики. . .*
Зачем вы меня на войну настраиваете?
Почему не наставите
На доброе, мирное дело?!» —
Так Аламжи говорил-сказывал.
На это [в ответ]
Оба дяди его дорогих:
«О, проклятие! *
Конечно, кто мы такие?!
Что имена наши значат?!» —
С такими словами, будто обидясь,
Из дома выбежали.
Их племянник,
Аламжи Мэргэн молодой, сказав:
«Как же я [дядей моих]
Выпущу недовольными,
Выпущу разобиженными?!» —
Позвал их, назад вернул
Из-за третьей двери.
Когда он их звал, назад возвращал, [так говорил]:
«Как только четыре месяца минут,
Я отправляюсь в путь.
Ведь только четыре месяца минут,
И я достигну
Полного возраста» —
Так он говорил-сказывал.
Дорогие его дяди,
Пожимая ему правую руку,
Лучшими из всех пожеланий его напутствовали:
«На пути своем счастливым будь,
В стремленьях своих удачливым будь!»
Затем оседлали коней,
Сели на них
И прочь ускакали

Ошоhониин тэрэл-даа.
Хоёр hайхан абаган:
«Энэ бүхүли зөөрин
Манай зөөри болохон-даа.
Энэ бүхүли албата
Манай албата болохон-даа.
Эжилэхү, зонхилоху болохомнай!
Одоошье-лэ
Гархуй hайгаар гарабабди,
Барьхуй hайгаар барибабди!» —
Хэлэн хүүнэн ябаба-ла.

4

Наян алда бэетэй,
Найман дэлим шихэтэй;
Үрүүнэйгээ үзүүрээр
Мэши холбон татаха,
Үдунэйгээ үзүүрээр
Нара холбон татаха.
Ууса дундаа бэдэртэй,
Орой дундаа мэнсэтэй
Нариихан шарга моритой
Ажи болон түрүлэй
Аламжи Мэргэн хубүүниин.
Хүхүй холо дайдада
Хүхү буриин* долёожи,
Хүши таргуй абаши,
Алтай холо дайдада
Арбан гурбан hогооноор
Хуланшажи бэлшижи,
Арюун таргалжи
Ошоо гэхэн тэрэл-даа.
Аламжи Мэргэн хубүүниин
Дүрбэн сагаан hараяа
Дүүрэгэхү боложи
Байгаа гэху юумэ-лэ.
Морин хүлүг гээшиеэ
Татаха байнам гэжи-лэ
Арбан табан шулаандаа
Уруудажи ошобо,
Алта мүнгүн абдарьяа
Инеэлдэжи байбал-даа.
Алта мүнгүн арагаа
Оёроhоон инеэжи
Арбан хургаар дараха
Аянгатай бүтүhэн
Абаахайн яhан урамаа
Гарагажи байбал-даа.
Хоботоёо инеэжи

Северным трактом — так это было!
Дяди его говорили:
« Все добро его
Станет нашим добром.
Все его подданные до одного
Станут нашими подданными —
Править, властвовать мы будем!
Наконец-то мы
Выход хороший нашли,
Ловко его подловили!» —
Так они ехали, говоря-приговаривая.

4

У Аламжи Мэргэна молодого,
Для счастья родившегося,
Стройный соловый конь
Восьмидесятисаженный,
С ушами восьмисажеными *,
Кончиком подбородка
Сияние звезд притягивающий,
Высокою холкой
Лучи солнца притягивающий,
Со звездочкой на лбу,
С пятнышками на крупе.
На далекой земле Хухэй,
Облизывая солонцы,
Набирался он жиру и сил.
На далекой земле Алтая *,
Пасясь с тринадцатью маралухами,
Словно дикий конь,
Он разжирел
И округлился [телом] .
В это время
К концу подходят
Четыре светлых месяца
Аламжи Мэргэна молодого.
Решает он, что пора призвать
Своего коня-скакуна.
Он направляется
В свои пятнадцать чуланов *,
Он открывает там
Свой сундук злато-серебряный.
Открывая, с самого дна
Своего сундука злато-серебряного
Он достает свой
Звучный волшебный манок *,
На котором играют,
Десятью пальцами перебирая.
Открывая сундук,

Хоботоёо оёорһоо
Хорин хургаар дараха
Хухалгатай бүтүһэн
Хорохойн яһан урамаа
Гарагажи аббал-даа.
Баруун урда түбидээ
Гушин гурбан гурьбада
Гурбан сэеын булууда
Душин дүрбэн дэнжитэй,
Дурбэ минган шанъянууртай
Бэжир мүнгүн собоороо
Залаа дээрэн гарабал.
Алтай холо дайдаһаа
Нарин шарга мориёо
Татахаяа һанабал-даа.
Арбан хургаар татаха
Абаахайн яһан урумаа
Ара гэрын баруугшана харуулжи
Урумдажи үгүбэ.
Абаахайн яһан урумаа
Арбан хургаар даражи
Аянгайеын гаргаба:
Алтай байһан дайдани
Хүдүлүжи байба! . .
Хорин хургаар дараха
Хорохойн яһан урумаа
Хахалгайеын гаргажи
Урумдажи байба-ла:
Хүгшин байһан дайдани
Хүдүлүжи байба-ла,
Хуурай байһан добууниин
Ногооложи байба-ла,
Хуурай байһан модониин
Намаалажи ургалай,
Хатан байһан булаеын
Дэбилэжи урдабал!
Ойдо байһан гүрөөһниин
Инзаганһаан хахасажи
Шаганажи байбал-даа, ·
Огторгойни шобууниин
Үндүгүнһээн хахасжи
Шаганажи байбал-даа!
Үлгүн дээрхи амитниин
Үлгүйһээ-лэ хахасжи
Шаганажи байбал-даа! . .
Амитан зонхон хоёрын:
«Иймү дуутай юумэниин
Үндүрүһөөн буубаа уу?

С самого дна его
Он достает свой
Певучий чудесный манок,
На котором играют,
Двадцатью пальцами перебирая.
Он взбирается на самый верх
Собора из узорчатого серебра,
На юго-западной стороне вознесшегося
На тридцати трех холмах,
У развилки трех дорог,
С сорока четырьмя колокольнями,
Четырьмя тысячами колоколов.
Он позвать собирается
С далекой земли Алтая
Стройного солового своего коня.
Направив к западу
Свой чудесный манок,
На котором десятью пальцами перебирают,
Он заиграл на нем.
Заиграл он
На чудесном своем манке,
Десятью пальцами перебирая, —
Задрожала-заходила
Вся земля Алтая!
На чудесном своем манке,
Двадцатью пальцами
Перебирая,
Он заиграл —
Стародавняя земля
Вся задрожала;
Все выжженные холмы
Зеленой травой покрылись;
Все деревья засохшие
Молодою листвой оделись;
Все ключи пересохшие
Заструились, забили!
Косули лесные,
Оставив своих детенышей,
Прислушивались!
Птицы небесные,
Оставив яйца в гнездах,
Прислушивались!
Все люди земные,
Дома покинув,
Прислушивались.
Люди между собой
Заветные слова говорили:
«Чудесное это звучание

Үлгүнүһээн гарабаа уу?» —
Мэнэнхэн хүүрээ хэлсэбэл.
«Эжи үгэй дайдаяа
Эжилэжи түрүһэн
Хаан үгэй албатаяа
Хаанийн боложи түрүһүн
Аламжи Мэргэн хүбүүнэй
Шижим урам!» — гэлсэжи
Хэлэн хүүнэн байба-ла.
Хүхүй холо дайдада
Хүхү бури долёоһон
Наян алда бэетэй
Найман дэлим шихэтэй
Нариихан шарга моринийн
Дүрбэн хара туруугаа
Тулажи байжа шагнаба,
Дүгнүгүрхэн тологойёо
Дүмүн байжи шаганба,
Нэгэ дэлим шихээрээ
Үндүр сагаан тэнгэрын
Үүлэ даран шагнаба,
Нэгэ дэлим шихээрээ
Үлгүн сагаан дайдаяа
Хүриһүйн даран шаганба.
Арбан гурбан һогоондоо
Хэлэн хүүнэн байнал-даа,
Гайхан тагнан байнал-даа:
«Эжин хүйхүр гэээши-лэ
Татуулажи байна-ла!
Эгээ мүнөө хадаа-ла
Эжин хүйхүр мини-лэ
Удэй бага наһатайл,
Үһэн бэен үрбэлгэл,
Үе яһан хоёрын
Мөөрһөн залуу!» — гэжи-лэ
Хэлэн хүүнэн байба-ла.
«Эжин хүйхүр гээшиеэ
Татуулаһан хойно-ло
Бишиихан юумэ гэжи-лэ
Шамарлахгүй байнальби,
Ехэ юумэ гэжи-лэ
Баярлахгүй байнальби!» — гэжи-лэ
Арбан гурбан һогоондоо
Хэлэн хүүнэн байна-ла:
«Хүхүй улаан хадандаа
Хүхү буриин долёожи
Хүштэй тарга таргалайт!

С небес спускается
Или с земли поднимается?
Да это волшебный манок
Аламжи Мэргэна молодого,
Который родился хозяином
Земли без хозяина,
Который родился ханом
Подданных без хана!» —
Так они говорили-сказывали.
Вкусные солонцы облизывая,
На далекой земле Хухэй
Стройный соловый конь
Восьмидесятисаженный,
С ушами восьмисаженными,
Четырьмя крепкими копытами упершись,
Стоял и прислушивался.
Круглой своей головой поводя,
Стоял и прислушивался.
Саженное ухо свое приложив
К облакам высокого светлого неба,
Он прислушивался.
Другое саженное ухо
К широкой чистой земле прижав,
Он прислушивался.
Тринадцати маралухам
Он так говорил-сказывал,
Удивляясь, тревожась:
«Мой славный хозяин
Призывает меня!
Но пока
Молод еще
Мой удалой хозяин!
Вместо волос — пушок еще у него,
Вместо суставов —
Только еще хрящики, —
Так он говорил-сказывал. —
Если зовет
Мой славный хозяин,
Стоит ли мне огорчаться,
Что он еще мал,
Стоит ли радоваться,
Что он уже вырос!»
Еще он говорил-сказывал
Тринадцати маралухам:
«Облизывайте солонцы
На красных горах Хухэя,
Сил набирайтесь, жир нагуливайте!

Нюдү һайта хүүндэ
Харагдаагүгэй ябэйта!
Шүдү һайта юумэнду
Уулзаагүгэй ябэйта!» — гэжи-лэ
Үрёөр хүүрээ хэлэнэл.
Гэрэхэн тээшээ гэшхүүлбэ,
Газархан тээшээ гайгуулба.
Тиихэдэн-лэ болобо
Арбан гурбан һогоониин:
«Байзөө, байзөө!» — гэнэ-лэ:
«Хамта ябаһан ханидаа
Үрёөр табижи харюулха!» — гэжи
Байлагажи байбал-даа.
Үрёөр хэлхэдээ хадаа:
«Ябаһа-лан газартаа
Яргалтай ябаарай,
Зориһон газартаа
Золтой ябаарай!
Хүхү улаан хададаа
Хүхү буриин долёохо
Золтойёор ябаарай!» — гэжи
Үрёөр хэлэжи байба-даа.
Гэрэхэн тээшээ гэшхүүлбэ,
Газархан тээшээ гайгуулба.
Айлаар айлаар гэшхүүлбэ —
Аягандали дэгнүһэн
Урда хойнон мухарьба,
Түргү түргүн гэшхэлнэ —
Түбтөөри шинээн дэгнүһэн
Эндэ тэндэ мухарьна.
Гушин гурбан базаарта
Хүрүлдүжи ерэбэл-даа,
Гурбан зуугаад алаабхяа
Үүдээрэни гэшхэлбэ,
Хара шулуун хаалгадаа
Хаха мүргүн тулаба, —
Хаһаг мангад харуурын
Инеэлдэжи байбал-даа.
Хажуу тээһээн хараба —
Хада гэжи һанаба
Хаһаг мангад хоёрын,
Хасар тээһээн харажи
Морин гэжи дүрһүлжи
Уруулажи үгүбэл-даа.
Хүрин шулуун хаалгадаа
Хүрүлдэжи ерэбэ;
Хүүнэй хүбүүн харуурын
Уруулдажи үгүбэ.

Глазастому человеку
На глаза не попадайтесь,
Клыкастому зверю
На пути не встречайтесь!» —
Такой *юрол* им сказал.
[Конь] шагом к дому направился,
К своей земле поскакал.
Тринадцать маралух
Коня останавливают, говоря:
«Постой, постой!
Нашему верному другу,
С которым жили,
Перед дорогой скажем
Мы ответный *юрол:*
На пути своем
Счастливым будь!
В стремленьях своих
Удачливым будь!
Вкусные солонцы облизывай
На красных горах Хухэя
И счастливым будь!» —
Такой сказали *юрол*.
[Конь] шагом к дому направился,
К своей земле поскакал.
Тихо-тихо шагает —
[Куски] дерна с чашку
Спереди-сзади катятся.
Быстро-быстро скачет —
[Куски] дерна величиною с котел
Туда-сюда катятся.
Конь достиг
Тридцати трех базаров,
Он проскакал
Мимо трехсот лавок,
Уперся в ворота
Из черного камня.
Русский казак караульный
Ему открыл.
Сбоку глянул —
«Гора», — подумал.
Оба русских казака
Со стороны щек глянули —
Коня [в нем] признали,
Впустили его.
К воротам из бурого камня
Он приблизился;
Стражник-парень
Впустил его.

Хойто бэедэ бодоһон
Хонин хонгор уула
Мултараа гэжи һанаба,
Хамар амайн харажи
Морин гэжи дурһулжи
Уруулажи байбал-даа.
Наян тээшээ һалаатай,
Найман түмэн тэдэгэтэй
Бэжир мүнгүн сэргээ
Узуур дундан зогсобол;
Зогсоһон-ло бэеэрээ
Инсагаажи байбал-даа,
Ханьянсара инсагаажи байба-ла:
Оридом сагаан байсанеын
Узуураһаан дээши оболзожи гараба,
Оройһоон дооши намхалзажи бууба-ла.
Аламжи мэргэн хүбүүниин
Морин ерээ гэжи-лэ
Гаралдажи ерэбэ-лэ.
Ерэн гурбан үүдэтэй
Ербэй мүнгүн амбаартаа
Ерэн бархаг хюлуусаа
Инеэлдэжи оробол-даа.
Шүрэб мүнгүн ногтоёо
Гарагажи абалай,
Шутхамал мүнгүн хазаараа
Асаражи абалайл.
Наян алда бэетү
Найман дэлим шихетү
Нариихан шарга морёо
Хазаарлажи абалай,
Ногтоложи абалай.
Хойто бэедэ байнал-даа —
Даагани уриддама
Дардаа мүнгүн одбоорто
Сагаа мүнгүн хорээтдо
Сагаан будаа таряагаар
Идеэлүүлжи табибал-даа.

5

Агуй Гоохон дүүхэй гээшин байнал-даа:
«Ахай, ахай», — гэнэ-лэ:
«Хоёр абагай гээшимнай
Ярагаха газарышни
Заажи үгөөүгэй байнал-даа,
Ядаха газарыш
Заажи үгөө байнал-даа!» —

«Будто целая гора,
На севере появившаяся,
[Вниз] сорвалась», — подумал.
На морду глянул,
Коня [в нем] признав,
Впустил его.
Конь остановился
У коновязи узорчатого серебра,
На которой восемьдесят отвилок,
Восемьдесят тысяч скоб.
Едва остановившись,
Конь заржал.
Так громко заржал,
Что белый стройный дворец
Сверху донизу зашатался,
Снизу доверху задрожал.
Аламжи Мэргэн молодой,
Догадавшись, что прибыл конь,
Вышел ему навстречу.
Отомкнув девяносто больших замков
Девяноста трех дверей,
Он заходит
В серебряный свой амбар,
Достает недоуздок
Из витого серебра,
Вытаскивает узду
Из литого серебра.
Он взнуздывает,
Недоуздком привязывает
Стройного солового коня
Восьмидесятисаженного,
С ушами восьмисаженными.
Он кормит его
Просяным зерном
Из серебряного корыта,
Он выпускает его в задний загон
С посеребренными [жердями],
Где лончакам впору резвиться.

5

Агуй Гохон-сестрица:
«Брат, брат! — говорит, —
Наши дяди
Не указали тебе земли,
Где бы нашел ты счастье, —
Они указали тебе землю,
Где ты узнаешь беды» —

Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Ядуулажи хэлэжи
Ахай хүбүүн гээшиеэ
Болюулажи ядабал,
Ярагуулажи хэлэжи
Сухарюулажи ядаба.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин:
«Агуй Гоохон дүүхэймни!
Эрэ хүүниин залуудаа,
Эшигэнэй михан халуундаа!
Эрэ хүн зориһондоо,
Эхэнэр хүн эсхэһэндээ!» — юумэ-лэ.
Гэжи бололугэй
Түхёөрһөндөө түхёөрбэл,
Зориһондоо зорибол.
Агуй Гоохон дүүхэй-лэ
Баруун нюдөөр бархирба —
Байгал далай болгобо,
Зүүн нюдөөр уйлаба —
Зүлхэ далай болгобо.
«Ахай, ахай! Болииш, болииш!» — гэжи-лэ
Болюулажи ядаба,
Яахаш аргаа ядаба. . .
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Алта мүнгүн шулаангаа
Инеэлдэжи оробо.
Далан бугайн шандааһаар
Зүйжи зайжи ширдэһэн,
Далан бухайн эбэрээр
Зүйжи зайжи элигэлһэн
Бухайр шара номоёо
Гаргалдажи асарбай.
Газаа бэедээ гаражи,
Далан улаан заадаһандаа
Бухайр шара номоёо
Хүбшилэхэм гэжи
Гасалдажи татаба:
Далан бүдүүн заадаһаниин
Далан тээшээ мултаржи
Задаражи унаба.
Бухайр шара номоёо
Хубшилэжи ядалайл! . .
Шамай һанай! — гэжи-лэ
Ойхондоо гаранал,
Ойхон дээрээ ошижи
Далан бүдүүн шинүһэнэй
Үзүүр дээрэн гаражи

Так она говорила-сказывала.
Говорила с укором
Своему брату —
Остановить не могла,
По-хорошему убеждала —
Отговорить не могла.
Аламжи Мэргэн молодой:
«Агуй Гохон-сестрица, — [сказал], —
Мужчина [хорош] в молодости,
Козлятина [хороша] свежесваренная!
Мужчина добьется задуманного,
Женщина сошьет скроенное!»
Так, не послушавшись,
Он собрался в дорогу,
Он приступил к задуманному.
Агуй Гохон-сестрица заплакала —
Слезами из правого глаза
Байкал-море наплакала,
Слезами из левого глаза
Лену-реку наплакала.
«Брат, брат, остановись, остановись!» —
Говорила она — остановить не смогла,
Все средства испробовав. . .
Аламжи Мэргэн молодой
Входит, [дверь] отворив,
В чулан злато-серебряный.
Он берет
Крепкий бухарский лук *,
Умело сделанный
Из рогов семидесяти быков,
Плотно обтянутый
Сухожилиями семидесяти изюбров.
Он собирается натянуть тетиву
На крепкий бухарский лук
И выходит во двор.
Стал он сжимать лук
Меж семидесяти толстых столбов —
Семьдесят толстых столбов
Выворотились, попадали
В семьдесят разных сторон.
Не может он стянуть тетивой
Крепкий бухарский лук!
«Да чтоб тебя!» — сказав,
Он отправился в лес.
В лес придя,
Стал он натягивать тетиву,
Заложив лук за комли

Гасалдажи татабал:
Далан бүдүүн шинүһэниин
Дарьил болсо бутаржи
Мултаражи унабал!
Ямар ямар арагаар
Хүбшилэжи ядаба.
Шамай-ханай! — гэжи-лэ
Урда хадайн бэлэгтү
Гаралдажи ошобо.
Ерэн улаан түгсүндү
Хатаһан түгсүн бүхү гэжи
Ерэн улаан түгсүндү
Гасалдажи татаба:
Ерэн улаан түгсүеын
Гурбан бахан ялгадаа
Нигэ дүнгөөр мултаражи
Уналдажи ошобо.
Яахайн яахаар хүбшилжи
Ядан сүхүрэн байбал-даа.
Тэрэ гэсэн бэеэрээ:
Гайхал ехэй гайхаба,
Тагнуул ехээр тагнаба.
Һайгаар (ябаха) ябадлиим
Мэдээ хадаа иигээгшии?
Һаараар ябаха ябадлиим
Мэдээ хадаа иигээгшии? — гэжи
Гайхал ехээр гайхаба,
Тагнуул ехээр тагнажи
Газаа хүрши ерэбэ.
Тэрэ гэсэн бэеэрээ:
Наян алда бэетэй
Найман дэлим шихэтэй
Нариихан шарга мориниин:
«Эжин хүйхүр гээшимни,
Хойто хоёр борьбодом
Гасалдажи татажи
Хүбшилэйшэ!» — гэбэл-даа.
«Шинии хоёр борибо
Далан бүдүүн заадаһанһаа
Бүхү болоо гэжүү-даа?
Далан улаан шинүһэнһээ
Хатуу болоо гэжүү-даа?
Ерэн улаан түгсүгһээ
Шанга болоо гэжүү-даа?!..» —
Хэлэн хүүнэн байба-ла.
«Хүбшилээүгэй хадаа
Уруугаашаа танаатай
Уһан тарим хотёгоороо

Семидесяти толстых лиственниц:
Семьдесят толстых лиственниц
Выворотились, повалились,
С треском переломившись;
Он пробует так и так натянуть тетиву —
Не удается никак.
«Да чтоб тебя!» — сказав,
Он поднялся
На склон южной горы.
Подумав: «Из девяноста могучих пней
Самые крепкие те, что ссохлись», —
Стал он сжимать [лук]
Меж девяноста могучих пней —
Девяносто могучих пней
Разом выворотились, полетели,
Рассыпались
В трех нижних долинах.
Пытался так и так натянуть тетиву —
Не смог, совсем отчаялся.
Вслед за тем:
Очень он удивлялся,
Очень он изумлялся:
«Ты, [лук], не даешься, зная,
Что мне удачный путь предстоит,
Или ты не даешься, зная,
Что мне тяжелый путь предстоит?»
Так, в большом удивлении,
В большом изумлении,
[Аламжи] подъехал к дому.
Вслед за тем:
Стройный соловый конь
Восьмидесятисаженный,
С ушами восьмисаженными [сказал]:
«Хозяин мой удалой,
Возьми и зажми свой лук
Между задними моими ногами
И натяни тетиву!»
«Разве теперь
Две ноги твои крепче
Семидесяти толстых столбов?
Разве теперь они тверже
Семидесяти могучих лиственниц?
Разве теперь они прочнее
Девяноста толстых пней?» —
Так он говорил-сказывал.
«Если тетиву не натянешь,
Разрежь меня по суставам,
Преврати меня в груду мяса

Үе бэеым отолооройл,
Үүсэ михан болгооройл!» —
Хэлэн хүүнэн байба-ла.
Нариихан шарга мориниин
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Хоёр хойто борьбодон
Уруулажи гасажи
Таталдажи асарба,
Онобшидон уруулжи
Тэбхэ дээрэн байлгажи
Сабхай сараа үгэйеэр
Хүбшилэжи орхёбо.
Тамшалгайеын татха минил гэжи
Нажирай сагта бариха
Нариихан шуудгай үүдхэйе
Гарагажи асарбал.
Бугайн зэнэй-дли
Бухиоудан хүрсү татажи,
Хандагайн зэнэй-дли
Хасартан туласа татажи
Харбажи орхёбо —
Ара гэреэн уряагшин.
Бухиоуеын дуухан шууяба,
Зэнйын дуухан янъянба:
Ойдо байһан модониин
Орболзожи ошолой,
Олон түмэн буган
Ундуй һундуй унаба;
Тайгуйн модон таръяба,
Тажи эреэн бугани
Тархяа дүйжи унаба.
Гурабан сагаан сүүдхэеэ дүүрэгэжи
Нарин шуудгай үүдхэ гээшин
Хорёондоо-ло хонхёнжи,
Араандаа-ла аръяжи
Ороһониин тэрэл-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
«Үбүлэй сагта барихада
Наларахай номолдаа,
Нажирай сагта ябахада
Нэгэ бага уярхай! . .» — гэжи
Хэлэһэниин тэрэл-даа.
Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
Оёор мүнгүн гооронсдоо
Оролдожи ошобо.
Ербэй мүнгүн амбаарһаан
Сагаан будаа гаргажи

Своим острым ножом,
На конце скошенным!» —
Так говорил-сказывал
Стройный соловый конь.
Вслед за тем:
Меж задних ног [коня]
Он вставил лук
И начал его сгибать.
Он зацепил [тетиву] за зарубку,
Закрепил на кобылке
И ловко, без всяких помех
Натянул ту тетиву!
«Мне и испробовать [лук]», — сказав,
Он взял и принес
Свою тонкую гибкую стрелу,
Годную для летней [поры].
Оттянув ее до наконечника,
Будто стрелу на изюбра,
Оттянув ее до щеки своей,
Будто стрелу на сохатого,
Пустил он стрелу
На юг от родного дома.
Зазвенела стрела,
Засвистел ее наконечник,
Лесные деревья
Закачались и повалились.
Тысячи изюбров
Вповалку попадали,
Деревья таежные затрещали,
Могучий пестрый изюбр упал,
Оглушенный треском таким.
На исходе третьих суток
Та гибкая, тонкая стрела
Со звоном в колчан свой,
Со свистом в чехол свой влетела —
Так это было!
Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн молодой
Такие слова сказал:
«Для зимней поры
Этот лук годится,
Для летней поры
Немного он мягковат».
Вслед за тем:
[Аламжи] входит в горницу
С серебряным полом.
Он задает корм коню —
Просяной крупы

Идэлүүлжи байба-ла,
Нариихан Шарга моринойгоо
Уялгайеын абахам,
Яһалгандан уруулхам
Гэжэ байлгабал.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Нариихан Шарга мориёо
Хүбэрин татан уяба —
Хэрмэн морин болгобо,
Һойжи татан уяба —
Һолонго морин болгобо.
Өөри гүүнэй унаганшиг
Гүбэйсэрэн уяба,
Ойдо байһан инзаганшиг
Зэртэйсэрэн уяба.
Мүлүһын дээгүүр хүтүлбэл —
Мүлүү мүнгүн туруугаар *
Туруулуу-лан хүтүлбэл,
Хайрахан дээгүүр хүтүлбэл —
Хатуу уян туруугаар
Туруулуулжи хүтүлбэл.
Тэрэ гэсэн бэеэрээ:
«Эгээ мүнөө байнал-даа
Яһалгаяа абабал,
Уялгандаа оробол!»
Мэнэн хүүрээ хэлэжи,
Ерэн гурбан үүдэтэй
Ербэй мүнгүн бумбаараа
Инеэлдэжи оробол-даа.
Гушин һүнтэ байнал-даа
Сагаа мүнгүн балтаяа
Гарагажи асарбал.
Баруун ехэ гуйеын
Сохёлдожи байнал-даа,
Баруун хадайн шулуушиг
Ханхинажи байбал-даа!
«Эгээ мүнөө байнал-даа
Яһалдаа оробол,
Уялгаяа зохёбол!» —
Хэлэн хүүнэн байбал-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Шураг мүнгүн ногтоороо
Ногтоложи байбал-даа,
Урда хадайн толгойдо
Хүтүлөжи гарабал-даа.
Малагай хара нараһанай
Залааһаан барижи
Уялдажи байбал-даа.
Ара хойто тэнгэриһээн

Из высокого серебряного амбара.
Он хочет придать стройному соловому своему коню
Истинную его стать.
Он хочет, чтобы [его конь]
Вернул прежнее обличье.
Аламжи Мэргэн молодой
Стройного солового коня
Так затянул [подпругами],
Что стал он подобен белке,
Так затянул ремнями,
Что стал он подобен колонку,
Так его затянул, что стал он подобен
Жеребенку молодой кобылицы,
Так его затянул, что стал он подобен
Дикому лесному козленку.
Поводил коня по льду —
Стали его копыта
Гладкими, как серебро,
Поводил коня по гальке —
Стали его копыта
Упругими, крепкими.
Вслед за тем:
«Вот теперь наконец
В тело вошел конь,
Обрел свою стать!» —
Заветное слово сказал он.
Он вошел, отворив
Девяносто три двери,
В высокий серебряный амбар.
Он достал и вынес
Белосеребряный молот
В тридцать фунтов весом.
Он ударил им
По правому могучему бедру [коня].
Раздался гул,
Будто камни западной горы [загудели].
«Вот теперь наконец
В тело вошел конь,
Обрел свою стать!» —
Так говорил-сказывал он.
Вслед за тем:
Он надел на коня
Недоуздок из кованого серебра,
Он повел его
На вершину южной горы.
Он привязал [повод уздечки]
За пушистую верхушку
Высокой сосны.
Прорвав облачный слой

Хөриһэйеын хүндүжи
һэбхэн һэбхэн һалхиие
Буулагажи байбал-даа.
Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
Нариихан шарга мориёо
һэгхэн богхон хоёрын
һуха хиидхэн гаргабал.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Гэрхэн тээшээ хүтүлжи
Газаа бэедээ ербэл-даа.
Бэжир мүнгүн сэргэдээ
Уян татан байбал-даа.
Тэрэ гэсэн бэеэрээ:
Торгоной хирхаг тохомоо
Гарагажи шарбал,
Тортог богхон хоёрын
Ходо таһа гаргажи
Тохолдожи байбал-даа,
Тохой мүнгүн эмээлээ
Эмээллэжи тохобол,
Ууса уруун болобо
Нюлуу мүнгүн хударгайн
Хударгалжи орхёбол,
Арбан астай олонгоор
Аталзаса таталайл,
Хорин холбоо олонгоор
Хотойсоро татабал.
Тииһэн яаһан хойно-ло
Оёор булан гооронсдоо
Уруудажи ошобол.
Агуй Гоохон дүүеэ-лэ
Хэлэн хүүнэн һуулай-ла:
«Дайни газар үмдүхү
Далан гурбан тобшитой
Данжаа торгон дэгэлиим *
Гарагажи шаржи
һэрэгээжи асэйшэ!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн һуунал-даа.
Агуй Гоохон дүүхэйн-лэ
Буруу тээшээ харажи
Бодолдожи гаралайл.
Арбан табан шулаандаа
Оёор бэедэн оролойл.
Алта мүнгүн арагаа инеэлдэжи,
Данжаа торгон дэгэлиин
Гарагажи абалайл.
Газаа бэедээ абааши
Далан үе харшидаа *

Северной стороны неба,
Он напустил на землю
Легкий-легкий ветер.
Вслед за тем:
Дуновением ветра вмиг сдуло
Пыль и грязь
Со стройного солового коня.
Вслед за тем:
Ведя коня за собой,
Он приводит его домой,
Крепко привязывает
К коновязи узорчатого серебра.
Вслед за тем:
Он выносит и встряхивает
Потник с шелковою каймой,
Выбивает из него
Пыль и грязь,
Кладет его [на спину коня].
Он седлает коня
Изогнутым серебряным седлом*.
Назад по крупу протягивает
Подфею серебряную,
Проведя ее [под хвостом].
Десятью двойными подпругами так затянул [коня],
Что тот подобрался,
Двадцатью двойными подпругами так затянул,
Что тот изогнулся.
После этого
Он заходит
В просторную горницу
И так говорит-сказывает
Агуй Гохон-сестрице:
«Достань мой *дэгэл*
Из блестящего шелка
С семьюдесятью тремя пуговицами,
Для боевых походов [предназначенный].
Посуши, проветри его и мне подай!» —
Так говорил-сказывал он.
Агуй Гохон-сестрица
Поднялась и, отвернувшись,
Вышла [из комнаты].
Она заходит в самый дальний
Из пятнадцати своих чуланов.
Она открывает сундук злато-серебряный
И достает оттуда
Дэгэл из блестящего шелка.
Она выносит его во двор,
Натягивает на забор

Хэдэрүүлэжи хабхалабал.
Уруу өөдэн татажи
һэгхэн богхон хоёрын
Ходо хиидхэн гаргабал.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Шагаабаряараа харажи
Мойһон хара нюдүнһөө
Мондогой хара нёлмоһой
Мухарюулажи байнал-даа.
Агуй Гоохон дүүхэйеэ
Хэлэн хүүнэн һуунал-даа:
«Үһэншини үрбэлгэл,
Үе яһанш мөөрһэл. . .»
Мэнэн хүүрээ зугаалбал:
«Үргэн сагаан байсандаа
Үдэршье һуухадаа
Уйдаха байналши,
Охоршилхо байналши!» —
Хэлэн хүүнэн байна-ла.
Арбан елдэ бариха
Аньир шара үүдхэеэ
Гарагажи асарбал.

Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Татахада һунаха,
Табихада агшаха
Ташигай мүнгүн остоолоо
Элигэн дээрэн ширээлдэжи байнал:
«Агуй Гоохон дүүхэйтэйм
Арбан хүүнэй-дэли
Аръялажи зугаалахаш!» — гэжи,
Ширээлэжи байна-ла.
«Хорин хүүнэй-дэли
Хонхёножи байха,
Худа анда-дали,
Зугаалажи байха!» — гэжи
Ширээлэжи орхёлойл.
Агуй Гоохон дүүхэйниин
Хэлэн хүүнэн байбал-даа:
«Шинии зориһон ошхо газартал
Барууни багай холо дайдаһаа
Абарга Бүхү хүбүүн ошоһоор
Арбан гурбан елхэн
Болоо гэхы дуулаальби!..
Ара хойто бэеһээн
Алтан Сэгсэй хүбүүниин
Шинии ошхо газарта
Арбан гурбан елхэн
Болоо гэхы дуулаа бэлэйльби!..»

Из семидесяти досок.
Из *дэгэла* она выбивает
Всю пыль,
Встряхивая его изо всех сил.
Аламжи Мэргэн молодой
Смотрел в окно,
Из его темных, как черемуха, глаз
Крупные чистые
Слезы катились.
Он так говорил-сказывал
Агуй Гохон-сестрице:
«Волосы твои — еще пушок,
Суставы твои — еще хрящики. . .»
Он сказал заветное слово:
«Сидя изо дня в день
В своем просторном белом дворце,
Ты заскучаешь
И затоскуешь в нем!» —
Так говорил-сказывал он.
Он достал и принес
Ярко-желтую стрелу,
Годную десять лет.
Вслед за тем:
На покатом серебряном столе,
Таком, что потянешь его — растянется,
Отпустишь его — сожмется,
Он заклинал:
«Гуляйте шумно и весело
Вместе с Агуй Гохон-сестрицей,
Как будто бы вдесятером! —
Так заклинал он. —
Гуляйте же весело,
Как вместе собравшиеся
Двадцать человек
Сватов с побратимами!» —
Такое он произнес заклинание.
Агуй Гохон-сестрица
Так говорила-сказывала:
«Слышала я,
Что тринадцать лет назад
С дальней западной стороны
В ту же землю, куда и ты собираешься,
Абарга Буху-силач отправился.
С северной стороны, говорят,
В ту же землю,
Куда ты собираешься ехать,
Тринадцать лет назад
Алтан Сэгсэй молодой отправился!

«Ахай, ахай! — гэжи-лэ,
Шинии ошхо газарта
Зүүнэй зүгэй холо дайдаһаа
Шонходой Мэргэн хүбүүниин
Арбан гурбан елхэн
Болоо гэхүй дуулаальби!»
«Ахай, ахай! — гэжи-лэ,
Биихэн хадаа
Шинии хүүхэн бэшильби,
Харида заяаһан
Хүнхэн гээши һуунальби.
Шиниишье ерэсээр
Гэртэшни
Галэйшни түлэжи,
Малэйшни харажи,
Һууха байхаүгэйб!» — гэнэл-даа.
«Дайни хүнхэн ерэжи
Дайлажи-ла абаадха,
Дайдуйн хүнхэн ерэжи
Олзоложи абаадхал!» —
Гэжи хэлэн байна-ла.
   Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Юүгээрэмшье мэдээ байнаш!» — гэжи,
Баруун гарай хурганһаа
Сагаа мүнгүн биһэлеын
Мулталажи абаши
Ахайдаа-ла үгүбэл.
«Дайдуйн газар ябахадаш
Абаралтай байхал-даа,
Дайни газар ошходош
Туһатай байхал-даа!» —
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
«Дайни хүни ерэжи
Дайлажи абаадхадан,
Дайдайн хүни ерэжи
Олзоложи абаадаа хадан
Уян туулган боложи
Баруун гарайш хурганһаа
Атхаражи ураха бэйзэ!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
«Ахай, ахай! — гэнэл-даа,
Залуу хүнхэн байнальши,
Эдирхүү байнал-даа,
Гүлгэ нохой байнал-даа
Шудэрхүү байнал-даа!
Дайда гээшин холо юумэл,
Уһан гээши ута юумэл!
Аян зангаар боложи
Ааляар зөөлөөр ябэйша!» —

Старший мой брат!
В ту же землю, куда и ты направляешься,
Еще тринадцать лет назад
С дальней восточной стороны, говорят,
Шонходой Мэргэн удалой
Тоже отправился!
Старший мой брат!
Ведь я
Не твое дитя.
Я девушка, судьбой своей
Предназначенная для чужбины.
Я не смогу,
Пока в отъезде ты будешь,
В доме твоем
Хранить огонь
И сторожить твой скот!
Налетят чужеродные —
Силой меня возьмут, уведут,
Разбойники явятся —
Захватят твое добро, увезут!» —
Так она говорила.
Вслед за тем:
«От него ты все узнаешь!» — сказав,
Она сняла с пальца
Правой руки
Белосеребряный перстень
И отдала старшему брату.
«Разъезжать станешь по свету —
Перстень оберегать тебя будет.
Если в войну вступишь —
Перстень тебе поможет,—
Так она говорила-сказывала. —
Когда налетят чужеродные,
Силой меня уводить станут,
Когда разбойники явятся,
Добро захватив, уводить станут —
Превратившись в мягкий свинец,
[Перстень] расплавится и стечет
С пальца твоей правой руки! —
Так она говорила-сказывала. —
Брат мой, брат! — она говорила, —
Ты молод еще.
Юнец бывает слишком прытким,
Щенок бывает
Слишком задиристым.
Земля ведь бескрайняя,
Реки ее длинные,
Следуй, как подобает в дальнем пути:
Не спеша, осторожно!» —

Хэлэн хүүнэн байнал-даа!
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Далан тэхэйн араһаар
Зүйжи зайжи оёһон
Элигэн хара шарвааран
Алан дороо үмүдбэл,
Загаһанай араһаар оёһон
Зандан хара сабахяа
Үлүмиидээ хубсалбал.
Дайни газар үмдуху
Далан гурбан тобшотой
Данжаа торгон дэгэлээ
Ээмээ шангаар хэдүрбэл,
Эрхын шангаар тобшилбол.
Бүтүү шүрэб мүнгүн бүһээ
Ташаан дээгүүр татажи
Бэһэлэжи байбал-даа.
Үргүн голоор эсхэжи
Бүтээлдэһэн байнал-даа,
Һара мүнгүн һаадагаа *
Баруун-хани ташаандаа
Хантаража уябал-даа.
Нарин голоор эсхэжи
Бүтээлдэжи байна-ла,
Буудай мүнгүн хоромгоо
Зүүнхэн-ханай ташаандаа
Үлгүлдэжи зүүбэ-лэ.
Арбан елдэ бариха
Аньир шара үүтхээ,
Хорин елдэ бариха
Хонгор шара үүтхээ
Хорёодоорин холбожи,
Хошоодоорин эбэлжи
Хормогодоо хатхаба.
Ойдо байһан модошиг
Ургасарин хатхаба,
Тайгада байһан модошиг
Түглүйсэрэн хатхаба.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Бүтайн шинээн залаатай
Бухали-дали бараатай
Булган хара малгаяа *
Орой дээрээ дунгүбэл,
Агүй Гоохон дүүхэйеэ
Мэндүйн һайгаар
Мэндэшилэн байба-ла.
Агүй Гоохон дүүхэйн-лэ:
«Ахай, ахай! — гэжи лэ,

Так она говорила-сказывала.
Аламжи Мэргэн молодой
Шарвары надел
Из мягкой прочной замши,
Впору ему сшитые
Из шкур семидесяти козлов.
Сапоги натянул,
Из рыбьей кожи сшитые,
Прочные, как сандал *.
Быстро надел,
Застегнув на все пуговицы,
Дэгэл из блестящего шелка
С семьюдесятью тремя пуговицами,
Для боевых походов [предназначенный].
Он затянулся
Поясом из цельного серебра,
Обхватив им бедро свое.
Он крепко приладил
К правому боку
Колчан из кованого серебра *,
Такой, что подобен
Широкой долине.
К левому боку
Он плотно приладил
Колчан из литого серебра,
Такой, что подобен
Узкой долине.
Крепкие, гибкие стрелы,
Годные десять лет,
Твердые, гибкие стрелы,
Годные двадцать лет,
По две скрепив,
По двадцать соединив,
Связками в свои колчаны воткнул,
Воткнул так, что они поднимались,
Словно деревья в лесу,
Воткнул так, что они вздымались,
Словно деревья в тайге.
Вслед за тем:
[Аламжи Мэргэн] надевает
Малгай из черного соболя,
Схожий с копной,
С шишаком, словно кочка.
Затем он напутствует
Лучшими из всех пожеланий
Агуй Гохон-сестрицу свою.
Агуй Гохон-сестрица сказала [в ответ]
Такой *юрол:*

Ябахадhан газартаа
Яргалтайхан ябаарай,
Зориhон-ло газартаа
Золтойхон-ло ябаарай!»
Үрёөр хэлэн байнал-даа.
Газаа тээшээ гаражи
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Наян алда бэетэй
Найман дэлим шихэтэй
Нариихан шарга мориёо
Уналсажи байбал-даа.
Агуй Гоохон дүүхэйн-лэ
Далан табан үүдэеэ
Таhа дэлин гаражи
Харайлдажи ерэбэл-даа
Ахаяа моридхо ябхайе
Харахам үзхэм гэжи-лэ
Хараддажи байбал-даа.
Сойхон мүнгүн дүрөөе
Собхон гэхын дуулалай,
Сухай улаан ташуурай
Шабхан гэхүй дуулалай.
Түүнэhээ сааши-ла
Атха болохо шоройёо
Буръяхэйн хараба,
Бутайн шинээн залаае
hэхэд гэхын хараба.
Түүнhээ сааши болобо
Юүхэншье харбагүй байбал-даа,
Юүхэншье үзээ үгэй хосорбо.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Гэрэтээ-лэ орожи
Агуй Гоохон дүүхэйн-лэ
Хоболоо-ло асаржи
Бэжир мүнгүн собоороо
Орой дээрэн гаражи
Хараддажи байбал-даа.
Бутайн шинээн залаагаар
Үндүр сагаан тэнгэрын
Будан сагаан үүлэйе
Хаха сохёжи ябанал,
Өөриин дайдай үхүбэ,
Хүүнэй дайдай хүрүжи
Ябахэйеын хараба.

6

Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин

«Старший мой брат!
Пусть удача с тобой пребудет
В той земле, куда ты направляешься,
Пусть счастье тебе сопутствует
В той стороне, где ты окажешься!»
Аламжи Мэргэн молодой
Выходит во двор,
Садится на своего
Стройного солового коня,
Восьмидесятисаженного,
С ушами восьмисаженными.
Агуй Гохон-сестрица
Открывает настежь
Все семьдесят пять дверей
И бежит,
Чтобы увидеть
Отъезд из дома
Старшего своего брата.
Она услышала, как звякнули
Стремена из литого серебра,
Она услышала, как свистнула
Тугая плеть *.
А потом
Она увидела,
Как взвихрилась горсточка пыли,
Как мелькнул
Круглый шишак *малгая.*
После этого
Все исчезло —
Ничего не увидеть.
Вслед за тем:
Агуй Гохон-сестрица,
В дом зайдя, вынесла
Зрительную трубу,
Взобравшись на крышу
Собора из узорчатого серебра,
Вдаль смотрела.
Увидела, как он удалялся,
Пополам рассекая
Круглым шишаком *малгая*
Белоперистые облака
Высокого светлого неба.
За пределы родной земли он выехал,
Рубежей чужой земли он достиг.

6

Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн молодой,

Ара гэрээн урайгши
Арилажи талииба.
Алаг саазгайн дуугаар
Үбүл гэжи хатарбал,
Алтахан ерьеэхэйн дуугаар
Нажир гэжи хатаржи
Арилажи талиибал.
Нигэ байһан дайдада
Оролдожи ошобо.
Ябаһаниин хайши хайши
Далан хараан газари
Даражи ургажи байһан-ла
Нарин могойн гульдархгүй,
Наранай түяа харагдахгүй
Нараһан хара хушида
Тулалдажи байбал-даа.
Дээшээ харажи байхадан
Огторгодоо ябаһан
Хара хирээ хаахяржа
Тулалдажи тэхэрьбэл,
Доодо бэеэр хархадан
Урууншье ябажи
Харгүй олжи ядабал,
Өөдөншье үкхүбэ
Үүдэйн олжи ядабал.
Ууралаһан бэеэрээ
Хойто бэедээ ахаһан
Хангай хара һомоёо
Абалдажи байбал-даа,
Далан долоон тэбхэтэй
Бухайр шара номоёо
Гарагажи абаши
Бугайн зэнээ-дли *
Бухюудан хүрүсэ татабал,
Хандагайн зэнээ-дли
Хасартан туласа татабал.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Зориһон ябаһан дайдадаа
Хүрэхэ ошхо хадамни,
Нари могойн гульдархгүй,
Нара һаранай харагдахгүй,
Нараһан хара хү шиие
Тэрэгээр-лэ багтахаар,
Тэмээгээр-лэ гарахаар
Узуураариин шуутхалажи унагаагэйш!» —
Гэжи байжи харбан байна-ла.
Нарин хара хүшииеын
Ундуй сундуй харбажи

Удаляясь на юг от дома родного *,
Исчез вдали.
Он мчался все дальше,
По голосу пестрой сороки
Начало зимы узнавая,
По пению соловья
Наступление лета угадывая,
Пределов одной земли
Он достиг.
Он подъехал
К опушке густого
Соснового леса,
Который тянулся в разные стороны
На семьдесят верст:
Через него даже узкой змее не пробраться,
Даже солнечному лучу не пробиться.
Вверх взглянув,
Он увидел, как черный ворон,
С карканьем подлетевший,
Наткнулся на лес и назад повернул.
Вниз взглянув,
Он не нашел
Никакого проезда,
Вверх взобравшись,
Не смог увидеть никакого прохода!
Тогда, разозлившись,
Он со спины снимает
И берет
Крепкую хангайскую стрелу *,
Затем берет
Большой бухарский лук
С семьюдесятью семью подпорками.
Оттягивает стрелу до наконечника,
Будто стрелу на изюбра,
Оттягивает ее до щеки своей,
Будто стрелу на сохатого *.
Вслед за тем:
Он пускает стрелу, сказав:
«Если мне суждено добраться
До заветной земли,
В непроходимой сосновой чащобе,
В которой и тонкой змее не пробраться,
Где не видать ни луны, ни солнца,
Срежь деревья с корнями,
Чтоб и телега могла проехать,
Чтоб и верблюд мог пройти!»
Могучим своим выстрелом
Он уложил в ряд [деревья]

Шуутхалажи унагаабал.
Тайгадаа ургажи байһан
Тажи улаан шунүһэйе
Хуу татан абалай;
Шорой юумэйн тоншоржи,
Намаа юүеын шобторжи,
Абалдажи байлайл-даа.
Нариихан Шарга мориноо
Һүүлхэндэн тэггэнжи
Тэнгээриин уялдажи байбал-даа.
Тэрэ гэсэн бэеэрээ:
Тэрэ бүгүдэ модэйе
Юүтхүүлэжи талиибал *.
Саада бэедэн байбал-даа
Сабхай сараа үгэйеэр
Барани юүтхүүлэжи гарабал *.
Хойшоошье эрьежи
Саада бэедээ гаражи
Харахадан болобо:
Хаани харгүй
Ханхайражи байба-ла,
Зони харгүй
Зуруйжи байба-ла.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Хойтойн хойнол-даа,
Хоёри-лэ нэгэндү
Энэ ябаһан харгүйяар
Аши гуши ябаха байна!» — гэжи
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Тайгүйн тажи улаан шунһүеэ
Нарин Шарга мориноо
Һүүлһээн тайлалдажи абаши
Ургуулажи байбал-даа,
Урдайнхиһаан үлүүгээр
Ургуулажи орхёбол.
Эртэйнхиһээн үлүүгээр
Намаалуулжи орхёбол.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Дайдэйн ехэ бариса
Эндэ байна!» — гэжи,
Сагаа мүнгүн дааһандаа
Сармай улаан тамхияа
Утхалдажи абаши
Дээши доошин барижи
Таталдажи байнал-даа,
Барьсалажи байнал-даа.
Түүнэһээнэ саашила

В густой таежной чащобе.
Вырвав с корнем
Росшую в тайге
Могучую кряжистую лиственницу,
Он выбил из ее корней землю,
Стряхнул с ветвей хвою
И привязал к коню —
Та лиственница была
Вровень с крупом
Стройного солового коня.
Вслед за тем:
Он стал убирать
Все поваленные деревья.
Когда все подобрал —
Без всяких помех
Смог пройти [лес]
Из конца в конец.
Назад оглянувшись,
Тут же увидел:
Ханская дорога
Широко пролегла,
[Проторенная] народом дорога
Напрямик пролегла.
Вслед за тем:
«Когда-то в будущем —
Рано или поздно —
По этой дороге торной
Будут ездить внуки и правнуки!» —
Так говорил-сказывал он.
Вслед за тем:
[Аламжи Мэргэн] отвязал
Могучую красную лиственницу
От хвоста солового коня
И посадил ее,
Чтобы она росла
Лучше, чем прежде,
Чтобы она цвела
Краше, чем раньше.
Вслед за тем:
Со словами: «Да будет здесь
Священная *бариса* земли!» * —
Он набил
Крепким красным табаком
Трубку из белого серебра.
Он стал курить,
То поднимая ее, то опуская,
Делая так подношение *.
После этого

Хатаражи талииба.

7

Урда бэедэн харагдажи байбал-даа,
Сармай сагаан уула-ла
Харагдажи байнал-даа.
Тэрээн тээшээ ябабал.
Тэрээн дээрээ гараши
Хараа бараа хараашилхам гэжи,
Хатаражи ябаба.
Сармай сагаан хадаяа
Орой дээрэн гаражи
Урайгшаа хойшоо хараашилан байбал-даа.
Хараашилан байхадан
Урда бэедэн байбал-даа,
Шаргалтайн Шара Замбида
Харагтха бартай байбал-даа:
Хайши хайши бодобо
Хараан газари дараха
Модон хара байсанеын
Харагдажи байбал-даа.
Модон хара байсанеын
Баруун хойто ёолобтон
Гурбаншье хүбүүн-лэ
Саажиһаана холбожи
Үолгөөтөй-лө байба-ла:
Ара хойто һалхинда
һүүжи һүүжиеэ сохёжи
һүбээ һүбээеэ дайралдажи байбал-даа!..
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Одоошье шинии ерэһэн
Зориһон дайсан гээши
Эндэ байнал!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Хүүнэйшье хүбүүндаа
Хүүнһээшье үлүүгүйл,
Хүзүүнэй ёргоон тооромиин
Ёргоонһоо үлүү бэшил-даа!» —
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
«Ерэһэн зориһон дайдамни
Энэ байна гээши-лэ!
Айһаншье адали
Алсайһаншье нэгэн-даа!» —

Гэжи хэлэн байна-ла.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Нарин Шарга мориёо

Снова помчался рысью.

7

Впереди завиднелось что-то:
С южной стороны показалась *
Белая-пребелая гора.
Туда он направился.
Он поскакал к горе,
Чтоб на нее взобраться
И оглядеться вокруг.
Он поднялся на вершину
[Самой] белой горы
И стал глядеть вокруг.
Осматривая окрестности,
Он разглядел
На южной стороне,
В местности Шаргалтайн Шара Замби:
Возвышаются стены
Деревянного большого дворца,
По земле на версту растянувшегося, —
Вот что открылось его глазам.
В правом заднем углу
Черного деревянного дворца
Были подвешены
Три парня
За сплетенные вместе косы.
Под порывами северного ветра
Они ударялись бедрами,
Друг друга боками касались! . .
Вслед за тем:
«Наконец-то! Тот враг,
К которому я ехал, стремился,
Вот он где оказался!» —
Так говорил-сказывал он.
Вслед за тем:
«Дитя человека не может быть
Больше самого человека,
Шейных позвонков не может быть
Больше шести! * —
Так он говорил-сказывал. —
Земля, куда я стремился,
Здесь находится!
Что испугаться [до смерти],
Что на ногах устоять — одинаково
[может случиться] *» —
Так он сказал.
Вслед за тем:
Вскочив на своего

Уналдаһан бэеэрээ
Ара гэрээн урайгша
Шаргалтайн Шара Замбиие
Уруудажи талииба.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Ёргоон зуунхан тологотой,
Ёро һургааг эбэртэй
Мангад Шара Гахай гээши-лэ
Ухаан дуундаа ойлгобол,
Мэдээн дундаа мэдэбэл:
Алаг гүүнһээн гараһан
Алаг ехэ азаргаяа
Таар тохомоо тохожи
Талхи эмээлээ эмээллэжи
Мангад Шара Гахайн-ла
Шаргалтайн Шара Замбияа
Ара өөдөн хатарба,
Аламжи Мэргэн хүбүүе
Угтажи тодожи хатарбал.
Аламжи Мэргэн хүбүүтэеэ
Тала ехэ хээртэ
Талайн ганса модондо
Золголдожи байбал-даа.
Мангад Шара Гахай гээшин-лэ:
«Гэшхэши үгэй дайдэйе
Гэшихэжи ерэһэн
Хэнии хүбүүн гээшибши?» — гэжи,
Зандалдажи байбал-даа.
Зандан хара тайган
Дорьболдожи байбал-даа
Дуун шуун хоёртон.
«Гэшхэлдэши үгэй-лэ
Гэгээн сагаан дайдайеым
Гэшхэлдэжи, алхалдажи ерэһэн
Хэнии хүбүүл?!» — гэжи-лэ,
Һүүхирэжи һуражи-ла байбал-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Ёргоон зуунхан толгойтой,
Ёро һургааг эбэртэй
Мангад Шара Гахай-ла
Баруун ехэ гараараа
Аламжи Мэргэн хүбүүни
Зүүнхэн улаан хасарын
Ташилдажи байлай-ла:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Гэшхэһэн хоёр хүлөө
Хүдүлөөүгэй байбал-даа,
Хараһан хоёр нюдүёө

Стройного солового коня,
Он умчался
На юг от дома родного,
В Шаргалтайн Шара Замби.
Вслед за тем:
Рыжий *мангадхай*,
У которого шестьсот голов,
Шестьдесят, словно жерди, рогов,
Умом своим все понял,
Рассудком своим все распознал *.
Рыжий *мангадхай*
Набросил потник
На высокого пегого жеребца,
От пегой кобылицы родившегося,
Оседлал его деревянным седлом
И поскакал северным склоном
Шаргалтайн Шара Замби:
Навстречу Аламжи Мэргэну
Он выехал.
Он встретился
С Аламжи Мэргэном молодым
На бескрайней широкой равнине
У одинокого степного дерева.
Рыжий *мангадхай* [закричал]:
«Чей это сын
Явился топтать землю,
Которую топтать нельзя!»
Стал он браниться.
От крика-рева его
Могучая вековая тайга
Вся содрогалась.
«Чей ты сын,
Топтать посмевший
Священную светлую землю мою,
Которую топтать нельзя?!» —
Так, крича, спрашивал он.
Вслед за тем:
Рыжий *мангадхай*,
У которого шестьсот голов,
Шестьдесят, словно жерди, рогов,
Крепко ударил
Правой могучей рукой
По левой румяной щеке
Аламжи Мэргэна молодого:
Аламжи Мэргэн
Стоял на месте, как вкопанный,
На обеих своих ногах,
Не моргнув даже

Забилааүгэй байбал-даа!
Аламжи Мэргэн хүбүүн гээши-лэ:
«Шинии ээжээн гарабал-даа,
Минии оошир оробол-даа!
Эрэйн хүбүүн ээжээтэй,
Эреэн могой хоротой», — гэжи-лэ,
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Зүүнхэн ехэ гараараа
Зүүнхэн ехэ тайгаяа
Дэлим гэжи далайжи
Баруун ехэ хасарын
Мангад Шара Гахаяа
Ташилдажи байлгалай.
Мангад Шара Гахай-ла
Ёргоон зуунхан толгоёо
Дороо даран унабал,
Ёро һургааг эбэрээ
Газарта багса шаажи-ла
Мориноо буруу тээгүүрин
Хүмүрүжи унабал. . .
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Атхарһаниишини
Анярттай юумэл! — гэжи,
Ширгэһэниишинилдээ
Шинээтэй юумэ!» — гэжи-лэ,
Ёро һургааг эбэрээ
Долоон замби дайдаһаан
Багса ходо татажи
Гаралдажи байбал-даа.
Мангад Шара Гахай гээшин:
«Хүбүүн, хүбүүн!
Худа гээши байнальши!
Мүнөө орой болоол-даа,
Боро хоног болобо,
Шара наран болобо.
Малагаар шанай байнал-даа,
Мандагар шара нарани
Мандан хөөрэн гархада
Үндүр уулайн оройдо
Мандажи шаражи гархада
Гараа шинээ гаргалдахабди,
Ганзагайн атаряа таталдахабди!» — гэжи-лэ,
Болзор хэлэн байба-ла.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Баруун уулайнш толоrойдо

Глазами своими!
Аламжи Мэргэн молодой:
«Твой черед миновал,
Теперь моя очередь!
У пестрой змеи есть свой яд,
У мужа тоже есть свой черед» —
Так говорил-сказывал он.
И левой могучей рукой
Аламжи Мэргэн молодой,
Размахнувшись во всю ширь
Бескрайней восточной тайги,
Ударил наотмашь
По правой широкой щеке
Рыжего *мангадхая.*
Тот *мангадхай* могучий
Слетел с коня, покатился
На правую сторону,
На землю грохнулся,
Подвернув шестьсот голов,
Вонзив глубоко в землю
Шестьдесят, словно жерди, рогов.
Вслед за тем:
«Даже пролившееся
Голос имеет, оказывается!
Даже засохшее
Силу имеет, оказывается!» * — сказал он
И начал вытаскивать,
Дергая изо всех сил,
Шестьдесят, словно жерди, рогов
Из-под семи слоев земли.
Рыжий *мангадхай* [сказал]:
«Приятель, приятель!
Ты ведь мой сват!
Время уже позднее:
Солнце закатывается,
Сумерки наступают.
Завтра утром,
Как только начнет всходить
Круглое красное солнце,
Как только оно поднимется
Над грядою высоких гор,
Силу рук своих испытаем,
Поднимем на спор *тороки*» —
Такой он назначил срок.
Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн молодой
Решил взобраться на вершину западной горы

Гарха хонохом гээши-лэ,
Унтараха үгэй-лэ
Уляаһан дулаан түлеэе *
Гультхаахам гэжи хэлэбэл-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Баруун уулайн толгойдо
Гаралдажи хүрүбэ.
Унтараха үгэй-даа
Уляаһан түлеэ түлебэ,
Залираха үгэй-даа
Залин түлеэ түлебэ.
Үгүлөөшини нарани
Үндүйхөжи гархадан
Үндүр уулайн толгойдо
Мандан хөөрэн гархада
Ёргоон зуугаад толгойтой
Ёро һургааг эбэртэй
Мангад Шара Гахай гээши-лэ
Алаг ехэ азаргаяа
Таар тохомоо тохобо,
Талхи эмээлээ эмээллэжи байбал-даа.
Дүшин бүүдээр хэмнэжи хүүлэһэн байбал-даа,
Түмүр хара мугуйяа
Ганзагалжи байбуубэй;
Хада уулаар хэмнэжи эсхэжи хүүлэһэн
Мангад сагаан тарбагай һухээз
Ара бэедээ ахабал-даа;
Арбан гурбан арашим
Булад сагаан ядаяа
Эбэр бэедээ ахабал.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Баруун сахир хадаяа
Махуулажи талииба
Мангад ехэ Гахай-ла.
Баруун уулайн тологойдо
Гаралдажи ерхэдэн
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Унталдажи хэбтэнэл.
Харан гэхэдээ-лэ. . .
Мангад Шара Гахай-ла
Бүдүүн гэхү үбүһэйе
Бүхүйлгөөүгэй маряабал,
Нарин гэхү үбүһэйе
Нахиилгааүгэй марайжи
Ошолдожи талиибал.
Дээдэ бэедэн хүрүбэл-даа,
Хүрүлдүһэн бэеэрээ

И там заночевать.
Он задумал собрать
Сухих осиновых дров,
Которые, не затухая, горят.
Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн молодой
Поднялся на вершину
Западной горы.
Зажег он осиновые дрова,
Которые, не затухая, горят.
Он разжег [костер]
Из смолистых дров.
Когда поднялось
Утреннее солнце,
Когда выкатилось оно
Из-за гребней высоких гор,
Рыжий *мангадхай*,
У которого шестьсот голов,
Шестьдесят, словно жерди, рогов,
Накинув потник
На громадного пегого жеребца,
Оседлал его высоким седлом.
Он приторочил [к седлу]
Тяжелую железную палицу
Весом в сорок пудов,
С горную скалу величиной выкованный
Широкий свой *мангадхаев* топор
На спину себе взвалил.
Сбоку приладил
Острое булатное копье
Тринадцатиаршинное.
Вслед за тем:
Могучий *мангадхай*
Начал взбираться
На западную белесую гору.
Он поднялся
На вершину западной горы
И увидел спящего
Аламжи Мэргэна молодого.
Узнав его,
Рыжий *мангадхай*
Стал подкрадываться,
Не пригибая совсем
Толстых стеблей,
Не приминая даже
Тонких стеблей.
Стал приближаться к его изголовью.
Как только приблизился,

Дүшин бүүдээр хэмнэжи хүүлэһэн
Түмүр хара мугуйяа
Тайлалдажи абалай.
Доро хадаа гэжи-лэ,
Доро холо байна-даа —
Үлгүн сагаан дайдаяа
Ужим гэжи хуруйлба;
Дээрэ хадаа бүтүбэ —
Үндүр саган тэнгэрьеэ
Үргүн гэжи хуруйлжи,
Түмүр хара мугуйяа
Сагаан-хани манъялай
Наншилдажи буулгалай. . .
Дүшин бүүдээр хэмнэһэн
Түмүр хара мугуй-ла
Дүрбэн тээшээ
Зада дэлбэ һүрүжи,
Бутаражи унаба!
  Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Хайран мугуймни
Харажи бутаражи ошобо-ло.
Хахараһан толгойн бүхүнбэ!» — гэжи-лэ,
Гайхан тагнан байба-ла.
Үтэр түргэн байна-ла,
Хадайн шинээн мангад
Сагаан тарбагай һүхээ
Абалсаһан бэеэрээ
Үндүр сагаан тэнгэри
Холо гэжи хуруйлба,
Үлгүн сагаан дайда
Ужим гэжи далайжи
Нарин сагаан хүзүүеын
Сабшилдажи байлгаба:
Хадайн шинээн мангадай
Сарбагай сагаан һүхэн-лэ
Хатуу газараар хамхаражи ошобо,
Хада уула бүри ханхинажи хиидэжи,
Бутаражи арилба;
Зөөлүн газараар
Нугуражи шамаражи ошобо-ло.
  Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Хайран һүхэм хамхарбал!
Хахарһан бүхү хүзүүмбэ!» — гэжи-лэ,
Гайхан тагнан байбал-даа.
Үтэр түргэн шангалжи
Арбан гурбан аршим
Булад сагаан ядаяа
Гарагажи ерээд-лэ

Снял с коня
Тяжелую железную палицу
Весом в сорок пудов.
Думая, что Аламжи
Лежит далеко внизу,
Он размахнулся палицей
Во всю ширь просторной светлой земли,
Взметнул ее
На всю высоту
Высокого светлого неба,
И обрушил он
Тяжелую железную палицу
На его белый лоб. . .
Тяжелая железная палица
Весом в сорок пудов
Раскололась на части,
И куски ее разлетелись
На все четыре стороны.
Вслед за тем:
«Жаль палицу —
Раскололась-разбилась она,
Ну и твердая голова!» —
Так удивлялся он, сокрушался.
Тот *мангадхай*, горе подобный,
Тут же быстро схватил
Широкий плотничий свой топор.
Схватил его,
Размахнулся на всю высоту
Высокого светлого неба,
Во всю ширь
Просторной светлой земли
И рубанул им
По белой гибкой шее Мэргэна.
Широкий плотничий топор
Мангадхая, горе подобного,
[Отскочив], упал на твердую землю,
Ударился о скалу, звеня, полетел,
Раскалываясь на части,
И, сплющившись, искорежившись,
Ушел глубоко в мягкую землю.
Вслед за тем:
«Жаль разбитого топора!
Ну и крепкая шея!» —
Так удивлялся он, сокрушался.
Быстро, не мешкая,
Выхватил он
Острое булатное копье
Тринадцатиаршинное

Хүйһүн уруун абаши,
Ёборожи байба-ла:
Арбан гурбан аршим
Булад сагаан ядан-ла
Арбан гурбан газар
Тэхэрижи нугаржи
Ошоһониин тэрэл-даа!
Тииһэн яаһан хойно-ло
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Унтаһанаа һэрижи,
Иишээ тиишээ хараашилжи һуунал-даа.
Хараашилжи һуухадан
Түмүр хара мугүй
Дэлбэрэжи хэбтэнэ,
Хадайн шинээн мангаши
Сарбагай сагаан һүхэн-лэ
Хамхаражи хэбтэнэл;
Арбан гурбан аршим
Булад сагаан ядан-ла
Арбан гурбан газар-ла
Булгаражи хэбтэнэл.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин:
«Хүбүүн, хүбүүн!
Танил худа байналши!
Урданай танил худа хадаа
Унтажи байһан хүүе-лэ
Бодо гэжи
Һэрюулдэг зантай бэлэй-лэ,
Мүнөөнэй танай
Танил худа гээши-лэ
Мугүй юугээр сохёжи,
Һүхэ юугээр сабшижи,
Яда юугээр хатхажи
Һэрюулхэ зантай болбау?» — гэжи-лэ,
Һуралсажи һууна-ла.
Ёргоон зуунхан толгойтой
Ёро һургааг эбэртэй
Мангад Шара Гахайн-ла:
«Гари шинээ гаргалдае,
Ганзагуйн атаряа таталдае!» — гэжи,
Хүнхинэжи байба-ла.
Хүгшин байһан дайдан-ла
Хүдүлэжи байбал-даа!
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Хоёр-ханай хансуйяа
Тохоногтоо хүрсүр шамабал-даа *,
Хоёр-ханай хормойёо

И нацелил его
Прямо в пупок [Аламжи] —
Острое булатное копье
Тринадцатиаршинное
Согнулось, расплющилось
И отлетело назад
За тринадцать земель — так это было!
После всего этого
Аламжи Мэргэн молодой
Проснулся и сел,
Озираясь вокруг.
Он огляделся:
Валяется рядом разбитая
Тяжелая железная палица,
Широкий плотничий топор
Мангадхая, горе подобного,
Лежит, на куски разломанный,
Острое булатное копье
Тринадцатиаршинное
За тринадцать земель
Лежит отброшенное.
Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн [сказал]:
«Приятель! Приятель!
Мы ведь знакомы, сват!
В старину, бывало,
Знакомый сват имел обычай
Будить спящего
Словами „Вставай!"
А ныне сваты, видать,
Завели обычай
Будить спящего,
Колотя его палицей,
Рубя его топором,
Коля его копьем?» —
Так он спрашивал.
Тогда закричал
Рыжий *мангадхай*,
У которого шестьсот голов,
Шестьдесят, словно жерди, рогов:
«Силу наших рук испытаем,
Поднимем на спор *тороки*!»
Содрогнулась [от грозных слов]
Древняя земля.
Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн молодой
Закатал до локтей
Оба свои рукава,
Подоткнул за пояс

9 Заказ № 222

Ташаадаа хүрсүр шуубал-даа.
Тариддажи уналайл. . .
Барилдаһан газарһаан
Баримаар миха абаши
Хаялсажи байбал-даа!
Атхалдажи уналай,
Атхалдаһан газарһаан
Атхар миха абаши
Хаялдажи байбал-даа!
Михан добуу добуулба,
Шуһан горьхо горьхолбо!
Урайһаа ерэһэн хирээ-лэ
Унталгайн михай абаадбал,
Хойноһоо ерэһэн хирээ-лэ
Хонолгойн миха абааднал.
«Энэ хоёр хадаа-ла
Энэ дайдуйн эндэрсэ,
Тэрэ дайдуйн тэхэрьсэ
Иижэ байгтуй!» — гэжи-лэ,
Үрёөр табин ошонол.
    Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Алалдажи байбал-даа,
Алалдаһан газартан
Адууни хүреэ боложи
Байгаа гэхэл юумэл-даа.
Үхүлдэжи байбал-даа,
Үхүлдэһэн газартан
Үхэрэй шибээ болобо.
    Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүн-лэ
Мангад Ехэ Гахаяа
Дайлаха, дараха багтай
Болодожи байнал-даа.
Мангад Ехэ Гахай гээшин-лэ:
«Хүбүүн, хүбүүн гээши-лэ
Танил худа байнальди,
Гаришье шинээгээр
Илалтхаяа болёбольди. . .
Һомоной хурдаар,
Эрхэйн мэргээр
Үзэлсэе!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин:
«Биихэн хадаа
Гэртэһээн зорижи
Урдахан ерэһэн байнальби:
Намай урда харбэйшэ!
Хойто уулайн толгойдо

Обе полы.
Сцепились они:
С места их битвы
Вырванное [из тел их] мясо
Кусками прочь отлетает.
Схватились они:
С места их схватки
Вырванное [из тел их] мясо
Кусками прочь отлетает.
Мясные холмы там выросли,
Кровавые реки там потекли.
Ворон, летящий с юга,
Уносил мясо на ночь,
Ворон, летящий с севера,
Уносил мясо к ночлегу.
Вороны, улетая, *юрол* говорили:
«Пусть эти двое
Так вот и бьются —
До разрушения земли нынешней,
До сотворения новой земли!»
Вслед за тем:
Бьются они смертным боем —
Место боя стало похожим
На загон для табуна —
Так, говорят, это было.
Они сражаются —
Место сражения стало похожим
На скотный двор истоптанный.
Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн молодой
Мало-помалу
Стал одолевать
Могучего *мангадхая.*
Мангадхай [сказал]:
«Приятель! Приятель!
Ведь мы же давние сваты,
Нам друг друга не одолеть
Силою наших рук. . .
Давай теперь испробуем
Быстроту наших стрел,
Меткость больших пальцев!» * —
Так говорил-сказывал он.
Аламжи Мэргэн молодой [отвечал]:
«Дом оставив,
Я в путь пустился
И прибыл сюда раньше:
Мне первому испытать судьбу!
Я поднимусь на вершину

Гаражи-ла ошхом-ло,
Уяатай-ла мориндол
Бэгэйхэжи байхальби,
Унтаһан-ла туулайдал
Бумбүйхэжи хэбтхэльби!»
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Мангад Шара Гахай гээшин байна-ла
Аньяр шара үүдхээ
Оноо дээрэн уншижи,
Хэсэ дээрэн хэлэжи,
Татажи-ла байнал-даа:
«Үхүхү заятай хадамни
Үйхүн түмү гарьярай,
Акха заятай хадамни
Амин һүлдэ хоёрын
Таһа харбан унагаагэйш,
Амаргалиин хаха харбан унагаагэйш *
Аламжи Мэргэн хүбүүе!» —
Гэжи хэлээд-лэ,
Харабажи орхёлойл:
Аламжи Мэргэн хүбүүеэ
Үйхөн таһа харбажи
Унагаажи орхёлойл!..
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Ухаан дундаа ойлгожи,
Мэдээн дундаа мэдэжи
Үбүһэнэй үзүүрээр
Үлүхөжи бодолой,
Хулаһанаан үзүүрээр
Холобожи бодожи
Мүнхүн түлдөө оробол,
Мүнхэн бэеэ бэелбэл.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Наян алда бэетэй
Найман дэлим шихэтэй
Нарин шарга мориниин
Дүрбэн хара туруутая
Тулан байжи шагналайл,
Дүгүнөгөр толгоёо
Дүмүн байжи шагнабал.
Нэгэ хатхуур шихээрээ
Үлгүн сагаан дайдаяа
Узуур хатхан шагналайл,
Нэгэ хатхуур шихээрээ
Үндүр сагаан тэнгэрьеэ
Үүлэйн хатхан шагналай.

Северной горы,
Буду сгорбленным,
Словно привязанный конь,
Буду казаться клубком,
Словно уснувший заяц».
Вслед за тем:
Рыжий *мангадхай*
Стал заклинать ярко-желтую стрелу,
Шептать над ее зарубкой,
Бормотать над ее опереньем,
Стрелу натягивая:
«Если мне суждено умереть,
Улети, [стрела], в безвестную тьму,
Если мне суждено жить,
Прострели насквозь
Душу, [лиши] жизненной силы,
Рассеки шею
Аламжи Мэргэна молодого!» —
Так сказав,
Он пустил [стрелу].
Стрела пробила насквозь
Аламжи Мэргэна молодого,
Свалила его наземь. . .
Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн молодой
Умом своим все понял,
Рассудком своим все распознал.
Пользуясь силой [целебных] трав,
[Чудом] он встал *,
Пользуясь силой [целебного] камыша,
[Чудом] он поднялся!
Истинное обличье себе вернул,
Прежний свой вид обрел.
Вслед за тем:
Стройный соловый конь,
Восьмидесятисаженный,
С ушами восьмисаженными,
Прислушивался, упершись
Четырьмя крепкими своими копытами,
Прислушивался, приподняв
Круглую свою голову.
Одно остроконечное ухо
В широкую чистую землю вонзив,
Он прислушивался,
Другое остроконечное ухо вонзив в облака
Высокого светлого неба,
Он прислушивался.

Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Эжин хүйхүр байнальши
Энээнтэйгээр дайлалсжи
Гаришье шинээгээр
Иладхаяа болёбольди.
«Эгээ энэ Мангад Шара Гахайн-ла
Һүнэһэн һүлдэ хоёрын
Газаада далайн гаримда,
Газар дайдуйн гүримдү
Ехэ шара нуурта
Тэндэ байнал гэнэ-лэ,
Ёргоон хулан галуун боложи
Ехэ шара нуурта
Тамаражи байнал-даа», — гэжи,
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Хойто бэдээ ахаһан
Хангай хара үүтхэеэ
Гарагажи байнал-даа.
Бугайн зэнэй-дэли
Бухюудан хүрүсү татабал,
Хандагайн зэнэй-дэли
Хасартан хүрүсү татабал,
Оно дээрэн уншажи,
Хэсэ дээрэн хэлэжи:
«Үхүхү заяатай хадамни
Үйхэн түму гаръярай,
Ажи ябаха хадамни
Ёргоон хулан галуунай
Тологойеын таһар харбаад-ла
Онобшидоо углажи,
Хабхагшадаа хабхалжи
Асараха!» — гэжи-лэ,
Харабажи орхёлой.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Хангай хара үүдхэн-лэ
Ханъянаһаар талииба
Ёргоон хулан галуунда,
Ехэ шара нуурта.
Ёргоон хулан галууеын нэгэдхэжи
Нэгэ дүнгээр тологойшиин
Онобшидоо угалбал,
Шигэшигтээ шимхэбэл;
Хорёондоо-ло хонхёнбо,
Араандаа-ла аръяжи оробол;
Ёргоон хулан галуунай
Тологойеын асарбал.

Вслед за тем:
«Хозяин мой удалой
В битве с врагом
Не сможет его одолеть
Силой своих рук.
Душа этого рыжего *мангадхая*,
Жизненная его сила
На берегу внешнего моря,
На краю поднебесной земли
В большом желтом озере
Находится, говорят.
Они плавают там,
В большом желтом озере,
Обернувшись шестью дикими гусями» —
Так говорил-сказывал [конь].
Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн молодой
Вынимает [из колчана],
Который к спине был приторочен,
Крепкую хангайскую стрелу.
Будто стрелу на изюбра,
Оттягивает ее до наконечника,
Будто стрелу на сохатого,
Оттягивает ее до щеки своей.
Зарубку [стрелы] он заклинал,
Над опереньем он говорил:
«Если мне суждено умереть,
Улети, [стрела], в безвестную тьму,
Если мне суждено жить,
Снеси головы
Шести диким гусям.
Насадив на зарубки свои,
Проткнув своим наконечником,
[Всех их] доставь!» — так сказав,
Он пустил стрелу.
Вслед за тем:
Полетела со свистом
Крепкая хангайская стрела
К большому желтому озеру
С шестью дикими гусями.
Снеся головы
Тех диких гусей,
Стрела на зарубки их насадила,
Защемила их [наконечником],
В колчан со звоном влетела,
В чехол со свистом вошла —
Так стрела доставила
Головы шести диких гусей.

Нарин Шарга мориниин
Хэлэн хүүнэн байбал-даа:
«Эжэн хүбүүн гээшим-даа,
Эсэгэ Малаан баабайһаан
Хоёр нохойн гүлүгү
Наранай дүлөөр хуруйлжи
Асарэйши!» — гэбэл-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Наранай дүлү барижи
Эсэгэ Малаан баабайһаа
Хуруйлдажи байба-ла
Аламжи Мэргэн хүбүүниин,
Хоёр нохойн гүлүгүши
Эрилдэжи байба-ла:
«Эсэгэ Малаан баабай гээшилши!
Үлгүндэ хүбүүе заяаһан бурхан байналши!
Үргүлдэйш, харэйш!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Эсэгэ Малаан баабайн-ла
Хоёр нохойн гүлүгүйе
Буулагажи үгүлэйл.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Хойто бэедээ ахаһан
Хангай хара һомоёо
Хоёр-ханай шигшигтэн
Хоёр нохойн гүлүгүёө
Хабхалажи хадагалбал.
Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
Ара гэрээн урайгши
Хангай хара һомоёо
Харабажи байба-ла:
«Хоёр нохойн гүлүгүн
Мангад Шара Гахайн
Ара бэеһээн орожи
Үбэр * бэеһээн гараарайш!
Хоёр нохойн гүлүгүн
Осоо бэедэн —
Ушха улаан хүлхэдээ *
Таһаражи химэлээрэйш!» — гэжи,
Харабажи орхёбол.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Морёо юүгээ унажи,
Модоо юүгээ тохожи,
Үбэри* сагаан тараагтаар
Уруудажи талиибал.
Мангад Шара Гахайн
Хажууда-ла ошобо.

Стройный соловый конь
Так говорил-сказывал:
«Хозяин мой удалой,
Ты приведи,
Освещая лучами солнца,
Двух собачьих щенков
От Эсэгэ Малан-бабая».
Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн молодой,
Поймав солнечные лучи,
Призывал-молил
Эсэгэ Малан-бабая,
Просил у него
Двух собачьих щенков.
Аламжи говорил-сказывал:
«О, Эсэгэ Малан-бабай!
Я сотворен на земле тобой,
Благослови меня и помоги мне!»
Эсэгэ Малан-бабай
Спустив [с небес], отдал ему
Двух собачьих щенков.
Вслед за тем:
Тех двух щенков
Он спрятал
В двух отверстиях
Крепкой хангайской стрелы,
К спине приторoченной.
Вслед за тем:
Он пустил
Ту хангайскую стрелу
На юг от родного дома.
«Собачьи щенки,
Войдите в спину
И выйдите через грудь
Рыжего *мангадхая*!
Вы, собачьи щенки,
Войдя в *мангадхаево* чрево,
Изгрызите легкие,
Изжуйте все в его чреве!» — так сказав,
Он пустил стрелу.
Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн молодой
Оседлал коня,
Сев на него,
Отправился южным трактом
И исчез из виду.
Он подъехал
К рыжему *мангадхаю*.

Ара бэйеэ суурхаяа
Араяа уулэй абаши,
Бүгүлэжи һуубал-даа,
Үбэр * бэйеэ суурхаяа
Үбэрэй * уулэй абаши,
Бүгүлэжи һуубал-даа.
Ёргоон хулан галууеын
Гарагажи тологойшиин абалай.
Мангад Шара Гахай-ла:
« Хүбүүн, хүбүүн!
Нүхүр худа!
Эсэгэймнай атаан байлай уу?
Эхэймнай мүтөөн байлай уу?»
Мангад Шара Гахай гээшин хэлэбэл-даа:
« Бэедэмини
Муухан хэжи байналши,
Адалдамини,
Алгадамини
Муухан бүүхэн хээрэйл-даа!» —
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
  Мэтэр гэһэн бэеэрээ:
Голто хара тологойеын
Таһа харбан унагаалайл,
Мангад Ехэ Гахай-ла
Амаражи ошоһониин тэрэ гэлэй!..
Ара байһан суурхаярин
Адаһа малхан гаралайл,
Үбэр бэеын суурхаяар
Түлеэндээ ошоһон мангашиин *
Түлеэтэеэ гарабал,
Тээрмэдээ ошоһон буряашиин
Талхатаяа гарабал.
Хүбүүтэйнэд эзынэр
Хүбүүдээ-лэ хүтүүлүһээр гарабал.
Нэгэ байһан голоороо дүүрэсэ-лэ
Адаһан гээшин гараба,
Амитан гээшин гарабал,
Аламжи Мэргэн хүбүүе
«Һай хэһэн хүбүүн, мэндэ!» —
Гэжи мэндэшилжи байбал-даа.
«Али далайн хаяада
Гараһан хүбүүн бэлэйши?
Али дайдуйн хормойдо
Түрүһэн хүбүүн бэлэйши?» —
Һуралдажи байбал-даа.
«Хаанхан хүбүүн гээши байбууши?
Харсахан хүүнэй үри гээши байбууши?»

Рану свою на спине
Тот пытался закрыть
Задней горой,
Рану свою на груди
Пробовал он закрыть
Передней горой.
Вытащил [Аламжи] головы
Шести диких гусей.
Рыжий *мангадхай* [говорит]:
«Приятель! Приятель!
Мой дорогой сват!
Не от вражды ли наших отцов,
Не от злобы ли матерей, —
Рыжий *мангадхай* [говорит], —
Мне одному
Столько зла ты причиняешь?
Не разоряй же
Мой дом,
Добро-хозяйство мое!» —
Так говорил-сказывал он.
Вслед за тем:
Снес стрелой [Аламжи Мэргэн]
Крепкую среднюю голову [*мангадхая*] —
Так ушел на покой, говорят,
Могучий тот *мангадхай!*
Из раны в спине его
Выходили стада-табуны,
Из раны в груди его разный люд выбирался:
Те, что в лес за дровами ездили,
Вылезали вместе с дровами,
Те, что на мельницу ездили,
Выбирались вместе с [мешками],
Матери с детьми,
Держа их за руки, выходили.
Люд-народ выбирался,
Стада выходили,
Всю долину заполнив.
«Здравствуй, сынок, сотворивший добро!» —
Так приветствовали они
Молодого Аламжи Мэргэна.
«На берегу какого моря
Ты родился, сынок?
У подножий каких гор
Ты родился, сынок?
Кто ты — ханский наследник
Или простых родителей сын?» —
Так они спрашивали.

Аламжи Мэргэн хүбүүниин:
«Ара бэедэ гараальби
Наян найман нахилдаа,
Найман дүрөө дайдадаа *,
Түрүһэн хүниин бэлэйльби,
Нэлдэрэмэ нэрэмни,
Солдоромо суламни
Аламжи Мэргэн гээши-лэ!»
«Гараһан газартаа
Газар мэндээр тэхэрыш!
Ууһан ехэ уһандаа
Унаһан ехэ дайдадаа
Урамтайгаар, золтойгоор хариишэ!
Эрэ ехэ хүүндэ-лэ
Дарагдааүгэй ябаарайш!
Эрхэйтэ бүхэ хүбүүндэ
Булигдааүгэй ябаарайш!
Үхэри шинээн шулууни
Үйрэжи дууһасан
Үхэл бүүхэн үзээрэйл,
Үдэжи яргажи ябаарайши!
Хадайн хара шулууни
Хамхаражи дууһасан
Хараар бүүхэн дуулаарайш!» —
Үрёөр хэлэн байбал-даа
Энэ олон амитан.
Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
Мангад Шара Гахаяа
Ойдон байһан модуйе
Обооложи асарбал,
Хаддан байһан модуйе
Хуруйлажи асарбал.
Мангад Шара Гахаяа
Галдалдажи байбал-даа;
Гурбан сагаан сүүдхэдэ
Ядан гэжи дууһабал.
Һалхин тээрмэ барижи
Байгаа гэхэн юүмэл даа.
Хойто байһан тэнгэрые
Хүриһүйеын хүндүбэл,
Хара һалхи буулгабал,
Шара забха унагаабал.
Яһан уһан хоёрын
Һалхин тээрмээр татабал:
Газаада ехэ далайда
Тортог болон урдабал,
Газар ехэ дайдада
Шорой болжи хиидэбэл!

Аламжи Мэргэн молодой [отвечал]:
«Я родился в северной стороне,
Там, где восемьдесят восемь седловин,
На земле восьми стремян *.
Сыном этой земли я родился.
Имя мое известное,
Слава моя громкая,
Я — Аламжи Мэргэн!»
Все те, [кого он спас],
Такой *юрол* ему говорили:
«Счастливо тебе вернуться
На родимую землю!
С удачей тебе вернуться
К родимым твоим водам,
К родимой твоей земле!
Пусть самый могучий из силачей
Не осилит тебя,
Пусть самый меткий стрелок
Победить не сможет тебя!
Пока не рассыплется в прах
Камень, быку подобный,
Пусть смерть не найдет тебя!
Будь счастлив, богат детьми!
Пока не искрошится весь
Горный черный камень,
Пусть проклятие не коснется тебя!»
Вслед за тем:
К рыжему *мангадхаю*
Подвозили кучами
Деревья лесные,
Освящая в пути,
Привозили деревья с гор.
Рыжего *мангадхая*
Принялись сжигать [на костре] —
Целых трое суток [жгли],
Еле-еле с ним покончили.
Построили там
Ветряную мельницу.
Вскрыв облачный слой
Неба северной стороны,
[Аламжи] напустил сильный ветер,
Вызвав ненастье.
Останки того [*мангадхая*]
На мельнице размолол:
Копотью-гарью они понеслись
К внешнему морю,
Пылью развеялись
По бескрайней земле!

Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Садхан ёнхор дааһандаа
Сармай улаан тамхяа
Утхалдажи байбал-даа.
Сагаа мүнгүн хэтээрээ
Саралзаса сахижи
Дээши доошин барижи
Таталдажи байбал-даа:
«Захайн ехэ дайяа-ла
Дараха бартай болоольби,
Загал ехэ бугаяа
Дуулаха бартай болобольби!..»
Мангад Ехэ Гахаяа
Модон хара байсандан
Ерэлдэжи байбал-даа.
Гэртээ орооүгэйеэр
Гурбан шиие хүбүүни,
Толгой дээрэн байна-ла.
Баруун ехэ гараа-ла
Шигэшыеын хахалжи
Мүнхүйн уһа гаргалай,
Гурбан байһан хүбүүнэй
Тологой дээрэн атхаба:
Гурбан байһан хүбүүниин
Мүнхүн түрүлдөө орожи
Эдэгэжи ошобол-даа!
Гурбан шиие хүбүүшиин
Модон хара ёолобһоон
Бэе бэедээ саажиши
Тайлалдажи буубал-даа.
«Һай хэһэн нүхүр,
Мэндэ байна», — гэжи,
Гурбуулаараа ерэжи,
Мэндэшилжи байбал-даа.
«Хатахадаа...
Хаанхан хүүни үри гээши-уут?
Харсахан хүүни үри гээши-уут?» — гэжи,
Һуралсажи байна-ла.
«Нэгэ хүбүүн манай-ла
Абарга Бүхү хүбүүн гээши-лэ!» —
Хэлэн хүүнэн байна-ла:
«Нэгэ хүбүүн гээши-лэ
Алтан Сэгсэй хүбүүльби!» —
Хэлэн хүүнэн байна-ла.
Гурабатха хүбүүниин:
«Зүүнэй дайдада гараһан
Шонхоодой Мэргэн хүбүүльби! —
Хэлэн хүүнэн байба-ла.

Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн молодой
Вынул трубку с узором,
Наполнил-набил ее
Самым крепким своим табаком.
Он высек огонь
Белосеребряным огнивом,
Он раскуривал трубку,
То поднимая, то опуская ее.
«Оказывается, я сумел победить
Первого врага своего могучего *.
Оказывается, я услышать смогу
[Рев] великого изюбра пятнистого».
Он подъехал
К черному деревянному дворцу
Могучего *мангадхая*.
Не успев войти,
[Видит]: висят во дворе наверху
Три человеческих головы.
Он разрезал мизинец
Правой своей руки —
Живую воду выпустил *,
Ею обрызгав
Головы трех парней.
Трое парней
Сразу ожили,
Прежний свой вид обрели.
Эти трое парней,
Помогая друг другу,
От деревянного желоба отцепились
И на землю сошли.
Втроем подошли к [Аламжи Мэргэну],
С ним поздоровались:
«Здравствуй, друг,
Ты из беды нас выручил!
Не разберем,
Кто ты — ханский наследник
Или простых родителей сын?» —
Так они спрашивали.
«Меня зовут
Абарга Буху молодой!» —
Говорил-сказывал первый.
«Меня зовут
Алтан Сэгсэй удалой!» —
Второй говорил-сказывал.
Третий сказал:
«Я зовусь Шонходой Мэргэн,
В восточном краю родившийся!» —
Так он говорил-сказывал.

Бэрхэбиди гэжил-даа
Бэрхэдэжи ябаһаар
Модон турайн ёлбогто
Үдэршье гарбабди?
Һунишье үлгүүлбэ?
Мэдээ үгэй байнамди!..» —
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
«Шиихэн хадаа байналши
Һайхан хадаа нүхүр гэжи *
Хаанхан хүүнэй үри байнуущ?
Харсахан хүүнэй үри гээши байнагүүш?» —
Һуралдажи байнал-даа.
«Ара гэрээн хойно-ло
Гараа түрөө байнальби:
Наян найман нахисто,
Найман гүрүм дайдада
Түрөө гараа байнальби,
Аламжи Мэргэн хүбүүн гэжи
Нэрэ солом байнал-даа,
Нэлдэрэмэ нэрэмни,
Солдоромо соломни!» —
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
«Эрхытэй байһан хүүндэ-лэ
Бүүхэншье мангуулэйш!
Ээмтэ бүхү хүүндэ лэ
Бүүхэншье дарагдэйш!
Дарагдаа үгэй ябэйши!» —
Үрёөр ехэй хэлэбэл-даа...
   Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
Гурбууландаа байжи-ла
Мангад Ехэ Гахаяа
Гэрхэн дундан орожи
Үзэе, харае гэжи-лэ,
Хэлсэлдэжи байнал-даа.
Гурбууландаа гэрхэн дундан оролойл.
Хара модон байсанеын
Хатаал хара хатаниин
Баруу нюдөөр уйлажи
Байгал болгон байба-ла.
Зүүнхэн нюдөөр уйлажи
Зүлхэ далай болгожи
Һуугаа гэхэн тэрэл-даа.
Самсагаахан үргүтэй
Сабилахан оошитай...
«Эсэгэ баабайн танай-ла
Атаа мүхөөн байбуудаа?
Энэ түрүһүн бэеынтнай

«Мы разъезжали повсюду,
Тешась силой и смелостью,
Светлым днем угодили
В желоб деревянного дома,
Ночью на нем повисли!
В толк не возьмем, как это случилось!.. —
Так они говорили-сказывали. —
А ты, вот, к примеру, [скажи],
Если так хорош и другом нам стал,
Кто ты — ханский наследник
Или простых родителей сын?» —
Так они расспрашивали.
«На севере я
Появился-родился,
Где восемьдесят восемь седловин,
На земле восьми стремян
Я появился-родился,
Меня зовут
Аламжи Мэргэн молодой.
Имя мое известное,
Слава моя громкая!» —
Так говорил-сказывал он.
«Пусть не одолеет тебя
Самый меткий стрелок,
Пусть не осилит тебя
Самый могучий из силачей!
Будь же непобедимым всегда!» —
Сказали заветный *юрол*.
Вслед за тем:
Поговорив между собой,
Они собрались втроем
Внутрь войти
И осмотреть
Дом могучего *мангадхая*.
Втроем они входят в дом.
В большом деревянном дворце
Худая страшная ханша
Слезами из правого глаза
Байкал-море наплакала,
Слезами из левого глаза
Лену-реку наплакала.
Такая сидела она, говорят:
С высунутым языком,
С отвисшим подбородком.
«Месть ли это
За ваших отцов и дедов?
Или злоба и ненависть

10 Заказ № 222

Хорон зүүрэн байбуудаа?
Алабашье дуранай
Байгаа гээши байнальби,
Абаадабалшье
Танай дуранай болобольби!» —
Хэлэн хүүнэн һуунал-даа.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Хэлэн хүүнэн байбуубай,
Алта мүнгүн хайшииеын
Эрилдэжи абалай.
Яһан толгойн яараса,
Үһэн толгойн үмхирсү
Үрилэхү үгэйеэр
Абалажи орхёбо.
Баруун ехэ ханадан
Баабайн танай
Зүүһэн юүһэн хоёрын
Иимэ юумэл гэжи,
Ёргоон зуунхан толгойеын
Ярайсаран зураба,
Ёрон һургааг эбэрын
Ёройсорин зуралай.
Газаа бэедэн гараши
Модон хара байсандан
Шулуун сагаан хэниигэ
Зуралдажи байлгалай:
«Эндэ хадаа байнал-даа,
Эрэ үгэй эзы гэжи.
Энээни зөөри зүрхэн хоёртон
Ерэһэн абаһан хүүнэй-лэ
Толгойн хадаа — газарай! — гэжи,
Тохоногойн хадаа — минаагай!» — гэжи,
Зуралдажи орхёбо.
«Гурбууландаа байжи-ла,
Таанар хадаа бусэйтэ,
Голхон голдоо хариита,
Гоород бэреэ ошиита!» — гэжи-лэ,
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Хэлэн хүүнэн байба-ла.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин:
«Нэлдэрэмэ нэртэеэб,
Солдоромо солтоёоб!» — гэжи,
Баярлажи харибал-даа.

8

Гэрхэн тээшээ гэшхүүлбэл,
Газар тээшээ гайгуулбал.

Вас самих?
В вашей воле
Меня убить здесь,
В вашей власти
Меня увезти отсюда!» —
Так она говорила-сказывала.
Аламжи Мэргэн молодой,
Пока она говорила-твердила,
Выпросив у нее
Злато-серебряные ножницы,
Чтоб никогда больше,
До конца своей жизни,
Она не смогла родить,
Заколдовал ее.
Правую высокую стену
Он исчеркал
Обличьями *мангадхая*,
Точь-в-точь как есть:
Нарисовал подряд
Все его шестьсот голов,
Изобразил, как есть,
Шестьдесят, словно жерди, рогов.
Он вышел во двор,
[Прибил к стене] черного деревянного дворца
Плиту из белого камня *,
На ней начертал:
«В этом месте —
Баба без мужика.
Кто явится и заберет
Ее добро и пожитки,
Его голова будет в земле,
Локти его — под кнутом!» * —
Так он на ней начертал.
«Вы же все трое
Отправляйтесь в свои дома,
Возвращайтесь в родные долины,
Уезжайте в свои города!» —
Так Аламжи Мэргэн молодой
Говорил-сказывал.
[Затем] Аламжи Мэргэн молодой,
Сказав: «Со мной мое имя известное
И слава моя громкая!» —
Весело в путь отправился.

8

Шагом к дому [конь] направился,
Поскакал к [родимой] земле.

Газар дайда хоёроо
Тэгэнэжи ябхадаа
Наян алда бэетэй
Нариихан Шарга мориниин
Дүрбэн хара туруугаар
Тулалдажи шагналай,
Дүгнүгэр һайхан толгоёо
Үргүн тулан шагналай.
Үндүр сагаан тэнгэрын
Нэгэ хатхуур шихээрээ
Үүлэйн хатхан шагнабал,
Нэгэ хатхуур шихээрээ
Үлгүн сагаан дайдаяа
Хүриһүйн тулан шагналай.
Эжин хүйхүр хоёртоо
Хэлэн хүүнэн байнал-даа:
«Хоёр абагай манай-ла
Нэлдэрэмэ нэртээр,
Солдоромо солтоёор
Ябаа гэхүй дуулаал-даа.
Арбан-ханай тогоое
Арзалажи * нэрээл-даа,
Хорин бэрхээ тогоое
Хорзоложи * нэрээл-даа.
Ухаан дундаа ойлгожи
Мэдээн дундаа мэдээл-даа.
Урайһаа манай ерэбэл-даа,
Гурбан елэй газарта
Тодожи тулажи ерэбэл-даа.
Нижээд хони алажи,
Асаражи байнал-даа,
Нэгэ тогооной арахи *
Тодолдожи байнал-даа.
Эжин хүйхүр хүбүүмни
Хажуудан бүүхэн байеышэ!
Хажуудан хүрхү болходоо
Баруун ехэ ташааеым
Мируулажи буулгаарайш,
Баруун ехэ түдөгэйеым
Угзаражи сохёоройш!»
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Ара хойшоо хатаражи талиибал.
Бороон хараан болобо,
Шара наран болходо
Малгай хара нарһанда
Хүрхү бартай ошобол.
Узуур дундан ошожи байбал-даа.
Хоёр абагай гээшин-лэ

Когда миновал
Половину пути,
Восьмидесятисаженный
Стройный соловый конь,
Четырьмя крепкими копытами упершись,
Стал прислушиваться,
Круглой своей головой поводя,
Стал прислушиваться.
Саженное ухо свое приложив
К облакам высокого светлого неба,
Он прислушивался.
Другое саженное ухо
К широкой чистой земле прижав,
Он прислушивался.
Хозяину своему удалому
Так говорил-сказывал [конь]:
«Дяди твои, прослышав,
Что ты возвращаешься —
С известным своим именем,
С громкой своею славой, —
В десяти котлах *арзу*
Перегнали и выкурили,
В двадцати крытых котлах *хорзу*
Они перегнали и выкурили.
Они умом своим все поняли,
Рассудком своим все распознали —
Они нам навстречу выехали
И ждут нас вдвоем
На расстоянии трех лет пути.
Заколов по барану,
Навстречу выносят,
Заготовив с четверть *архи*,
Нас они поджидают.
Хозяин мой удалой,
Не останавливайся возле них!
Как только к ним приблизимся,
Стегни наотмашь
По правому моему бедру,
Дерни с правой стороны повод
И стегни меня [плетью]!»
Аламжи Мэргэн молодой
На север помчался, исчезая из виду.
Солнце уже закатилось,
Стало смеркаться.
К сосне с густою кроной
Он приблизился,
К ней подъехал.
Дяди его поднимались

Харгуйн хоёр тээһээн-лэ
Бодолдожи ерэлэйл-даа.
Нэжээд хониной төөлэйе
Барилдажи бодолойл,
Нэжээд тогооной архиие
Һугабшилжи ерэлэйл.
Баруун ехэ ташааеын
Мируулажи байбал-даа,
Баруун ехэ тудөгэйеын
Угзаражи сохёбол.
Нарин Шарга мориёо
Ара хойшоо болобол,
Хии бэтү хиидэжи,
Хэрмэн бэтү гульдаржи
Гаралдажи ошолой.
Хоёр Зутан абагайн:
«Аши хүбүүн гээшимнай
Нэлдэрэмэ нэрэйеыш,
Солдоромо сулэйеыш
Хухалхамнай!» — гэжи-лэ,
Хара һури абаши
Малгай хара нарһанда
Боймоложи хэбтэбэл.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Морёо татажи,
Тэхэрижи харажи байнал.
Гайхал ехэй гайхаба,
Тагнуул ехэй тагнаба:
Энэ хоёр адэйе
«Харажи байжи
Яажи алаха бэлэй?» — гэжи-лэ,
Ууралажи байбал-даа.
Оройн хара үһэйе
Орболзуулан байбал-даа,
Оошын сагаан шудүёө
Хухүнүүлжи байбал-даа.
«Эдээни аланхаара. . .
Нэрэй мини эмдэлхэн!
Түрүй мини хухалхан! — гэжи,
Айлхан хүнхэн хэлсэхэл,
Алаг нохой хусахал!
Зонхон буряад хэлсэхэл,
Зольбо нохой хусахал!. .
Аламжи Мэргэн хүбүүн-лэ
Мангад Шара Гахайе
Алааугэй ерээл-даа,
Хоёр Хара Зутан абагаяа
Алажи даражи ерээл-даа!

С двух сторон дороги,
К нему подходили.
По бараньей голове в руках держа,
Они поднимались,
По жбану *архи* под мышкой неся,
Они приближались.
[Аламжи] стегнул
Коня по правому бедру,
Дернул с силой
С правой стороны повод.
Стройный соловый конь
Прямо на север,
Словно вихрь, полетел.
Вмиг, словно белка,
Исчез вдали.
Оба дяди Зутаны [решили]:
« Ну что же, племянничек наш,
Тогда опорочим
Известное имя твое,
Громкую славу твою!»
И, черные ремни взяв,
Оба повесились
На сосне с густою кроной.
Аламжи Мэргэн молодой,
Коня придержав,
Оглянулся назад.
Очень он удивился,
Очень он изумился:
« Разве можно позволить
Этим двум негодникам
Так на виду у всех умереть?»
[У Аламжи Мэргэна] от гнева
Дыбом встали на голове
Черные волосы,
Заскрежетали во рту
Белые зубы.
« Если они умрут —
Позор моему имени,
Бесчестье моему роду.
Народ улусный осудит меня,
Пегий пес облает меня!
Все буряты осудят меня *,
Бродячий пес облает меня!..
Скажут: Аламжи Мэргэн молодой
Домой вернулся,
Не рыжего *мангадхая* сгубив,
Он вернулся, сгубив
Дядей своих Зутанов! —

Гэжи хэлсэхээ байнал-даа!»
Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
«Эдээни алажи байнхаар
Бэеэр хоро идежи
Үхүхү ёһо болоол-даа!» — гэжи,
Ууралажи тэхэрижи
Хоёр байһан абагайдаа
Ошолдожи байбал-даа.
Малагай хара нараһанһаан
Хара һурын
Таһа сабшажи
Буулагажи байбал-даа,
Ууралажи байха-даа:
«Атхараһан, шутхараһан
Архи танай хаанамби?
Михан танай хаанамби?» —
Гэжи һуран,
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Нэжээд хониноо төөлэйе,
Нэжээд тогооноо архиие
Асаражи барюулбал,
Нэгэ тогоон архииеын
Нэгэ дүнгээр шаабал-даа,
Хоёр тогооной архииеын
Эбэлүүлэжи шаабал-даа;
Нэжээд хониной төөлөйе, далайе
Нэгэтхэжи идибэл-даа. . .
Улаан халамгай божожи
һуугаа гэхэн юумэ-лэ.
«Абагайнууд гээшимни!
һабайн танай оёорто
Нэгэ тагша үлээгүү?» — гэжи,
һуран хэлэн һуунал-даа.
«Нэгэ багтай байнал!» — гэжи,
Арбан тогоо арзаяа
Асаражи үгүлэйл,
Хорин тогоо хороёо
Асаражи уулгабал.
Гурбан улаан тагшайе
Нэгэ дүнгөөр шааба-ла.
Баруун ехэ нюдүниин
һарандали бололойл,
Зүүнхэн ехэ нюдүниин
Сарандали болобол.
Баруун ехэ хамараарин
Улаан дулэ батхажи
Байгаа гэхэн юумэ-лэ.
Зүүнхэн ехэ хамараарин

Так говорить станут!»
Вслед за тем:
«Чем им [позволить] себя убить,
Лучше самому умереть
От яда!» — так сказав,
Он, разгневанный, назад повернул
И подъехал
К своим дядьям.
Напрочь он разрубил
Крепкие ремни,
Снял обоих
С сосны с густою кроной,
Гневаясь, он говорил:
«Подлые, негодные!
Где же *архи*,
Где ваше мясо?» —
Так их спрашивая,
Он говорил-сказывал.
[Те] ему преподносят
По одной бараньей голове,
По одному жбану *архи*.
Первый жбан *архи*
Разом он выпил.
Второй жбан *архи*
Следом он выпил.
Бараньи головы и лопатки
Зараз он съел. . .
Совсем захмелев,
Он сидел, говорят,
Так говоря-спрашивая:
«Дяди мои!
Не осталось хотя бы чашки *архи*
На донышке вашего жбана?»
«Немного осталось!» — сказав,
Те выносят и подают
Из десяти жбанов *арзы*,
Подносят ему и подают
Из двадцати жбанов отравы.
Три большие чашки
Разом он выпивает.
Правый большой его глаз
Стал словно месяц.
Левый большой его глаз
Стал словно круглая чаша.
Из широкой правой ноздри его
Красное пламя
Вырвалось, говорят,
Из широкой левой ноздри

Хүхү дүлү батхабал!
Арбан сагаан хуругаа
Атхахаяа һаналайл,
Алаг эреэн нүдүёө
Анихаяа байбал-даа.
Аман шүдүн хоёртоо
Хэлэн хүүнэн һуубал-даа:
«Абагайнууд мини, яабабта?
Миханаһаан михан байлайл,
Шүлүнөһөөн шүлөн байлайл:
Газар дээрэ
Ганса аштай байналта!..
Харгүй дунда ерэжи
Хараар ехэй хардабат!
Бороор ехэй бордобот!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Арбан хургаа атхажи
Амаражи ошобол,
Алаг нюдөө анижи
Мүнхүрөжи ошолойл...

9

Наян алда бэетэй,
Найман дэлим шихэтэй
Нариихан Шарга морининн
Харайлдажи ерэжи-лэ
Эжин хүйхүр гээшиингээ
Хансуйн шинээн саажиһаан
Хазалдажи зуубал-даа,
Гэрхэн тээшээ харайлдажи талииба.
Хоёр абагай гээшин-даа
Үлдэлдэжи ядаа-ла.
«Танда биихэн байнальби
Эжээшье алуулбашъяһан
Алагдаһан бэеыеын
Танай гарта мунуулхгүйб!
Дүрбэн хара туруунаа
Мултаражи унсара,
Душин сагаан шүдүнээ
Айражи унсаран
Танда биихэн хадаа
Хүсэгдэхгүй юумэльби!»
Гурбан ели газарһаа
Гурбан сүүтхэдэ
Гэртээ гүйжи ерэбэл-даа.

Синее пламя вырвалось.
Побелевшие десять пальцев его
Стали сжиматься,
Два пестрых глаза его *
Стали закатываться.
[Аламжи] сквозь зубы
Так говорил-сказывал:
«Что же вы сделали, дяди?
От мяса мясо бывает,
От бульона — бульон *.
У вас ведь на всей земле
Один-единственный я племянник!..
Встав на моем пути,
Вы совершили страшное преступление,
Вы сотворили ужасное злодеяние!» —
Так говорил-сказывал он.
Вслед за тем:
Десять пальцев своих сцепив,
Он на покой отошел.
Пестрые глаза свои закатив,
В вечность он отошел...

9

Стройный соловый конь
Восьмидесятисаженный,
С ушами восьмисаженными
Тотчас прискакал.
Схватив своего хозяина
За косы его,
Длинные, как рукава,
Он помчался к себе домой.
Оба дяди
Бросились наперехват — но не догнали.
«Теперь-то уж я,
Хоть не сумел уберечь хозяина,
В ваши руки на поругание
Не отдам мертвое его тело.
Вам не удастся
Меня догнать,
Пока не истопчутся
Четыре крепких моих копыта,
Пока не искрошатся
Сорок белых моих зубов!»
За трое суток
Трехлетний путь пробегая *,
[Конь] поскакал домой,

Хии бэтү хиидэжи,
Хэрмэн бэтү гульдаржи
Газаа дундаа ерэбэл-даа.
Хара шулуун хаалгаяа
Хаха бала дайраба,
Хаһаг мангад харуураа
Хаха хубаан унагаажи
Оролдожи талииба;
Хүрин шулуун хаалгаяа
Хүүхэн бала дайрабал,
Хүүнэй хүбүүн харууraa
Хаха хубаан дайражи
Оролдожи ошобо.
Наян тээшээ һалаатай
Найман түмэн түдүгэтэй
Бэжир мүнгүн сэргээ
Узуур дундан зогсолой.
  Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Бэжир мүнгүн сэргээ
Узуур дундан зогсожи
Инсагаажи байбал-даа.
Ордом сагаан байсангаа
Дорбёодхожи байнал-даа,
Ханхянсаран инсагаалан байнал-даа,
Хамаг байха байсангаа
Доһолгожи байнал-даа.
  Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Агуй Гоохон дүүхэйн-лэ
Алиганай шинээн торгоороо
Арбан заха холбоһоноо
Ара хаяа шибежи,
«Ахай мини ерэбэ!» — гэжи,
Газаа гүйжэ гарабал.
Ахай хүбүүн гээшин
Эмээл дээрээ хүндүлэн
Бүгтүрүжи хэбтэлэй.
Хараалдаһан бэеэрээ
Харанхалжи уналай,
Үзэлдэһэн бэеэрээ
Бүрүнхүлжи байбал-даа.
  Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Нарин Шарга мориноо
Хажуудана ошобол,
Нарин хүзүүеын тэбэрьжи
Бархиражи байбал-даа,
«Гарахадаа байнал-даа,
Хоюуландаа мэндэ бэлэйт!» — гэжи,
Бархиражи байбал-даа:

Подобно вихрю, летел он,
Подобно белке, он мчался
И прискакал к дому.
Разбив вдребезги
Ворота из черного камня,
В сторону оттолкнув
Казака караульного,
Влетел он во двор.
Разбив вдребезги
Ворота из бурого камня,
Отбросив в сторону
Стражника караульного,
Вбежал он во двор.
Остановился он
У коновязи узорчатого серебра,
У которой восемьдесят отвилок,
Восемьдесят тысяч скоб.
Вслед за тем:
Остановившись у коновязи
Узорчатого серебра,
[Конь] заржал.
Содрогнулся от ржанья
Белый дворец.
Весь дворец
Задрожал, заходил ходуном,
Все зазвенело в нем.
Вслед за тем:
Агуй Гохон-сестрица
Шила десять воротников
Из шелкового лоскута с ладонь.
Отбросив его к задней стене,
Она выбежала во двор, говоря:
«Старший мой брат приехал!»
Старший брат ее
Поперек седла
Лежал, свесившись.
Как увидела это —
Лишилась чувств,
Когда разглядела —
Упала без памяти.
Вслед за тем:
Она подошла
К стройному соловому коню,
Обняла его шею
И зарыдала.
«Ведь оба вы были здоровы,
Когда отправлялись в путь! —
Так, рыдая, она говорила. —

«Ерэхэдээ байнал-даа,
Эжин хүйхүүр хүбүүншни
Арахи уужи һогтобуу?
Тамахи татажи һогтобуу?» —
Уйлан дуулан байбал-даа.
Нарин Шарга мориниин:
«Хоёр абагайнтанай ёрондо
Хоёр хүлтэй хүүнэй
Ябахгүй ёһо болоол-даа.
Саанаһаан байнал-даа
Нэлдэрэмэ нэртээр
Солдоромо солтоёор
Ерээ бэлэй байнал-даа.
Хоёр абагайнтанай ёродо
Гурбан елэй газарта
Урайһаамнай угтажи,
Арбан тогоо арзалажи нэрэжи
Абаадаа гээши байнал-даа.
Хорин бэрхээ тогоое
Хороложи нэрэжи
Абаадаа гээши байгаал-даа.
Харайн һайгаар хардабал,
Боройн һайгаар бордобол.
Һайхан минии һайгаар-ла
Үхүһэншье болобо
Үхүһэншье зубалгайн
Өөһөши гарта үгүнгүй
Хансуйн шинээн саажиһаан
Хабхашилжи зуужи-ла,
Эмээл дээрээ хүндүлүн
Хаяжи орхёжи,
Асараа юумэ байнальби!»
Нарин Шарга мориниин
Мойһон хара нюдунһээ
Мондогой хара нёлмоһой
Мухурюулажи унагаажи,
Уяражи байба-ла.
Агуй Гоохон дүүхэй-лэ
Аянгаяа ядалай.
Ахай мини гэжи-дээ,
Архи уугаад һогтоо гэжи,
Оёор мүнгүн гooронсдоо
Тэбэрижи уруулбал.
Ахай һогтоо гэжи-лэ,
Үлгүй мүнгүн орондон
Унтуулажи хэбтүүлбэл.
Ахай ерээ гэжил-даа,

На обратном пути
Хозяин твой удалой
От выпитой ли *архи* опьянел,
От табака ли?» —
Плачет-рыдает она.
Стройный соловый конь [сказал]:
«Из-за козней двух ваших дядей
Людям теперь
Нет житья никакого.
Аламжи к ним прибыл
Своей дорогой —
С известным своим именем,
С громкой своею славою.
Дяди, замыслив козни,
На расстоянии трехлетнего пути
Нас поджидали-встречали.
Они перегнали *арзы* в десяти котлах,
И прихватили ее с собой.
Перегнали [*архи*] с ядом-травой
В двадцати крытых котлах
И привезли с собой.
Они совершили страшное преступление,
Сотворили ужасное злодеяние.
Я выбрал самое лучшее, [что сумел]:
Когда он скончался,
Мертвое тело его
В их руках не оставил,
Схватив зубами его за косы,
Длинные, как рукава,
Я забросил [хозяина] на себя,
Уложил поперек седла,
Привез сюда!»
Из темных, как черемуха, глаз
Стройного солового коня
Крупные чистые
Слезы катились,
Конь плакал.
Агуй Гохон-сестрица
Не знала, что делать.
Думая: брат ее
От архи опьянел,
С коня сняла его и внесла
В горницу с серебряным полом.
Словно хмельного,
Она уложила его спать
В люльку-кровать серебряную.
Для брата прибывшего

Алтан мүнгүн самбаараа
Бусалгажи табилайл.
Татахада һунаха,
Табихада агшаха
Ташигай мүнгүн остоолоо
Табилдажи үгүбэл.
Далан зүһэнэй идеэе
Дээжи бэрин табинал,
Юһүн үнгүйн боодхэйе
Зүһэ бэрин асаржи,
Табилдажи байбал-даа.
Арбан толгой саахараа
Буталажи табилай.
«Ахай бодэйш! — гэжи-лэ,
Архи ууһан хүүниин тэлэрэгши!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Аянгаяа ядаба,
Уянгаяа ядалайл. . .
Дээшээ харжи уйлаба,
Доошоо харжи бархиржи
Һуугаа гээшин тэрэл-даа.
Газаа бэедээ гаражи
Нарин Шарга мориёо
Эмээл юүеын абалай,
Хойто бэедү байнал-даа,
Дааганайни урилдама
Дардай мүнгүн одвоорто
Сагаа мүнгүн хорытто
Сагаан будаа тарягаар
Идеэлүүлжи табилайл.
Дээшээ харжи бархиржи,
Доошоо харжи уйлажи,
Һуугаа гээши юүмэл-даа
Агүй Гоохон дүүхэйн-лэ.
Айлхан зонхон хоёртон,
Амитан зонхон хоёртон
Нэгэшье өөдө татха
Хүүниин үгэй байнал-даа! .
   Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Гурбан сагаан сүүтхэеэ
Дүүрэгэжи байбал-даа.
«Ахай хүбүүн гээшимни,
Гэртэ гарха бэешни,
Хээрэ байха яһаншни!» — гэжи-лэ,
Уйлан дуулан һуунал-даа.
Гурбан тогоо нэрэбэ,
Нэгэ ехэ түйсэдэ*
Үюүлэжи байба-ла.

Злато-серебряный самовар вскипятила
И принесла.
Она разложила
Покатый серебряный стол,
Такой, что потянешь его — растянется,
Отпустишь его — сожмется.
Она подала самые лучшие
Из семидесяти кушаний.
Она вынесла и расставила
Водку разную —
Всех девяти сортов.
Десять головок сахару расколов,
Она выставила.
«Старший мой брат, вставай!
Человек хмельной от *архи* отходит» —
Так она говорила-сказывала.
Она ничего не могла понять,
Она не знала, что делать.
В горе сидела она, говорят,
Вверх поглядит — плачет,
Вниз поглядит — рыдает *.
Выйдя во двор,
Она расседлала
Стройного солового коня,
Его увела на задний двор,
[Забором] серебряным обнесенный,
Где лончакам впору резвиться,
Она накормила его просяным зерном
Из белосеребряного корыта
И отпустила его.
Агуй Гохон-сестрица
Вверх поглядит — плачет,
Вниз поглядит — рыдает.
Тогда, говорят,
Не нашлось никого,
Кто бы помочь ей мог:
Ни из улусных людей,
Да и во всем народе.
    Вслед за тем:
Миновало уже
Полных трое суток.
Сестра причитает-плачет:
«Старший мой брат!
Твоему телу в могиле покоиться,
Твоим костям в степи лежать!» *
В трех котлах перегнав *архи*,
Она все слила
В большой туес,

Гунан сагаан хусаяа
Асаражи алажи,
Бологожи шанажи,
Мэшээгэлжи байнал-даа.
  Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Ахаяа байнал-даа
Сагаан торгон хадагта
Орёолдожи байнал-даа.
Ахаяа байнал-даа
Сагаан торгон хадагта
Орёолдожи байнал-даа.
Баруун ехэ һугадаа
Хабшуулажи байбал-даа
Ахай хүбүүн гээшиеэ.
Гурбан тогооноо архиие
Барилдажи байбал-даа.
Гунан хусаяа михайе
Абалдажи байнал-даа.
Алтай сагаан дайдаяа
Аман дээрэн абааддай,
Хухуй улаан хадаяа
Хүбши дээрэн хүргүлэй.
Гурбан тээшээ араатай
Гушин сажин зулэйе
Гурбан сагаан сүүтхэдэ
Шатаан байжи мүргүбэл:
«Алтай сагаан хадамни
Ангалзажи асэйши!
Амар һайхан ахаяа
Хадагалха болобольби.
Хүхэй улаан хадамни
Хэлбэлзээжи үгэйши!
Хайратай һайхан ахаяа
Хадалгаха мини-лэ!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн мүргүбэл.
Хүхүй улаан хаданбэй
Хэлбэлзээжи ошобол,
Алтай сагаан хаданхъям
Ангалзажи ошолойл.
Амари һайхан ахаяа
Хабшуулажи, хадалгажи байбал-даа.
Гурбан тогооноо архиие
Хажуудана хэлэйл-даа,
Гунан хусаяа михайе
Хажуудана табилайл-даа.
  Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Ахай мини байһан дайдан
Хэзэээшье архитаяа байгаарай! — гэжи,

Заколов трехгодовалого
Белого барана,
Наварила мяса,
Им набила мешок.
Вслед за тем:
Она завернула
Старшего своего брата
В *хадак* из белого шелка,
Она завернула
Старшего своего брата
В *хадак* из белого шелка *.
Для старшего брата
Архи из трех котлов
Она захватила,
Мяса трехгодовалого белого барана
Она прихватила,
Все это неся
Под правой подмышкой,
Доставила [брата] к ущелью
Алтая — священной горы.
Все принесла на лесную вершину
Горы-исполина Хухэй.
Она зажгла свечу
И трое суток молилась
Перед той трехгранной свечой
Тридцатисаженной. . .
«Священная гора Алтая,
Раздайся, раскройся!
Я должна схоронить
Любимого старшего брата.
Гора-исполин Хухэй,
Ко мне наклонись,
Нужно мне схоронить
Бедного старшего брата!» —
Так просила-молила она.
Гора-исполин Хухэй
К ней наклонилась,
Священная гора Алтая
Раздалась, приоткрылась.
Любимого своего брата
Там она спрятала, схоронила.
Архи из трех котлов
Возле него оставила,
Мясо трехгодовалого барана
Подле него положила.
Вслед за тем:
«На месте погребения брата
Пусть будет всегда *архи*!

Далан табан елдэ
Ахай мини хэзээшье
Михатаяа байгаарай!» — гэжи,
Хабшуулажи байгаа бэлэй михаяа.
Дээшээ хаража уйлаһаар,
Доошоо харажи бархирһаар
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлбэ,
Газар тээшээ гайгуулба.
Оёор булан гооронсдоо
Оролдожи ербэл-даа.
Дээшээ харажи бархиржи,
Доошоо харажи уйлажи
Охоршилжи һуубал-даа.

Үнэгэнэй, үнэгэнэй хурадайе-дөө
Үлдэжи, үлдэжи яажи хусхэ аабэй!
Үлигэрэй, үлигэрэй хүбүүни утайе-дөө
Хэлэжи, хүүнэжи хусээху яалай-даа!

10

Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
«Ахаяа үмдүһэн хубсаһайе
Зохёхуу гүй-үү?» — гэжи-лэ,
Дайнай газар үмдүхү
Данжаа торгон дэгэлын
Үмүдүжи үзэжи байбал-даа.
Тологойн шинээн толидо
Тооригжи байжи харабал-даа,
Үдэнэй шинээн гэрэлдэ
Эрьежи байжи үзэбэл-даа.
Үбэр сагаан хоромойн
Зохёлдожи байбал-даа,
Ара сагаан хоромойн
Унжуудажи байбуубай?
Агуу Гоохон дүүхэй-лэ
Уяражи байбал-даа,
Хухаражи байбал-даа.
«Һайханшье түрүбэл-даа
Харида ошохо басаган
«Энээнһээ үлэхгүйб!» — гэжи,
Уяражи байнал-даа.
Хара ехэ үһээ-лэ
Узуураарин барижи
Отоложи абалай.
«Хара ехэ үһээ
Хара зүрхээр отолоогүйб,
Хартанай ёродо отолооб!» —

Все семьдесят пять лет
Пусть будет всегда с мясом
Старший мой брат!» —
[Сказав], там оставила мясо.
Вверх поглядит — плачет,
Вниз поглядит — рыдает.
Потом зашагала к дому,
К своей родимой земле.
Она вошла
В крайнюю горницу угловую,
Горем убитая.
Вверх поглядит — плачет,
Вниз поглядит — рыдает.

Как же мне, догоняя, поймать
Лису, лису быструю?
Как же мне, рассказывая, досказать
Улигер, улигер этот длинный *.

10

Вслед за тем:
«Не подойдет ли мне, — сказала [Агуй Гохон], —
Одежда моего старшего брата?»
Она надела-примерила
Дэгэл из прочного шелка,
Походный *дэгэл* Аламжи.
Вертясь, она смотрелась
В зеркало величиною с голову.
Поворачиваясь, она смотрелась
В зеркало величиною с дверь.
Передняя белая пола́
Пришлась ей впору,
Задняя белая пола́
Была длинновата.
Печалится [очень],
Горюет [очень]
Агуй Гохон-сестрица:
«Хоть родилась я красавицей,
Ждет чужбина меня —
Не избежать мне этого!» —
Так она горевала.
Она обрезала
Черные свои косы
До самых корней волос.
«Кос своих черных, длинных
Не по своей воле лишаюсь —
Из-за черной злобы людской! —

Хэлэн хүүнэн,
Уяражи байна-ла.
«Амида ябаһан хүүндэ-лэ
Арга ходо хэрэгтэй,
Алаг ехэ үхэртэ
Тэргэн ходо хэрэгтэй!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн һууна-ла.
Булшингаа-ла хахалба —
Бурханай хинииг гаргаба,
Маньялаяа хахалба —
Майдари хинииг гаргаба.
Татахада һунаха
Ташигай мүнгүн остоолдоо
Үдэр хада дуудаба —
Наранай гэрэлээр дуудалай,
Һүни хада дуудалай —
Зулайн толоор дуудалай.
Идихэ-лэ хоолоёо
Маратажи дуудалай,
Унтаха-ла нойроо-ло
Орхёжи байжи дуудаба.
Юһүн сагаан сүүтхэдээ
Андаа үгэй дуудабал,
Үзүүриһээн абан-даа
Узууртан хүрсү дуудалайл:
«Баруунайни багта-ла,
Багай холо дайдада,
Тураг ехэ шубуунай
Дэбижи хүрхгүй газарта,
Турууттайхан галданай
Туулажи хүрхгүй дайдада —
Үтэргээр-лэ ябахада
Далан табан елдэ-лэ
Ябаха дайда байна-ла,
Удаагаара ябахада
Наян табан елдэ
Ерхэ дайда байнал-даа.
Табан бэрхэ дайе-лэ
Гарха, гаталха дайда байнал-даа.
Далай Баян хаанай
Эгээн бэсэгэн басаганиин
Булад Хуурай басаган
Нэрэтэй юумэ байнал-даа.
Хуригандаа хубитай,
Эрэхыдээ эрдимтэй
Басаган байна гээшил-даа.
Үхүһэн хүүе ботхохо басаган,
Үгэйрһэн хүүе баяжуулха

Так она говорила-сказывала,
Печалясь-горюя. —
Человеку живому
Нужна находчивость,
Пегому большому волу
Нужен свой воз!» —
Так она говорила-сказывала.
Икры себе разрезав,
Достала священную книгу *,
Лоб свой раскрыв,
Книгу Майдари вынула *.
И на столе покатом, серебряном,
Таком, что потянешь его — растянется,
Днем читала она —
При свете солнца читала,
Ночью читала она —
При свете свечей читала.
Так читала она,
Что и есть забывала,
Так читала она,
Что и спать забывала.
Девять суток подряд,
Не отрываясь, читала она
И прочла эти книги
От начала и до конца:
«В западной стороне
Далекая есть страна:
Не долетит туда
Даже громадная птица *тураг*,
Не добежит туда
И быстроногий скакун.
Если быстро ехать до этой земли,
Можно добраться
За семьдесят пять лет.
Если медленно ехать до этой земли,
Можно добраться
За восемьдесят пять лет.
Пять жестоких сражений нужно выдержать
На пути к этой земле.
Самая младшая дочь
Далай Баян-хана
Зовется именем
Булад Хурай.
У этой девушки
Чудотворные пальцы,
В пальце большом — волшебная сила.
Девушка может оживить мертвеца,
Обогатить бедняка —

Басаган байнал-даа.
Тэрээни-лэ асараа хадаа
Ахай хүбүүн гээшиие
Эдэгээхү-лэ байнальби.
Тэрэшье басаганда
Бэеэрээ басаган байгаад-ла
Басаган хүүндэ ошожи
Хайшин гэжи асархаб?
Шуубэри мини хаана бэлэй? — гэнэ.
Юһүн булагай уһайе
Утхалдажи асарбал,
Юһү мундаргайн арсайе
Хухалажи асарбал.
«Ахай мини унаһан морин
Огторгойн ехэ онгони
Морин гээшэ байнал-даа».
Юһүн булагай уһаар-ла
Угаалгайе хэбэл-даа.
Юһүн мундаргайн арасаар
Шуурэгэйе барибал-даа.
«Ахай мини мори,
Өөрэёө дураар унахгүйльби,
Үхүлэй муугаар унахам-ла!
Хара зүрэхээр унахгүйльби,
Харатанай ёроор унахамнил!..»
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Далан бугайн эбэри
Зүйжи зайжи элигэлһэн
Бухайр шара номойеын
Абаадажи харабажи байбал-даа.
Ара гэрээн дээшэн
Хонгор елдү бариһан
Хонгор шара үүтхэйеын
Ара гэрээн дээшээ
Харабажи байбал-даа.
Бухюуе дуухан шууябал,
Зэнье дуухан янъянбал.
Ойдо байһан модониин
Орболзожи ошобол,
Олон түмэн буган-ла
Ундуй һундуй унабал.
Тайгада байһан модониин
Таръяжи ошобол,
Тажи эреэн бугани
Тархияа дүйжи унаба.
«Үбүлэй сагта барихада
Наларахай номол-даа,
Нажирай сагта барихада

Такая это девушка.
Если ее привезти сюда,
Она смогла бы вылечить
Старшего моего брата.
Как же решиться мне
Ехать за этой девицей,
Если сама я девица?
Сумею ли я привезти ее?
Какой мне найти выход?» — так она размышляла.
Она принесла воды,
Набрав ее из девяти родников,
Она принесла можжевельник,
Нарвав его на девяти гольцах.
«Конь моего брата —
Это ведь конь
Старшего небесного *онгона*» *.
Омыв [коня]
Водою девяти родников,
Начала совершать воскурение
Можжевельником с девяти гольцов.
«Я сажусь на коня брата
Не по своей воле —
Из-за страшного злодейства,
Я сажусь на него
Из-за козней наших врагов!..»
Вслед за тем:
Взяв могучий бухарский лук,
Умело сделанный
Из рогов семидесяти изюбров,
Она послала стрелу
Ввысь, в сторону севера,
Гибкой желтой стрелой,
Изготовленной в мирную пору,
Выстрелила она вверх
В сторону севера.
Зазвенела стрела,
Засвистел ее наконечник.
Лесные деревья
Закачались и повалились,
Тысячи изюбров
Вповалку попадали,
Деревья таежные
Затрещали,
Могучий пестрый изюбр
Упал, оглушенный [треском] таким.
«Лук этот годится
Для зимней поры,
Для летней поры

Нэгэ бага уяшиг!» —
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Нарин шарга мориёо
Хайрхан дээгүүр хүтүлбэ,
Хатуу уян туруугаар
Туруулуулжи байбал-даа.
Мүлүһэн дээгүүр хүтүлбэ,
Мүнгүн уян туруугаар
Туруулуулжи хүтүлбэ.
Бэжир мүнгүн сэргэдээ
Асаражи уябал-даа.
Торгоной хирхаг тохомын
Тортог боеын гүбижи
Тохолдожи байбал-даа.
Тохой мүнгүн эмээлээ
Эмээллэжи орхёбо.
Ууса дээрэн болобо
Нюлай мүнгүн хударган
Зохёлдожи байба-ла,
Хударгалажи орхёбо.
Арбан аса олонгоор
Аторисо татаба,
Хорин холбоо олонгоор
Хоторисо татаба.
Бэжир мүнгүн сэргэдээ
Уялдажи орхёбо.
Оёор мүнгүн гооронсдоо
Уруудажи талиибал.
Сагаа мүнгүн саабалияа
Элигэнээ сагаан зүтхэдэ
Ширээлдэжи уруулба.
«Амии минии хадаа
Холо болгон хадалгэйш! — гэжи,
Араһай мини байнал-даа
Зузаан-ханай болгожи хадалгэйш!» — гэжи,
Ширээлдэжи байлгалайл.
Аминаа алтан тоонойе
Нугарһандаа уруулба.
«Амии мини хадалга,
Холо болгон хадалгэйш!
Араһайе мини
Зузаан болгон бэхилэйш!» — гэжи-лэ,
Ширээлдэжи орхёбо.
Арбан елду үлдүхгүй
Хорохойн емэд тоһэйе
Хошуундаа-ла шингээбэ.
  Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Далан тэхэйн араһаар
Зүйжи зайжи оёһон

Немного он мягковат!» —
Так она говорила-сказывала.
Стройного солового коня
Поводила она по гальке —
Крепкими, упругими
Стали его копыта;
По льду [коня] поводила —
Податливыми, как серебро,
Стали его копыта.
Она привязала коня
К коновязи узорчатого серебра,
Потник с шелковою каймой,
Отряхнув от пыли,
На коня положила,
Изогнутым серебряным седлом
Она седлает коня,
По крупу коня протягивает
Подфею серебряную *,
Продев ее [под хвостом].
Десятью двойными подпругами
Так затянула [коня],
Что он подобрался,
Двадцатью двойными подпругами
Так затянула, что он изогнулся.
Она привязала коня
К коновязи узорчатого серебра.
Потом вошла
В горницу с серебряным полом.
Белосеребряную саблю,
Закалив, она спрятала
В оболочке своей печени *.
«Спрячь мою душу
Как можно дальше,
Кожу мою сделай толстой,
Чтобы укрыла, схоронила ее!» —
Так она заклинала.
Золотое зерно души
Спрятала она в своем позвоночнике *.
«Спрячь мою душу
Как можно дальше!
Кожу мою
Сделай толстой и крепкой!» —
Так она заклинала.
Чтобы все десять лет быть сытой,
Губы себе она пропитала
Самым сытным жиром *.
Вслед за тем:
Она на себя надела
Шарвары из черной замши,

Элигэн хара шарвааран
Ала дундаа духабал.
Загаһанай араһан
Зандан хара сабахяа
Өлимиидээ үмүдбэл.
Дайни газар үмдүхү
Данжаа торгон дэгэлээ
Ээмэй шангаар хэдүрбэ,
Эрхын шангаар тобшилбо.
Шураг мүнгүн бэһээ
Ташаан дээгүүр татабал.
Бухалай-дэли бараатай,
Бутайн-дэли залаатай
Булган хара малгаяа
Орой дээрээ табиба.
Үргүн голоор эсхэжи
Бодолдоһон байнал-даа,
Һара мүнгүн һаадагаа
Баруун-ханай ташаандаа
Хантаражи татабал.
Нарин голоор эсхэжи
Бодолдоһон байба-ла,
Буудай мүнгүн хоромгоо
Зүүнхэн-ханай ташаандаа
Хантаражи татабал.
Хорин елдү бариха
Хонгор шара үүтхэеэ
Хорёодоорин холбожи,
Хошуугаарин эмхилжи
Хоромгодоо хатхаба,
Ойдо байһан модон шуу!
Айлһаан зонһоон ошожи
Дала хүрүһэн үбүгүйе,
Ная хүрүһэн һамагайе
Гэрхэн доомо хоёртоо
Һуулагажи, харуур хэжи
Байгаа гэхэн юумэ-лэ.
Баруун ехэ ханадаа
Нажирай сагта бариха
Нарин хурдан үүтхэеэ
Хатхалдажи байлгалай.
Оноо* дээрһээн байна-ла,
Юһүн үнгүйн сэсэгээр
Ургуулажи, задалжи
Найгун натхун байлгаба.
«Удаан ябаа хадаа-ла
Наян табаң елдү
Ябаха дайтта ошхомнил!»

Впору ей сшитые
Из шкур семидесяти козлов.
Сапоги натянула
Из рыбьей кожи,
Прочные, как сандал.
Дэгэл из блестящего шелка
Для боевых походов
Быстро надела,
Застегнув на все пуговицы,
Пояс из серебра литого
На своем бедре затянула.
Малгай из черного соболя,
Схожий с копной,
С шишаком, словно кочка,
Надела на голову.
Белосеребряный свой колчан,
Такой, что подобен
Широкой долине,
Она повесила на правом боку,
Крепко его приладив,
Колчан из серебра литого,
Такой, что подобен
Узкой долине,
Повесила на левом боку,
Плотно его приладив.
Могучие гибкие стрелы,
Годные двадцать лет,
По двадцать в связки соединив,
В свои колчаны воткнула,
Они в нем вздымались,
Словно деревья в лесу.
Она оставила
Сторожить дом
Своих улусных людей:
Старика семидесяти лет,
Старуху восьмидесяти лет —
Так, говорят, было.
Она воткнула
С правой стороны в высокую стену
Легкую, быструю стрелу,
Для летней поры предназначенную.
И поднялась, распустившись,
От самой зарубки своей
Девятицветным она цветком,
Колыхаясь-качаясь.
«Если медленно ехать — до этой земли
Добираться придется
Восемьдесят пять лет! —

Мэнэнхэн хүүрээ хэлэнэл:
«Үтүргээр ябаа хадаа-ла
Далан табан елдү-лэ
Ябажи ерэхү дайдада
Хүрүхү минил, гэжи-лэ. . .
Табан бэрхэ дайсуйе
Гарха дайда байнал-даа».
Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
Хэлэн хүүнэн байба-ла:
«Дайндашье даруулжи,
Дааганда-ла һүүлдүүлжи
Ошоо хада мини-лэ,
Нарин хурдан үүтхэмни
Оноһоо-лон үмхүржи
Ураһаа-лан хагдарши
Ханаһаани унаарай!. .
Уваа үгэй һайхан
Ябаа хада минил-дээ
Оноһоо-лон ялархал,
Уриһаан байнал-даа
Юһүн үнгүйн сэсэгдаа
Улам дээшээ ургажи
Задаражи байхал-даа!»
Дала хүрүһэн үбүгүндээ
Ная хүрүһэн һамагандаа
Хэлэжи хүүнэжи байбал-даа:
«Хүүндэ һайни хэһэн-даа
Галабта туласа мартуулхгүйл,
Хүүндэ мууе хэһэн-даа
Үе тулса мартуулхгүй
Юүмэ гээши байнал-даа!»
Үбүгүн һамаган хоёроо
Баруун гарын барижи
Байха мэндээ хэлсэбэл.
«Галы мини түлежи,
Адаһай мини харажи һугайт-даа. . .»
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Газаа бэедээ гараба-ла.
Урда түбидө ошобо,
Гушин гурбан гурьбадаа
Душин дүрбэн дэнжитэй
Дурбэ минган шагнууртай
Бэжир мүнгүн собоортоо
Осоо бэедэн орожи
Душин сажин зулайе
Шатаалдажи мүргүбэл:
«Дайдуйн газар ябахадам

Заветное слово она сказала. —
Если же быстро ехать,
Я ведь смогу
В семьдесят пять лет
Добраться до той земли.
В те края я попаду,
Выдержав пять жестоких сражений».
Вслед за тем:
Она говорила-сказывала:
«Если я погибну в сражениях,
Если лончак меня обгонит,
Если такое со мной случится,
Пусть стрела моя легкая, быстрая
Со стены сорвется,
От самой зарубки своей сгнив,
От самого своего основанья истлев!..
Если путь мой
Будет удачным,
Пусть от зарубки своей еще ярче она засверкает,
От основания своего
Девятицветным цветком
Пусть еще выше она поднимется,
Еще краше она расцветет!»
Она говорила-сказывала
Старику семидесяти лет
И старухе восьмидесяти лет:
«Если добро человеку сделаешь —
Не забудется до скончания века,
Если зло человеку сделаешь,
До конца жизни запомнится —
Так ведь!»
Пожимая правые руки
Старику и старухе,
Лучшими словами привета она их напутствовала:
«Живите, храня мой очаг,
Охраняя мои стада!..»
Вслед за тем:
[Агуй Гохон] выходит во двор,
Направляется в южную сторону,
Подходит к собору из узорчатого серебра,
У которого сорок четыре колокольни,
Четыре тысячи колоколов,
Который стоит на тридцати трех холмах.
Входит она в собор,
Зажигает свечу сорокасаженную
И говорит заклинание:
«В путь мой по [дальним] землям

Ээлгэйеым үгэйши,
Дайни газар хүрхүдэм
Ээлэгэйе харалдэйш!»
  Мэтэр гэсэн бээрээ:
Гаралдажи ербэ-лэ.
Наян алда бэетэй
Нарин Шарга мориёо
Бэжир мүнгүн сэргэһээн
Тайлалдажи абалай.
Хоёр-ханай хансуйяа
Тохоног хүрсү шамалай,
Хоёр ехэ хормоёо
Ташаа хүрсө шуулай-даа.
Наран Шарга мориёо
Уналсажи орхёбол-даа.
Ара гэрээн баруугшаа
Хаани сагаан тараагтаар
Ханхинсара хатаржи
Ошоһониин тэрэл-даа.

11

Зоной зудан харгуйяар
Зуралзаса хатарба.
Хоёр байһан үдэри
Нэгэтхэжи хатарба,
Хоёр байһан һүниие
Нэгэтхэжи унтаба.
«Уһан гээши ута-ла,
Газар гээшин холо юумэ!»
Уядажи ябана,
Охоршилжи ябана.
Нарин Шарга мориёо
Мангад сахюур болгожи
Халааһандаа хабшуулжи,
Бэелээрээ байбал-даа,
Бээрээ-лэ юумэ-лэ
Халтар үнэгэн боложи
һүнишье харайба,
Үдэршье бүншибэ.
Бэедэ иижэ ябаха-ла
Хүндэ юумэ байна гэжи,
Ойе ехэ эжилһэн
Орьё хүхү шоно боложи,
Үдуршье гэнэл-даа,
һүнишье харайба.
Иижэ ябаха ябадални
Бэедэ хүнду гэжи-лэ,

Благослови меня!
Когда доберусь до мест сражений,
Оберегай меня!»
Вслед за тем:
Вышла она из собора,
Отвязала от коновязи
Узорчатого серебра
Восьмидесятисаженного
Стройного солового коня.
Она рукава свои
До локтей закатала,
Обе длинные полы свои
К поясу подоткнула,
Села она на своего
Стройного солового коня.
И умчалась рысью
По широкой ханской дороге
На запад от дома родного —
И скрылась вдали.

11

Мчится она, мелькая,
По [проторенной] народом дороге,
За один день она покрывает
Расстояние пути двухдневного,
Спит она за две ночи
Только одну.
Реки длинные,
Земля необъятная!
Едет она опечаленная,
Едет она удрученная.
Она превратила в кремень
Стройного солового коня
И в карман засунула,
Осталась она одна.
Сама обернулась
Рыжей лисицей:
И днем бежит,
И ночью трусит.
Стало ей тяжело
Дальше бежать.
Сивым волком она обернулась,
Хозяином дремучих лесов.
И днем — бежит,
И ночью — мчится.
Еще труднее ей стало
Свой путь продолжать:

12 Заказ № 222

Хара хирээ боложи
Хаахиражи талииба.
Энэ тэрэ модоной
Толоогой шуурши талииба.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Мүнхүн бэеэ бэелбэ,
Мүхүрөөн шарай шарайлжи
Мүнхүн түлдөө оробо.
Нарин Шарга мориёо
Уналсажи байбал-даа.
Ара гэрээн баруугшаа
Арилажи талиибал.
Уруудаха ялагайн
Узуур дундан хүрүбэл,
Гурбалжини харагүй,
Гурбан бэльшир харгуйн
Һалаа дээрэн ошобол.
Ошходон байнал-даа,
Хүхүн дээрээ унама
Нидхэтэйхэн үбүгүн
Байгаа гээшин юумэ-лэ,
Хүйһүн дээрээ хүрүмэ
Һахалтайхан үбүгүн
Байгаа гээшин юумэл-даа.
Тэрээни-лэ хажууда
Байгаа ягаа үгэйеэр
Хаани ханха харгуйяар
Ханхинсара хатарбал.
Арилажи ошходон
Үбүгүн гээши байнал-даа:
Тарбагай сагаан һүхээ
Оолбордожи байбал-даа:
«Орожи ябаһан газартан
Оролдожи үлдэхү!» — гэжи,
Оолбордобо.
«Хүсээ гээши хадаа-ла
Моритой бэетэй хоёрын
Хубаан хаха сабшижи
Хоёр болгон гараарайш!
Хоёр уулэйн шулуунда
Эримэгтэн дууһаарайш,
Хоёр уулэй модони
Үзүүртэн-лэ бараг-даа!»
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Агуй Гоохон басаган
Ара гэрээн баруугши
Арилажи талииба.
Тарбагай сагаан һүхэйеын

Черным вороном она обернулась,
С карканьем полетела дальше.
Летит, задевая верхушки
То тех, то этих деревьев.
Вслед за тем:
Снова свой облик она приняла,
Круглолицей, румяной стала,
Прежний свой вид обретя,
Села она снова
На стройного солового коня
И умчалась прямо на запад
От дома [родного].
Она подъехала к краю
Спускающейся долины,
До перекрестка трех дорог,
Она добралась до развилки
Расходящихся трех дорог.
Когда подъехала,
Стоял там старик
С густыми бровями,
На грудь свешивающимися,
Старик с бородой,
До пупа спускающейся, —
Таким он был.
Она проехала, не задерживаясь,
Мимо него,
Звонкой рысью помчалась
По широкой ханской дороге.
Когда уже его миновала,
Этот старик-то
Вдогонку ей бросил
Широкий топор.
«Везде преследуй ее,
Не отставая, не отпуская, — так сказав,
Его запустил. —
Как только настигнешь,
Ее разруби
Вместе с конем,
Надвое их рассеки,
Ударь об острые камни
Двух скал,
Разбей о верхушки деревьев
Двух гор!»
Вслед за тем:
Агуй Гохон-сестрица
Мчалась от дома [родного]
Прямо на запад.
Когда стал ее настигать

Үлдэлэжи ошходон
Хайши хайшин байна-ла
Далан хараан газари
Даруулажи ургуулбал.
Наранайни харагдахгүй шибэри
Нарин могойн гульдархгүй шибэри
Ургуулажи байна-ла:
«Энэ байһан шибэри
Отоложи гараа хадаа
Минии хойнһоо үлдээрэйш!» —
Хэлэн хүүнэн байна-ла.
«Отолоо үгэй хадаа
Буладаһаа булгаржи,
Хасараһаа хамхаржи
Эмдэрэжи ошоорой!» — гэжи
Хэлэн хүүнэн байна-ла.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Найгама хара шибэрын
Отоложи байбал-даа,
Гараа үгэй байбал-даа!
Тэрэ гэсэн бэеэрээ:
Агуй Гоохон басаган:
«Ара гэрээн саанаһаа
Захайн нэгэ дайе-лэ
Гараха барагтай болбольби!» — гэжи
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Садха мүнгүн дааһандаа
Сармай улаан тамхияа
Утхалдажи абалайл,
Сагаа мүнгүн хэтээрээ
Саралзаса сахижи,
Дээшэ доошон һарбайжи
Таталдажи байбал-даа.
«Гунан хэрбээ дайдада
Тат! Наанал!» — гэжи-лэ,
Дүнэн хэрбээ дайдадаа
Хүртэ, наанал!» — гэжи-лэ
Һарбайжи-ла татана.

12

Түүнэһээн сааши дугшажи
Ошоһониин тэрэл-даа.
Шара далайн шанаада,
Хара далайн хаяада
Хүрэлдэжи байбуу бэй.
Шара далайн шанаада,
Хара далайн хаяада

Широкий белый топор,
Она подняла [волшебством]
На семьдесят верст вокруг
Дремучий густой лес.
Сквозь чащу и солнечному лучу не пробиться,
Не проскользнуть и тонкой змее —
Такой поднялся [лес].
«Если прорубишься
Через эту густую чащу,
Тогда догоняй меня! —
Так она говорила-сказывала. —
Если же не прорубишься,
Ступится твой булат,
Развалишься ты совсем,
Рассыплешься на куски!» —
Так она говорила-сказывала.
Вслед за тем:
Как ни прорубался топор
Через ту дремучую чащу —
Пробиться так и не смог!
Вслед за тем:
Агуй Гохон-сестрица
Так говорила-сказывала:
«С тех пор как выехала из дома,
От первого из своих врагов
Как будто бы я отбилась!»
Она насыпала
В трубку из узорчатого серебра
Самый крепкий табак,
Белосеребряным огнивом,
Рассыпая искры, огонь высекла,
Она трубку раскуривала,
То поднимая, то опуская ее.
«Трехлетняя моя земля,
Прими, покури,
Четырехлетняя моя земля,
Отведай, покури!» — так говоря,
Курила она, трубку протягивая.

12

Снова она в путь пустилась
Легкой трусцой.
Она подъехала
К краю желтого моря,
К берегу черного моря.
На краю желтого моря,
У берега черного моря

Үхэрэй-дэли байна-ла,
Үнэн хара баха-ла
Мориной-дэли байна-ла,
Мондон хүхү баха-ла
Хорон зүүрэн хоёроо
Гарагажи байна-ла.
Хорон зүүрэн хоёртон
Огторгоһоо гараһан шубуун гээши-лэ
Осоо бэедэн унажи
Урадажи байба-ла.
Доодо-ханай бэеэрин
Туруутайхан галданиин
Туулажи ябажи гархгүй
Хорон зүүрэн байба-ла.
Агуй Гоохон басаган
Нарин Шарга мориёо
Мангад сахюур болгожи
Халааһандаа уруулбал.
Бэеэрээ-лэ болобол
Үхэрэ-дэли
Үнэн хара баха бололойл,
Мориной-дэли
Мондон хүхү баха боложи
Ехэ сагаан нууртан
Оролдожи талиибал.
Хортой зүритэй баханшиин
Мориной-дэли
Мондогор хүхү баханшиин,
Үхэрэй-дэли
Үнэн хара баханшиин
Эндэһээн тэндэһээн ерэжи,
Ангар ангар татажи
Идехээ һанабал. . .
«Эжилээ хадаа
Эдехү болбуудаа?
Ханилаа хадаа
Хазаха ёһотой болбуудаа?» — гэжи,
Улаа малгай үгүлсэжи байбуу-ауу!*
Нэгэ сагаан сүүтхэдэ
Ядаа гэжи аладдажи
Саада бэедэн
Сабхай сараа үгэйеэр
Гаралдажи ошобо.
Үхэри шинээн
Үнэн хара баханшиин
Ехэ сагаан нууртаа-ла
«Мэхэлээшиндээ мэхэлүүлээбди!» — гэжи,
Хэлсэн хүүнэн байба-ла.

Лежала лягушка угольно-черная
Размером с быка.
Лежала лягушка ярко-синяя
Размером с коня.
Они выпускали
Яд-отраву.
В ядовитом тумане
Падали птицы небесные
В [потоки] яда-отравы
И уносились течением.
А на самой земле
Столько было яду,
Что там бы не смог пройти
Даже конь-скакун.
Агуй Гохон-сестрица
Превратила в кремень
Стройного солового коня,
В карман засунула.
Сама же она обернулась
Лягушкой размером с быка —
Угольно-черной,
Лягушкой размером с коня —
Ярко-синей,
Спустилась и затаилась
В большом светлом озере.
Лягушки те ядовитые,
Огромные, синие,
Размером с коня,
Угольно-черные,
Размером с быка,
Обступили ее с разных сторон,
Бросились на нее,
Съесть ее собираясь.
«Будто уже мной завладев,
Съесть меня собрались?
Будто уже ко мне подобравшись,
Загрызть меня собрались?» — так говоря,
С ними схватилась.
За целый день и целую ночь
Еле-еле их одолев,
Выбралась она
Незаметно, бесшумно
На другой берег.
Те угольно-черные лягушки
Размером с быка
В большом светлом озере
Так говорили-сказывали:
«Обманщиком мы обмануты!

«Υдүри ехэ үнжүлгүйе,
Хоногой ехэ хоолэйе
Мэхэлүүлэжи гаргабабди!» —
Гэлсэн хэлсэн байна-ла.
Түүнэһээн сааша-ла
Мүнхүн бэеэ бэелжи,
Мүхүрөөн шарай шарайлжи
Хаанай сагаан тараагтаар
Ханхинаса хатарбал,
Зоной зодон харгуйёор
Зоролзосо хатарба.
Нэгэ байһан ялгайе
Υхөн үхөн хатаржи,
Гаралдажи талииба.
Нэгэ байһан ялгэйе
Уруудажи дугшажи,
Арилажи ошобо.

13

Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Хатаражи ябхадан
Шара далайн шанаада
Алтан шара уляаһан
Урагажи бодолойл.
Огторгойдо тулабал,
Огторгоһоон тэхэржи
Υндүр сагаан тэнгэрьеэ
Тэгэнэжи байгаа гэхэн юумэл-даа.
Хараашилан байхадан
Гурабан ехэ һалаатай,
Гурбан ехэ һалаадан
Гурбан басаган һуубал-даа.
Υе үгэй хүлаһаншаг
Найгулдажи һуубал-даа,
Υүлэ үгэй нарандли
Яаражи һуубал-даа.
Зүүнхэн хасарын толондо
Зүүнхэн хада толтожи
Һуугаа гэхэн юумэ-даа.
Баруун хасарын толондо
Баруун уула толтожи
Һуугаа гэхэн юумэ-даа!
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Иимэ һайхан хүүни үри гээшаа-ла:
«Υндүри хүүни үри гээшау
Эндэ һууха юумүү?» — гэжи,
Һанан хэлэн байна-ла.

Упустили мы
Свою обильную дневную еду,
Свое обильное пропитание!» —
Так меж собою они говорили.
После этого
Прежний свой вид она обрела,
Снова румяной стала,
По широкой ханской дороге
Звонкой рысью она поскакала,
По [проторенной] народом дороге
Она помчалась, мелькая.
Проезжает одну долину,
Взбирается вверх по склонам —
И исчезает из вида.
Проезжает другую долину,
Спускается вниз по склонам —
И мчится дальше.

13

Вслед за тем:
Вскачь удаляясь,
[Агуй Гохон] увидела
Золотисто-желтую осину,
На мысу желтого моря выросшую.
Дотянувшись до неба,
Верхушка [осины] проросла вниз
И опустилась посередине —
Между [землей] и светлым высоким небом.
Вглядевшись, она увидела
Три толстые ветви,
На этих толстых ветвях
Три девицы сидят.
Сидят они, покачиваясь,
Как камыш бессуставный,
Сидят они, сияя,
Как солнце в безоблачном небе.
От блеска их левых щек
Восточная гора, говорят,
Ярким светом сияет,
От сиянья их правых щек
Западная гора, говорят,
Чудным светом светится.
Вслед за тем:
«Неужели эти красавицы — дети людей?
Или это сидят
Дети небесных родителей? —
Думает она, спрашивает. —

«Үлгүнэйшье амитанай
Үри эндэ һууха юумүү?» — гэжи,
Һанан хүүнэн байнал-даа.
Һүриин шинээн
Шара хэдэгэнэ боложи,
Агуй Гоохон басаган
Гурбан ехэ һалаадан
Гаралдажи ошобол.
Нэгэшье басаганиин
Уйлажи һуубал-даа,
Уяражи һуубал-даа.
Хоёротхо басаганиин
Хэбы зугаа зугаалжи,
Хэтүйн яргал яргажил
Һуугааа гээшил юумэл-даа.
Гурабатха басаганиин
Дуулажи шуулажи һуубал-даа.
Мэтэр гэсэн бээрээ:
«Үндүртөө гараһан
Зонхон гээши байбау-та?
Үлгүндөө түрүһэн
Амитан байна гээшүү-тэ?
Хаан хүүни
Үри гээши байнуу-та?» — гэжи-лэ,
Һуран хүүнэн байнал.
«Үндүры зонхон гээши бэлэйльди!»
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
«Хаан Бүргүд шубуунай
Гурбан басагад байнальди!» — гэжи-лэ,
Хэлэн хүүнэн һууна-ла.
«Хаан Бүргүд баабай гээши манай-ла
Үлгүндө байнал-даа
Хорин гурбан толгойтой
Хоротой зүритэй могойлоор
Арбан гурбан елэй-лэ
Дайлалсаа-ла бэлэй-лэ.
Дарагдаха боложи
Байхадаа юумэ-лэ
Гурбаншье үриеэ
Идюулхэеэ үгүши
Бээ гараа юумэ-лэ. . .» —
Гэжи хэлэбэл-даа.
Мэтэр гэсэн бээрээ:
«Хорин гурбан толгойтой
Хоротой зүритэй могойтнай
Али зүгһээтнай ерэхэ юумэб?» — гэжи,
Һуран хүүнэн байбал-даа.
«Малагааршанай нарани
Мандан хөөрэн гархадан,

Или это сидят
Дети земных существ?» —
Думает она, спрашивает.
Обернувшись желтой осой
Величиною с юрту,
Агуй Гохон-сестрица
[На осину] взлетела
И опустилась на эти толстые ветви.
Одна девица,
Горюя-плача,
Сидела в печали,
Вторая девица
Сидела и сказывала
Старинные сказы
О жизни веселой, счастливой.
Третья девица сидела
И громко пела песни.
Вслед за тем:
«Или вы люди
Небесных родителей?
Или вы люди
Земных существ?
Или вы дети
Хана какого?» —
Так она расспрашивала.
«Мы — небесные люди —
Так они говорили-сказывали. —
Мы три дочери
Хана Орла-птицы! —
Так они говорили-сказывали. —
Отец наш Хан Орел
Целых тринадцать лет
Бился-сражался
На широкой земле
С двадцатитрехголовым
Ядовитым змеем.
Когда наш отец в бою ослабел
И стал поддаваться,
Чтобы спасти себя,
Отдал ему на съеденье
Трех своих дочерей!..» —
Так они говорили.
Вслед за тем:
«С какой стороны появиться должен
Двадцатитрехголовый
Ядовитый и злобный змей?» —
Так она узнавала-спрашивала.
«Завтра утром,
Как только начнет всходить

Үглөөшанай
Үлгүн шара нарани
Үндүйхүжи гархадан,
Үндүр уулайн толгойдо
Мандан хөөрөн гархадан
Хорон зүүрэн хоёртон
Шара далай гээши-даа
Сагаан хөөһөөр бусалхал,
Уһан хара далай гээши-лэ
Улаан хөөһөөр урбалдажи,
Хорон зүүрэн хоёртон
Байха юүмэ гэнэл-даа.
Алтан бүдүүн уляаһаймнай
Арбан гурба гарихалажи,
Хэбтхү юүмэл-даа! — гэжи,
Хорин гурабан толгойн
Улам дээшээ гарахал-даа,
Һуузалзажи ябахал-даа.
Үндүрэйшье ахай гээши
Адали юүмэ гээши байна,
Үлгүнэйшье ахай гээши
Адали юүмэ байнаши!» —
Хэлэн хүүнэн һууна-ла.
«Һухэтэй хадаа
Сабшилдажи үзэйшэ,
Һүбэтэй хадаа
Шүүбэрьлэжи үзэйшэ!
Шиихэн хүбүүн
Үлгүнэй ахай хадаа
Али далайн хаяада,
Али хадайн хормойдо
Түрүһүн гараһан ахайбши?» — гэжи,
Һуран хүүнэн байнал-даа.
«Зүүнэй зүгтү түрөөльби,
Зөгэй зөөлүн дайдада
Табун хүлүр уулаяа
Таляан дээрэн түрөөльби,
Тайгүйн хүйтүн булагаа
Узуур дээрэн бодоольби,
Аламжи Мэргэн хүбүүн гээши
Нэрэ солом байнал-даа!» —
Хэлэн хүүнэн һуунал-даа.
«Баруунай
Багай холо дайдада
Тулахаяа ябаальби.
Хүйтү сүйтү хүүндэ-лэ
Хүрэхээ ябаһан
Хүүниин-элэ бэлэйльби!..» —

Круглое красное солнце,
Как только
Оно поднимется,
Как только оно появится
Из-за гребней высоких гор —
Забурлит желтое море,
Вскипит белою пеной
От яда — отравы змеиной.
Воды черного моря
От яда — отравы змеиной
Вскипят красною пеной —
Так, говорят, будет.
Тринадцать раз обовьет [змей]
Ствол золотой осины,
Прижавшись к нему, уляжется.
Двадцать три головы [змея]
Станут тянуться вверх,
Извиваясь, вытягиваясь.
Ты бы по виду мог сойти
За небесного юношу,
Ты бы по стати мог сойти
И за земного юношу —
Так они говорили-сказывали. —
Если есть у тебя топор,
Попробуй его изрубить,
Если ты сметлив и умен,
Поразмысли, как быть!
Если ты, удалец,
Сын широкой земли,
Где же ты появился-родился? .
На берегу какого моря?
У подножия какой горы?» —
Так они узнавали-спрашивали.
«На [земле] стороны восточной я родился,
На благодатно-мягкой земле,
У подножий пяти высоких гор
Я родился,
У истока таежного студеного родника
Я вырос-поднялся.
Зовут меня
Аламжи Мэргэн молодой! * —
Так она говорила-сказывала. —
Я еду биться-сражаться
В далекую землю
Дальней западной стороны.
Я тот человек,
Который добирается-едет
К своей суженой» —

Хэлэн хүүнэн һуунал-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Ара уулайн толгойдо
Гаралдажи талиибал.
Ара уулайн толгойдо
Тайгуйн тажи эреэн шүнүһэйе
Узуураарин хуу татан абалайл.
Шорой юумэйн тоншорбо,
Намаа юүеын шобторжи
Барилдажи һуунал-даа.
Манагааршанай байнал-даа,
Мандан шарга нарани
Мандан хөөрөн гархадан
Уһан хара далай-ла
Улаан хөөһөөр бусаллайл,
Шара ехэ далай-ла
Сагаан хөөһөөр сахарьлайл. . .
Хорин гурбан толгойтойл
Хорто шорто могой гээшин
Гаралдажи ербэл-даа.
Алтан шара уляаһэй
Арбан гурба гарьхалжи
Урёөлдожи хэбтэлэйл.
Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
Хорин гурбан толгойн
Улам дээшээ
Ангалзажи гарабал.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Ара уулайн толгойдо
Хаpалдажи һуубал-даа.
Тайгуйн
Тажи улаан шүнүһүнээ
Узуур дээрэн шибшилэйл,
Үзүүр дээрэн уншаба:
«Үхэхү яаха хадамни
Үйхүн түмэ гарьяарайш!» —
Хэлэн хүүнэн һуунал-даа:
«Ажи ябаха хадамни
Хорин гурбан толгойтой
Хорото шоротой могойе
Хорин гурбан толгойеын
Хуу татан дайражи,
Хоор найман сэмэгэйн
Бута бала дайражи,
Хорон зүүрэн хоёроо
Уһан хара далайдаа угаажи
Үйхэн түмэ арилаарайш!» —

Так она говорила-сказывала.
Вслед за тем:
« Аламжи Мэргэн молодой»
На вершину
Северной горы поднялся,
На вершине северной горы
Вырвал с корнем
Таежную кряжистую лиственницу.
Землю [с корней] отряхнул,
Хвою [с ветвей] смахнул —
Так ее он очистил.
Назавтра утром,
Как только красное солнце,
Поднимаясь, выплыло —
Воды черного моря
Вскипели красною пеной,
Огромное желтое море
Вскипело белою пеной. . .
Вылез из моря
Тот ядовитый змей
Двадцатитрехголовый,
Подполз он
К золотисто-желтой осине,
Обвил он ее тринадцать раз.
Вслед за тем:
Двадцать три его головы,
Пасти разинув, —
Стали тянуться вверх по дереву.
« Аламжи Мэргэн молодой»,
На вершине северной горы сидя,
Все видел и примечал.
Он шептал над корнями,
Он бормотал над верхушкой
Могучей, кряжистой
Таежной лиственницы, [ее заклиная]:
« Если мне суждено умереть,
Исчезни в безвестной тьме —
Так говорил-сказывал он. —
Если мне суждено жить —
У этого ядовитого змея
Двадцатитрехголового
Снеси подряд
Все двадцать три головы,
Разбей вдребезги
Все восемь трубчатых костей,
Сама же отмойся от яда
В водах черного моря
И исчезни в безвестной тьме!» — [сказав],

13 Заказ № 232

Олбоородожи орхёбо.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Хоор найман сэмэгэйеын
Бута бала дайражи
Унагаажи орхёлойл,
Хорин гурбан толгойеын
Хуу таhа дайражи
Арилажи талииба.
Дайлаши үгэй дайниин
Дайлажи байба-даа,
Булигдахгүй дайниин-лэ
Булижи, унагаажи орхёбол!
Гурбан-ханай басаганай хажуудан
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Ерэлдэжи байнал-даа.
Гурбан-хани басаган
Гурбан тээhээн ерэжи
«Ахай, мэндүү!» — гэжи,
Хүзүүдэжи байбал-даа.
«Ахай, манда
Айшилажи гарэйта!» — гэжи,
Гурбууландаа хүтүлүлдэжи байбал-даа.
«Айшилажи ошходо
Туха үгэй ябаальби!» —
Хэлэн хүүнэн байна-ла.
«Хүйтү сүйтү хүүндэмни
Олон хүригэн
Хүригэлэжи байгаа юумэл-даа.
Үтэр мэндээтэй
Түргэн ябаа юумэльби!
Гэртээ доомодоо харижи
Баабайдаа хэлээрэгтүн!» — гэбэл-даа:
«hай хүүлээби гэжи hанаа hаадаа,
Хойноhоо мини оштогой! гээрүйтүн
hаара хүүлээби гэжи hанаа hаадаа,
Гэртээ доомодоо hуугуужин-даа!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн байна-ла.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Ара гэрээн баруулжаа
Хаанай ханха харгүйяар
Ханхинажи хатаржи
Ошоо гэhэниин тэрэ-лэ.
Хан Бүргүд шубуунайн
Гурбан hайхан басаганиин
Гурбууландаа хүтөрөлдөжи,
Огторгондоо,
Хан Бүргүд баабайдаа
Харижи-ла талиибал.

Швырнул [ту лиственницу].
Вслед за тем:
Все восемь трубчатых костей
[Как] стрела, разбила вдребезги,
По земле раскидав,
Все двадцать три головы
Она снесла подряд —
И улетела вдаль.
Непобедимого врага
Он одолел в бою,
Неодолимого врага
Он сокрушил-победил.
«Аламжи Мэргэн молодой»
Тут же подходит
К трем сестрам-девицам —
Три девицы
Его с трех сторон обступили,
Обняли и сказали:
«Здравствуй, наш старший брат!»
Втроем, взяв его под руки,
Они говорили:
«Старший наш брат,
Поедем к нам в гости!»
Он так говорил-сказывал:
«Нет у меня времени
Быть вашим гостем.
Говорят, к моей суженой
Женихов понаехало много.
Я тороплюсь —
Ехать давно пора!
Вы домой возвращайтесь,
Обо всем своему отцу расскажите,
Если решит, что я добро ему сделал,
Пусть следом за мной прибудет,
Если подумает, что зло я ему причинил,
Пусть остается дома!» —
Так он говорил-сказывал.
Вслед за тем:
«Аламжи Мэргэн молодой»
[На коне] звонкой рысью умчался
От дома родного в сторону запада
По широкой ханской дороге —
Так это было.
Три дочери-красавицы
Хана Орла-птицы,
Взявшись за руки,
Полетели втроем
В небеса
К отцу своему Хану Орлу.

13 Заказ № 222

Хан Бүргүд шубуун баабай гээшин,
Хан Бүргүд
Шубуун баабай гээшин,
Хараһан-ла бэеэрээ
Харанхалха болобо,
Гурбан һайхан үриеэ
Тэбэрижи байбал-даа.
«Дайлаши үгэй дайеымни
Үлгүни хүбүүн дайлабуу?
Дараши үгэй бэрхэ юумэйе
Үндүрэй хүбүүн дарабуу?» —
Гайхан һуран байба-ла.
Гурбан-ханай басаганиин хэлэбү:
«Үндүрэйшье ахай адали байнал,
Үлгүнэйшье ахай адали байнал!
Үлгүнэй ахай дайеымнай дарабал!» —
Гэжи хүүнэн байнал-даа.
«Зүүнэй зүгэй дулаан дайдада
Гараа түрөө байнал-даа,
Аламжи Мэргэн хүбүүн гээши,
Ахай хүбүүн байнал-даа,
Дайеы манай дарабал!
Гурбан һайхан үримни
Үлгүнээ һайхан ахаяа
Гэртээ доомдоо асаржи
Айшилуулхаа яагаабта?» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Маншиг, маншиг иргэши
Танихгүй, хэрһээхгүй
Ахай ябанаһан-даа!» — гэжи,
Гурбан басаган хэлэнэл.
«Баабай шамай хадаа-ла
һай хүүлээби гэжи һанаа хадаа
Хойноһоо мини ошожи
Нэгэ хүүрээ хэлтүгэйг,
Нэгэ зугаа зугаалтугайг! — гэжи,
Хэлээ захяа бэлэйл-даа!» —
Хэлэн хүүнэн байнал-даа,
Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
Хан Бүргүд шубуун гээши
Аянгаяа ядалай,
Уянгаяа бидэрлэй.
Сагаа мүнгүн гооронсдоо
Эгээн дээдэ захадан*
Гаралдажи ошобол.
Шубуун хурдан хубсаһаа
Хубсалажи байбал-даа.

У отца их, Хана Орла,
Того самого
Хана Орла-птицы,
Дочерей своих увидевшего,
Потемнело в глазах.
Он обнял
Трех милых своих дочерей.
«Непобедимого врага моего
Сын ли земли одолел?
Неодолимого врага моего
Сын ли небес победил?» —
Он спросил в изумлении.
Дочери отвечали:
«Он подобен небесному сыну,
Он похож и на сына земного!
Сын земли нашего врага победил! —
Так они отвечали. —
Аламжи Мэргэн молодой
Появился-родился в земле восточной,
На мягкой, благодатной земле.
Это он, удалец отважный,
Нашего врага победил».
«Милые мои дети,
Почему же не пригласили вы
Этого доброго сына земли
Погостить в нашем доме?» —
Так он говорил-сказывал.
Вслед за тем:
«Это такой удалец,
Что с такими, как мы,
Не знается, не считается! —
Так дочери отвечали. —
А тебе, отец,
Он передать наказывал:
Если решишь, что добро он тебе сделал,
Тогда ты за ним последуешь,
Чтобы поговорить вдвоем
И обменяться песней» —
Так они говорили-сказывали.
Вслед за тем:
Хан Орел-птица,
Не зная, как ему быть,
Ищет выход [из положения].
Он поднимается
На почетное место
В горнице из белого серебра.
Одеянье легкое, птичье
На себя он надевает.

Эсэгэ Малаан баабаяа
Баруун ханэйн шагаабарьтан һуужи-ла
Гурбан сагаан сүүтхэдээ-лэ
Бархиражи мүргүлэйл.
Эсэгэ Малаан баабай гээши:
«Хан Бүргүд шубуун гээши
Тэнэгэлээ байна!» — гэжи,
Ширээһээн-лэ мултарбал,
Шижимэһээн ходорожи,
Шагаабарьтаа ерэжи,
«Хан Бүргүд шубууни,
Яагаа хэргээб,» — гэжи,
Һуран хэлэн байба-ла,
«Эсэгэ Малаан баабай,
Баабай гээши байналши!
Үлүгэни хүбүүн гээши,
Аламжи Мэргэн ахай гээши-лэ
Дайлаши үгэй дайеым-ла
Дайлажи даражи үгөөл-даа,
Дархалажи үгөөл-даа!
Тэрэ хүбүүн гээшил-даа
Баруунай багай холо дайдада
Хүйтү сүйтү хүүндээ
Хүрүхэеэ ошоол-даа.
Тэрэ хүбүүе-лэ хойноһоон
Ошхоо, уулзахаяа байнальби.
Эсэгэ Малаан баабай-ла
Хоёр хошуу хүбүүни
Һүнэһэйн заяажи үгэйши!» —
Гэжи байжи мүргүнэл.
Эсэгэ Малаан баабай-ла
Алиганай шинээн саарһанда
Хоёр хошоо хүбүүни
Һүнэһэйн заяажи үгүбэл.
Хан Бүргүд шубуун гээши
Ара гэрээн баруугшаа
Арилажи талиибал.
Баруун ехэ даляараа
Барууни тэнгэры шүргөөжи,
Ниидэлдэжи талиибал.
Зүүхэн ехэ даляараа
Зүүни тэнгэры шүргөөжи,
Ниидэлдэжи талиибал.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Нэгэ байһан ялгэйе
Уруудажи ябахадан
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Һажилдажи ябалайл-даа

У окна правой стены
С плачем-рыданьем
Трое суток, плача, взывает
К Эсэгэ Малан-бабаю.
Эсэгэ Малан-бабай:
«Не с ума ли сошел
Этот Хан Орел-птица?» — сказав,
Сошел с престола,
Спустившись с сиденья,
К окну подошел
И спросил-вопросил:
«Что с тобою случилось,
Хан Орел?»
«Эсэгэ Малан-бабай,
Ты же отцом нашим зовешься!
Сын земли,
Аламжи Мэргэн славный,
Одолел, победил
Непобедимого моего врага,
Укротил его!
Удалец этот отправился
В дальнюю западную сторону,
Чтоб повидаться
Со своей суженой.
Я еду следом,
Чтобы встретиться с ним.
Эсэгэ Малан-бабай,
Сотвори дýши
Двух детей-близнецов!» —
Так он молил.
Эсэгэ Малан-бабай
Сотворил души детей-близнецов
И подал их на листке
Величиною с ладонь.
Хан Орел-птица
Полетел в сторону запада
И скрылся из виду.
Летит он, скрываясь вдали,
Правым большим крылом
Западного неба касаясь,
Летит, скрываясь из виду,
Левым большим крылом
Восточного неба касаясь.
Вслед за тем:
Когда Хан Орел пролетал
Над одною долиной,
Ему повстречался
«Аламжи Мэргэн молодой».

Морин дээрээ һуужи-ла.
Урайгшаа һажижи
Урада бүүргээ
Манъялаяара мүргүжи,
Унталдажи ябана.
Хан Бүргүд шубуун гээши-лэ:
«һайн эрэ хадаа-ла
һэрьхээ мэдхү бэйзэш! — гэжи,
һаар эрэ хадаа
һэрьхгүй унтха бэйзэш!» — гэжи,
Шодоной хурдан үдөөрөө
Дайраха үгэй боложи,
Арилажи талииба.
Аламжи Мэргэн хүбүүн гээши-лэ
Сошилдожи һэрилэйл-даа.
һэрилдэһэн бэеэрээ
Хормогоһоон ходолбо,
Хонгор шара үүтхээ
Ходоложи гаргалайл.
Хэсэ дээрэн хэлэжи байбал,
Оноо дээрэн уншажи байбал:
«Хүсээ-лэ болоо хадаа
Үндүрэй хүүе хадан
һалаа үгэй үлдэхэш,
Үлүгүнэй хүүе хадан
Үлүгөөрин үлдэхэш!
Хара ехэ далайяа
Оёортоно оро̄ хадан
Оёороорин үлдээриш!»
Хан Бүргүд шубуун
Юһүн гүрүм огторгойе эрьюулжи,
Арилажи талиибал.
Хүсэгдэхү болобуу!..
Хатан ехэ дайдаяа
Үнсүгөөрин харайбал.
Хүсэгдэхү болоходоо
Ядан гэжи ерэжи,
Саада бэедэн оробол-даа.
«Хүбүүн, нүхүр, танил! — гэжи,
Энээнээ, нохой, бариши!» — гэжи,
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Хабхашилжи барижил,
Хоромгодоо хатхажи
Байрандани байлгабал.
Хан Бүргүд шубуун гээши байна-ла,
һай нүхүр мэндэ гэжи,
Баруун гарын барижи
Баабайн мэндэй хэлсэлэйл,

Сидя в седле,
Он дремал, склоняясь вперед,
Ехал, на ходу засыпая,
Лбом ударяясь
О переднюю луку седла.
Хан Орел-птица сказал:
«Если ты сильный мужчина,
Сам проснешься сейчас,
Если ты слабый мужчина,
Будешь спать, не просыпаясь!»
И, не коснувшись его
Острым пером крыла,
Пролетел мимо.
«Аламжи Мэргэн молодой»,
Вздрогнув, тут же проснулся.
Сон стряхнув,
Выдернул из колчана
Свою могучую
Ярко-желтую стрелу.
Он шептал над ее наконечником,
Он бормотал над зарубкой, [стрелу заклиная]:
«Если ты погонишься
За небесным человеком,
Его преследуй, не отставая,
А человека земного
На земле преследуй!
Если спустится он
На дно огромного черного моря,
То и на дне преследуй!»
Хан Орел-птица
Закружил в девятиярусном небе *
И исчез вдали.
Вот-вот [стрела] настигнет его. . .
Мчится [Хан Орел-птица]
Из конца в конец великой священной земли.
Когда [стрела] настигать его стала,
Кое-как он увернулся,
[Стрелу] вперед пропустив.
«Друг, удалец, знакомец!
Да уйми ты, собака, эту стрелу!» — сказал он.
«Аламжи Мэргэн молодой»
Накрыл, поймал [стрелу]
И, воткнув ее в свой колчан,
Вернул на место.
Хан Орел-птица со словами:
«Здорово, друг-приятель!»
Правую руку ему пожимая,
О здравии отца спросил,

Зүүнхэн гарын барижи
Зүрхэнэй мэндэ зугаалбал.
Садхан мүнгүн дааһанда
Сармай улаан тамхияа
Андалдажи татаба.
Мэтэр гэһэн бэеэрээ:
Урай байһан юумэйе
Удалажи зугаалба.
Эртэнэй байһан юумэйе
Эрьюүлэжи зугаалбал.
Хүүндэ һай хэһэн-даа
Үе соогоо мартагдаахгүй! — гэжи-лэ,
Хан Бүргүд шубууниин,
«Минии шинии олзо-ло,
Гары бэлэг асараальби!» — гэжи,
Алиганай шинээн сааһаа
Гарагажи үгүлэйл.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Дуудан дурьлан байбал-даа.
Хоёр хошоо хүбүүни
һүнэһэй заяагаа гэжи
Дуудан дурьлан байбал-даа.
Эсэгэ Малаан баабай-ла
Хоёр хошоо хүбүүни
Аламжи Мэргэн хүбүүндэ
Заяагаа гэжи дуудалайл.
Агуй Гоохон басаган
Буруу тээшээ харажи
Мишигэд гэжи неэжи-лэ,
Баруун ехэ хармаандаа
Уруулажи хадалгажи
Орхёһониин тэрэл-даа.
«Нүхүртөө туһа хүргүһэн
Үедээ туласа туһатай-ла!» —
Хэлэжи хүүнэжи зугаалбал.
«Удараши үгэй-лэ
Андатай байе-лэ!» — гэжи,
Зугаалажи һуубал-даа.
«Таһарши үгэй-лэ
Танилтай болоё,» — гэжи-лэ,
Зугаалажи һуунал-даа.
Хан Бүргүд шубуун гээши
Хэлэн хүүнэн һуунал-даа:
«Нүхүр хүбүүн байналши,
Малагааршанай наранда,
Урай шини байнал-даа,
Нэгэ бэрхэ дайсанда
Хүрэхээ байналши!

Левую руку ему пожимая,
Лучшим приветом его приветствовал.
Обменялись друг с другом
Самым крепким табаком
И закурили они латунно-серебряные трубки.
Вслед за тем:
[Дни] прошедшие вспоминая,
Они беседовали,
[Дела] минувшие перебирая,
Они беседовали.
Хан Орел-птица сказал:
«Вовеки не забывается
Человеком сделанное добро.
Вот тебе добыча моя:
Рукой [написанный] дар я принес!»
И подает [Хан Орел-птица]
Бумагу размером с ладонь.
Аламжи Мэргэн молодой
Читает ее вслух:
«Судьбой предначертаны души
Двух близнецов».
В ней он читает:
«Волею Эсэгэ Малан-бабая
Суждено родиться
Двум близнецам
У Аламжи Мэргэна молодого».
Агуй Гохон-сестрица
Глаза отвела в сторону,
Про себя усмехнулась
И быстро [бумагу эту]
Спрятала тут же
В правый большой карман.
Она так говорила-сказывала:
«Если ты другу помог,
Во веки веков поддержкой-опорой тебе он будет.
Станем отныне
С тобой побратимами —
Так она говорила, —
Останемся навсегда
Друзьями неразлучными» —
Так она говорила.
Хан Орел
Так говорил-сказывал:
«Вот что, приятель,
Завтра с утренним солнцем
Впереди на пути своем
Ты повстречаешься
С жестоким, коварным врагом!

Тоохон үгэй торхошни,
Тологой үгэй гартахаш!
Ядалдаха барагтаа
Аман шүдүн хоёртоо
Хан Бүргүд шубуун
Нүхүрөө дурадажи мэдээрэйш!»
Мэндэйн сайхан мэндээрээ
Мэндэшилжи байба-даа:
«Ябаһа-лан газартаа
Яргалтаяар ябэйши,
Зориһон газартаа
Золотоёоро ябэйши!..»
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Хоёр тээшээ хахасжи,
Һалалдажи талиибал.

14

Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Хаани ханха харгүйда
Хатаражи талиибал.
Манагааршанай нарани
Мандажи шаражи гархадан
Огторголоор хэлсэмэл
Ургамал сагаан хадада
Тулалдажи байбал-даа.
Тэнгэридэ хүрүмө
Тэбхэр сагаан хадада
Тулалдажи байбал-даа.
Дээдэ-ханай бэеэрын
Тураг ехэ шубууниин
Дэбижи гархгүй байнал-даа,
Доодо-хани бэеэрын
Туруутайлан галданиин
Туулажи гархгүй хабсагай
Урагажи байбал-даа.
Нариихан Шарга мориниин:
«Эжин хүйхүр хадаа-ла
Хабшихаяа мэдэ-даа!
Морин хүлөө хоёр-даа
Харайхаяа мэдэг-даа!»
Хоногшоёо газарһаа
Сухарижи ошобол,
Харайлдажи талииба:
Урида хоёр хүлөөрөөл
Сахир сагаан хадаяа
Орой дээрэн гэшхэбэл,
Хойто хоёр хүлөөрөө

Ты споткнешься на нем,
Он легко одолеет тебя.
Если станет тебе тяжело,
Шепни мое имя,
Призывая на помощь друга,
Хана Орла-птицу!»
Лучшими словами привета
Его он напутствовал:
« На пути своем
Счастливым будь!
В стремленьях своих
Удачливым будь!»
Вслед за тем:
Расставшись друг с другом,
Разъехались они в разные стороны.

14

« Аламжи Мэргэн молодой»
Ускакал рысью
По широкой ханской дороге.
Назавтра, когда поднялось
Красное утреннее солнце,
Вплотную подъехал он
К высокой белой горе,
Вознесшейся до небес.
Вплотную подъехал
К квадратной горе,
Вознесшейся до небес.
Через вершину той горы
Перелететь не в силах
Даже исполинская птица,
По подножию ее не пройдет
Даже лучший скакун —
[Такая] отвесная крутая скала
Там вздымалась.
Стройный соловый конь [сказал]:
« Хозяин мой удалой,
Держись покрепче,
А твой скакун
Перепрыгнуть [гору] сумеет!»
Отъехали они назад
На расстояние ночевки,
Рванувшись, конь прыгнул:
Передними ногами
Зацепился он за верхний уступ
Сверкающей белой скалы,
Задними ногами

Тэгэнэжи гэшхэжи
Тээгэлэжи байбал-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Доошоошье буухал-даа
Шүүбэри үгэй байбуу бэй,
Дээшээшье гараха
Арага үгэй байбал-даа.
Доошоо харажи байхадан
Долоон замби дайда-ла
Алиганай-дали боложи
Шаралхажи байбал-даа;
Үһан ехэ далай-ла
Зүүнэй-дэли боложи
Хүхүрхэжи харагдажи
Байгаа гэхэл юумэл-даа.
Ойниин ехэ эръебэ,
Ооһорын ехэ нарьдабал.
Аман шүдүн хоёртоо
Хан Бүргүд шубууе,
«Абар туһа хаанам?» — гэжи,
Хэлэн дурдан байнал-даа.
һэбхэн һэбхэн һалхин
Буулдажи байба-ла,
һэмэжи эрэен үүлэниин
Таталдажи бүрхээбэл.
Наратай байһан тэнгэрин
Нара үгэй болобол;
Хан Бүргүд шубуун гээши
Хажуудан ерэжи
Байгаа гэһэн юумэ-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Дали дээрээ
Моритойеын гаргажи,
Ядаа, ядаа гаргажи
Булад сагаан һабараараа
Сахир сагаан хадэйеын
һабардажи талиибал.
Тологой дээрэн гаргаба.
Булад сагаан һабарын
Бүтүгэдээ хүрсү элэжи,
Мухтайражи байбал-даа.
«Ударши үгэй
Уялгаяа түлөө,
Таһарши үгэй
Танилаа түлөө
Булад сагаан һабараа
Дууһабаб!» — гэжи,
Байба гэхэ юумаалами.

Уперся в выступ середины [скалы] —
Да так и завис.
Вслед за тем:
Не мог он
Спуститься вниз,
И выше взобраться
Не было у него сил.
Глянул он вниз:
Семислойная Замби-земля *
Величиной с ладонь
Желтеет,
Великие реки-моря,
Как тонкие иглы,
Синеют —
Такими они казались.
Закружилась его голова,
Ослабли его силы.
[Прошептал] он
Хану Орлу-птице:
« Где же твоя помощь-спасение!» —
Так говорил он, напоминал.
[Тут же] подул
Легкий-легкий ветерок.
Пестрые облака,
Собираясь, стали сгущаться.
На небе, блиставшем солнцем,
Не стало солнца:
То прилетел, —
Приблизившись,
Сам Хан Орел-птица!
Вслед за тем:
На себя еле-еле
Взвалил он [« Аламжи»] вместе с конем,
Цепляясь за камни
Сверкающих белых скал
Крепкими булатными когтями,
Стал взбираться,
Карабкаясь, на вершину горы.
Крепкие булатные когти его
Истерлись до основания —
До самой мякоти лап.
« Ради уговора
Нашего нерушимого,
Ради друга
Верного, неразлучного
Сгубил я
Булатные крепкие когти свои!» —
Говорил [Хан Орел-птица].

15

Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Ара гэрээн урайгшаа
Үбэри сагаан харгүйяар
Уруудажи талиибал.

Боро хоног болобо,
Шара наран болобай-ла.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Үлдөлдэжи һуухада
Буга ехэ һогоое
Барилдажи асаржи,
Шороложи идебэл.
Нариихан Шарга мориниин
Дүрбэн хара туруурая
Тулалдажи шагналайл.
Дүгнүгүрхэн тологоёо
Мундаа дээрээ хэжи-лэ
Шаганажи байбал-даа.
Нэгэ дэлим шихээрээ
Үлгүн сагаан дайдаяа
Хүриһэйн даран шагналайл,
Нэгэ дэлим шихээрээ
Үндэр сагаан тэнгэрын
Үүлэ тулан шаганбал.
Эжин хүйхүр хоёртоо
Хэлэжи хүүнэжи байбал-даа,
Мойһон хара нюдүнһөө
Мондогой хара нёлмоһуй
Мухарюулажи уярлайл:
«Малагаар шара нарани,
Мандан шара нарани
Мандажи хөөржи гархада
Дуудхабари дайсандаа
Хүрүхэеэ байнальди!
Уян хүүнэй байнал-даа
Уяраха дайсандаа,
Охор муухай хүүнэй-лэ
Тэхэрихү дайсандаа.
Ерэн гурбан далай-ла
Нэгэдэжи урадажи байнал-даа.
Захаяашье байнал-даа
Харагдахагүй далайл-даа!
Дээгүүриншье хархадам
Тураг ехэ шубууниин
Тэгэнэжи ябахада

15

Вслед за тем:
«Аламжи Мэргэн молодой»
В сторону юга
Южной светлой дорогой
Помчался от дома [родного]
И вдаль ускакал.
Пожелтело солнце,
Сгустились сумерки.
Вслед за тем:
Проголодавшись,
Поймал он и приволок
Большую изюбриху
И, [изжарив ее] на вертеле, съел.
Стройный соловый конь,
Четырьмя крепкими копытами упершись,
Стоял и прислушивался;
Положив на холку
Свою круглую голову,
Стоял и прислушивался;
Одно саженное ухо свое
К широкой чистой земле приложив,
Стоял и прислушивался.
Другое саженное ухо свое прижав
К облакам высокого светлого неба,
Стоял и прислушивался.
Из его темных,
Как черемуха, глаз
Крупные чистые слезы катились.
Он говорил-сказывал
Своему удалому хозяину:
«Завтра утром,
Когда взойдет, выплывая,
Круглое красное солнце,
Мы подъедем
К врагу смертельно опасному:
Слабый человек дрогнет —
Такой это враг,
Трусливый, жалкий
Назад повернет — такой это враг!
Девяносто три моря
Там, сливаясь, текут *,
Их берегов не видно —
Такие это моря!
Наверх посмотреть —
Даже птица *тураг* исполинская,
До середины добравшись,

Эсэлдэжи унанал;
Доогуурин хадаа байна-ла
Туруутайхан галданиин
Туулажи гархагүй гэжи,
Сухарижи байхал-даа!..»
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Үглөөшанай наранай
Үдэ харжи байхада,
Үндэр уулайн толого йдо
Мандан хөөрөн гархадан
Морин юүгээ унажи,
Модо юүгээ тохожи,
Ара гэрээн урайгши
Арилажи талииба.
Ерэн гурбан далайяа
Эрье дээрэн тулалайл.
Уруу худур зайжи-ла
Харгуйеын оложи яданал,
Өөдөө худар бидэржи,
Уламын оложи ядалайл.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Нарин Шарга мориниин:
«Эжин хүйхүр гэйши-лэ
Хабшихаяа мэдэйши,
Морин хүлхэн хоёрын
Харайхаяа мэдүүжим!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Хоногшоёо газарhаа
Тэхэрижи ошобол.
«Эжин хүйхүр
Хабшихаяа мэдэг-даа!
Морин хүлүг
Харайхаяа мэдэг-даа!
Ууhан ехэ уhанаймнай
Таталган ехэй мэдэг-даа,
Унаhан сагаан дайдамнай
hүнжин ехэй мэдэг-даа!»
Харайлдажи ошоhониин тэрэ гэлэй.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Урада ехэ эрьедэн
Сабахай сараа үгэйеэр
Харайлдажи гарабал-даа.
Нарин Шарга мориниин
Эжинииншье үгэйеэр
Эмээлииншье үгэйеэр
Харайлдажи байбал-даа.
Баруу нюдөөр уйлаба —
Байгал далай болгобо,

Падает, обессиленная.
Вниз [посмотреть] —
Даже скакун с [крепкими] копытами,
Не пытаясь их перепрыгнуть,
С пути повернет. . .»
Вслед за тем:
Как только взошло, поднимаясь,
Утреннее солнце,
Как только оно выплыло
Из-за гребней высоких гор,
[«Аламжи»], оседлав коня,
Вскочил на него
И умчался на юг
От крайнего дома.
Подъехал он к берегам
Девяноста трех морей.
Поехал он вниз по берегу —
Дороги там не нашел,
Повернул он вверх по берегу —
И брода он не нашел.
Вслед за тем:
Стройный соловый конь
Так говорил-сказывал:
«Хозяин мой удалой,
Держись покрепче,
А твой скакун
Перепрыгнуть сумеет!»
Отъехали они назад
На расстояние ночевки.
«Мой удалой хозяин,
Держись покрепче!
А твой скакун
Перепрыгнуть сумеет!
Одолеет он великую силу
Огромных наших морей,
Одолеет он великое притяжение
Родимой светлой земли!» —
Прыгнул [конь] — так, говорят, это было.
Вслед за тем:
На южный огромный берег
Перепрыгнул он
Без труда.
Но стройный соловый конь
Туда перепрыгнул
Без своего хозяина,
Без своего седла.
Заплакал он — из правого глаза
Байкал-море [наплакал],

14 Заказ № 222

Зүүнхэн нюдөөр уйлаба —
Зулхэ далай болгобо.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Үглөөшанай наранда
Үндүйжи хөөржи байхадан
Һөөрөгшөө тэхэржи харайбал.
Урда хоёр хүлөөрөө
Ерэн гурбан далайяа
Эрьеын гэшхэн уналайл,
Хойто хоёр хүлөөрөө
Ерэн гурбан далайда
Гэшхэлдэжи унабал.
Эжин хүйхүр хүбүүниин
Ерэлдэжи татажи,
Гарагалдажи байбал-даа.
Гарагажи байхада
Гайхал ехэй гайхаба:
«Эжин хүйхүр миниидаа
Ерэн гурбан далайяа
Урда гэжи һанаальби,
Ошоо гэжи һанаальби!..» —
Хэлэн хүүнэн байбал-даа.
«Ерэмүүд мини таһаржи,
Харайхадашни-лэ
Эмээлтээ ходоржи унааальби!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Ерэн гурбан далайяа
Эрьеэрин хүтүлжи
Өөдөө өхүжи талииба.
Хайшаа, хайшаа даражи
Хараан болхо гутаарын
Хайрадажи хэбтэлэй,
Ангалзаха аматай юумэ хэбтэлэй,
Гозолзохо хэлэтэй юумэ хэбтэбэл.
«Хаан хүүни үригши?
Хараса хүүни хүбүүнши!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн хэбтэбэл.
«Зүүнэй зүгтү гараальби,
Зүгэй зөөлүн дайдада
Гараа түрөө байнальби,
Аламжи Мэргэн хүбүүн гээши байнальби,
Хүйтү сүйтү хүндээ
Хүрүлдэхээ ябааальби!
Ерэн гурбан далайяа
Гаталхаяа яданам!..» —
Хэлэн хүүнэн байнал.

Заплакал он — из левого глаза
Лену-реку [наплакал].
Вслед за тем:
На другое утро,
Когда, выплывая, всходило солнце,
Конь прыгнул назад.
Двумя передними своими ногами
Ступил он на берега
Девяноста трех морей,
Двумя задними своими ногами
Оказался в воде
Девяноста трех морей.
Хозяин его удалой
К нему подбежал,
Стал его вытаскивать.
Когда он его вытаскивал,
Очень конь удивлялся:
«Я думал, хозяин мой удалой
Уже перебрался
На южные берега
Девяноста трех морей!» —
Так он говорил-сказывал.
Хозяин ему говорил-сказывал:
«Как только ты прыгнул,
Подпруги лопнули
И я свалился вместе с седлом!»
Вслед за тем:
Коня он ведет берегами
Девяноста трех морей,
Вверх поднимаясь, [видит]
Налима, лежащего на мели:
[Все вокруг] собой придавив,
Все пространство вокруг заняв,
Лежит он с разинутой пастью,
Лежит он с высунутым языком.
Лежа, так говорит-сказывает:
«Кто ты — ханский наследник
Или простых родителей сын?»
«Родился я в восточном краю,
В теплой, благодатной стране,
Там появился-родился я,
Аламжи Мэргэн молодой.
Я еду на встречу
Со своей суженой!
Никак не могу перебраться я
Через девяносто три моря!» —
Так говорил-сказывал он.

Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Ерэн гурбан хүшүүргэйеын
Отоложи асарба.
Хараан болхо загаһаяа
Ерэн гурбан хүшүүргээр
Гасан хүшин уруулба,
Ерэн гурбан далайдан
Ядаа гэжи уруулба.
Хараан болхо загаһаниин
Үрёөр ехэй хэлэжи байбал-даа:
«Гунжи үнеэе һааһаншни
Гурбан хотон болтогойг!
Гунтай хүбүүеын үргүһэншни
Гушин һаадаг дүүртэгэйг!»
Үрёөр ехэй хэлэбэл-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Хараан болхо загаһаниин:
«Ерэн гурбан далайяан
Хааниин бэлэйб!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
«Албата зонхон хоёроо
Тооложи томиржи байһаар-ла
Ерэн гурбан далайдаа
Ахимдан-ла илагдажи
Хайрадажи хэбтээльби,
Арабан гурабан елэду
Хайрадажи хэбтээльби,
Ангалзаха аматайхан,
Гозолзохо хэлэтэйхэн!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн байбал-даа.
Ерэн гурбан далайнгаа
Дундан ошожи байхамни,
Нюраган дээрэм гарайши!»
Амаражи байнал-даа.
«Урайгшаа мэтэр гэжи
Гараха юумэд байната!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн байна-ла.
Тэхэрижи ошожи,
Хараан болхо загаһаниин
Байгаа гэхэл юумэл-даа.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Хойто эрье дээрэһээн
Харайлгажи гаражи,
Хараан болхо загаһанаа
Нюрган дээрэ гэшхэбэл.
Тэрээнһээ-лэ сааши-ла
Саада урда бэедэн
Сабхай саргай үгэйеэр
Гаралдажи ошоһониин тэрэл-даа!

Вслед за тем:
[«Аламжи»] срубил и принес
Девяносто три рогатины.
И теми девяноста тремя рогатинами
Ее поддевая-сдвигая,
Ту рыбину, неохватную взглядом,
Сталкивать стал в девяносто три моря.
Кое-как столкнул он ее.
Та рыба, неохватная взглядом,
Сказала доброе благопожелание:
«Пусть от твоей коровы-трехлетки
Размножится скот на три загона,
Пусть у твоего сына трехлетнего
Полны будут [стрелами] тридцать колчанов!» —
Такое сказала доброе благопожелание.
Вслед за тем:
Та рыба, неохватная взглядом,
Так говорила-сказывала:
«Я хан-повелитель
Девяноста трех морей!
Пока я считал-пересчитывал
Всех своих подданных,
Был застигнут в пути отливом
Девяноста трех морей
И застрял на мели.
Лет тринадцать
Лежал я вот так на мели,
С раскрытым ртом
И с высунутым языком! —
Так говорила-сказывала [рыба]. —
Теперь поплыву на середину
Девяноста трех морей.
Забирайся на спину ко мне! —
Говорила она, отдыхая. —
Вам ведь нужно теперь
Перебраться на тот берег!» —
Так она говорила-сказывала.
Тут рыба, неохватная взглядом,
Назад попятилась,
Вернулась на прежнее место.
«Аламжи Мэргэн молодой»
С северного берега
Прыгнул и встал
На спину рыбе,
Неохватной взглядом.
После этого
Он легко, без труда
Перебрался на другой, южный [берег] —
Так это было!

16

Түүнэhээ сааши-ла
Далай Баян хаанай-ла
Байсан сүмү гээши-лэ
Харагдаха бартай болобо.
Шара далайн шанаада,
Хара далайн хаяада
Харагдаха барагтай.
Ара ехэ ханан-ла
Алта мүнгөөр яларбал.
Үбэр сагаан ханан-ла
Сагаа мүнгөөр яларбал.
Саарahанhаа сабсагаан,
Саhанаhаа ялдамхан
Харагдажи байнал-даа.
Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
Дүүрэн ехэ губеэртэн
Хурүлдэжи байбал-даа,
Дүрбэн шулуун шаасадан
Тулалдажи байбал-даа.
Наян алда бэетэй
Нарин Шарга мориниин
Үhэниини үзүүрээр
Миши холбон таталайл,
Үдэнэйни үзүүрээр
Нара холбон татабал!
Эйгэжи-лэ ябабал.
Эжин хүбүүниин
Хүбүүн бэши хүрдэни,
Эрэ бэши эрдэни
Болоо гээши байбал-даа.
Хүрзэйн шинээн шүдүтэй
Хүбүүн гээши болобол-даа,
Хүрин улаан шарайтай
Эрэ гээши болобол-даа.
Гушин гурбан базаарын
Голиин барин дугшибал,
Гурбан зуунхан алаабхиин
Үүдэйн барин гэшхэбэл.
Унаган хэли албатан*
Хараалдажи байха-даа:
«Энэ хаанда манай-ла
Хүригэн гээши ерэбэл-даа!»
Холо байhан амитаниин
hарагадажи харабал-даа,
Ойро байhан амитаниин
Ербээдэжи харабал-даа.

16

После этого
Показались
Дворцы и башни
Далай Баян-хана.
Показались они
На мысу желтого моря,
На берегу черного моря.
Их задние высокие стены
Сияли золотом-серебром,
Передние светлые стены
Сверкали белым серебром.
Казались они
Белее бумаги,
Ослепительней снега.
Вслед за тем:
[«Аламжи Мэргэн»] подъехал
К губернии той многолюдной,
Вплотную приблизился
К четырем каменным башням.
Со стройным соловым конем
Восьмидесятисаженным,
Кончиком подбородка
Сияние звезд притягивающим,
Высокою холкой
Солнечные лучи притягивающим.
Так подъезжали они.
Хозяин его удалой
Предстал [в этот миг]
Не человеком, а исполином,
Не мужем — сокровищем! *
Удальцом выглядел он.
С зубами, подобными заступу,
Мужем [крепким] выглядел он,
Румяным, красивым! *
Он проскакал посередине
Тридцати трех базаров;
Он прошел мимо дверей
Трех сотен лавок.
Миролюбивые подданные,
Видя его, говорили:
«Это жених прибыл
К нашему хану!»
Кто поближе к нему стоял,
Тот вплотную разглядывал,
Кто поодаль стоял,
Тот смотрел, поднимаясь на цыпочки.

«Эймэ хүбүүн гээшил-даа
Али далайн хаяада
Гараһан түрүһэн хүбүүн бэ?
Али уулайн хормойдо
Бодоһон түрүһэн хүбүүн бэ?» — гэжи,
Хэлсэлдэжи, гайхалдажи байбал-даа.
Далай Баян хаанай-ла,
Хадам баабая газаа
Хүрүлдэжи ошобо.
Бэжир мүнгүн сэргэдэн
Зогсолдожи байба-ла.
Мориноһоон буужи-ла
Нарин Шарга мориёо
Хүбэн татан уяжи
Орохижи байлгабал-даа.
Хадам баабай тээшээ-лэ
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Нахиг, нахиг гэшхэлжи
Ябуулажи талииба.
Гэшхэһэн газарһаан
Юһүн үнгүйн сэсэеын
Задаражи, урагажи
Найган надхан байба-ла.
Үхүлөжи гэшхэхү
Үргүлжи мүнгүн хэрэнсэйеын
Дамжилдажи арилажи талиибал.
Эрьенэй мүнгүн үүдэшын
Инеэлдэжи талиибал,
Хорин табан үүдэйеын
Хухалгаарин инеэбэл.
Оёор мүнгүн гооронсдон
Уруудажи ошобол.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Хадам баабай, мэндэ!» — гэжи,
Мэндэшилжи оробол-даа.
«Хадам эхэ, мэндэ!» — гэжи,
Хадам эхээ
Мэндэшилжи байбал-даа.
«Али далайн хаяада
Гараһан хүбүүн гээшибши?
Али дайдайн хормойдо
Бодоһон хүбүүн гээшибши?» —
Һуралдажи байбал-даа.
«Зүүнэй-ханай зүгтү-лө
Зүгэй холо дайдада
Гараа түрөө байнальби,
Наян сайе газарта
Гараа гээши байнальби,

Удивляясь, все меж собой говорили:
«Что за удалец такой!
На берегу какого моря
Родился он, появился?
У подножия какой горы
Родился он, появился?»
[«Аламжи»] подъезжает
К дому своего тестя
Далай Баян-хана.
Он останавливается
У коновязи узорчатого серебра.
Он спешивается,
И, накрепко привязав [к коновязи]
Стройного соловово коня,
Оставляет его там стоять.
«Аламжи Мэргэн молодой»
Идет к дому
Своего тестя,
Ступая мягко и плавно.
Там, где ступал он,
Распускаться стали,
Клонясь и раскачиваясь,
Девять разных цветов.
По крутым ступенькам
Широкого серебряного крыльца
Он легко наверх поднимается,
Он открывает двери
Из серебра и перламутра,
Он раскрывает створки
Двадцати пяти дверей
И входит
В горницу с серебряным полом.
Вслед за тем:
«Здравствуйте, тесть-отец! —
Приветствует он тестя. —
Здравствуйте, теща-мать!» —
Тещу-мать
Он приветствует.
Они спросили:
«На берегу какого моря
Ты родился, сынок?
На окраине какой земли
Ты поднялся-вырос, сынок?»
«На стороне восточной,
В дальнем краю, неблизком
Я появился-родился!
На земле, до которой восемьдесят лет ехать,
Я появился,

Найман дүрөө дайдада
Түрөө гээши байнальби,
Табан хүлүр хадаяа
Таляан дээрэн түрөөльби,
Тайгуйн хүйтүн булагаа
Узуур дээрэн бодоольби.
Ара өөдөө бэльшихү
Арбан түмэн адуунай
Эжиниин болжи зонхёлбоб!
Ажи болон түрөөльби,
Ара бэедэ томирхо
Унаган хэли албатуйн
Хааниин болон зонхилжи
Түрөө гээши байнальби.
Эрьелтэйдэ бэлшихэ
Үйхүн түмүн адуунай
Эжиниин боложи яргажи
Түрөө гээши байнальби.
Үбэр бэедэ томирхо
Унаган хэли албатуйн
Хааниин боложи яргажи
Түрөө гээши байнальби,
Аламжи Мэргэн хүбүүн-лэ
Гараа түрөө байнальби,
Далай Баян хаагаараа
Хадам хэхээ ерэбэльби!»
  Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Татахада һунаха,
Табихада агшиха
Ташигай мүнгүн остоолоо
Табилдажи байба-ла.
Алта мүнгүн самбаарын
Бусалгажи асарба,
Арбан толигой саахараа
Буталажи табижи
Байгаа гэхэн юүмэл-даа.
Далан зүһүнэй идеэе
Зүһэ бэрин табинал,
Юһүн үнгүйн боодхойе
Дээжи бэрин табилайл.
Ташигай мүнгүн остоолоо
Тойрилдожи һуулай-ла.
Эмхир шимхэр идеэлбэ,
Эбир шибэр зугаалба.
Манагаарщанай наранда
Худайн зонхон хэлсэхэ
Мэнэн хүүрээ хэлсэжи
Эбир шибэр зугаалбал.

На земле с восемью седловинами
Я родился,
У подножий пяти высоких гор
Я родился,
У истока таежного студеного родника
Я вырос.
Я утвердился хозяином
Табунов в сто тысяч голов,
Пасущихся на северных склонах!
Я родился владельцем
Людей, мне подвластных,
Живущих на северной стороне.
Их хозяином
Я родился,
Родился и зажил счастливо,
Став владельцем
Многотысячных табунов,
На дальних склонах пасущихся.
Я родился и утвердился
Ханом и властелином
Своих подданных,
Живущих в южной стране.
Аламжи Мэргэн молодой —
Таким родился я, появился,
Сделать своим тестем
Далай Баян-хана я приехал!»
Вслед за тем:
Внесли и поставили
Широкий серебряный стол,
Потянешь его — он растянется,
Отпустишь его — сожмется.
Злато-серебряный самовар вскипятили
И принесли,
Десять головок сахара,
Расколов [на кусочки],
На стол поставили.
Выставили на стол
Все семьдесят кушаний,
Подали [гостю]
Водку девяти сортов.
Они уселись
За широкий серебряный стол:
Того-другого поели они,
О том, о сем побеседовали.
Долго они судили-рядили
И нужное слово сказали:
Наутро, с восходом солнца,
О сватовстве им сговор держать,

Зугаалажи байһаниин тэрэл-даа.
Манагааршанай наранайл
Мандажи хөөрөжи гархадан
Далай Баян хааниин бэй
Айлахан зоёо татаба,
Амитанхан зоноо гультхаба.
Буряад зонхон хоёрһоон
Һуран хэлэн байбал-даа:
«Эймээр түрүһэн, гараһан хүбүүгээр
Хүригэ хэхэдү яаха юумэб?»
Амитан зонхон хоёрын
Хэлэн хүүнэн байбал-даа:
«Эймээр түрүһэн гараһан хүбүүгээр
Хүригэ хээ үгэйгээр
Ямараар гараһан, түрүһэн хүбүүгээр
Хүригэ хэхэб?» — гэжи,
Хэлсэлдэжи байбал-даа.
Араяа барабаан сохёжи
Амитан зоёо таталайл,
Үбэрэй хэнгэргэйе дэлдэжи
Үбэрэй зойе таталайл.
Хони юүгээ алажи
Худа анда болобол.
Арахи тамахяа уужил-даа
Ураг тариг болобо.

17

Аршам утаараа болхогүй
Аршанайхан одёгон,
Далай Баян хаанай-ла
Анда танил одёгон,
Одёголожи уналай,
Һалтар һэлтэр мухарьлай:
«Далай Баян ханхамнай
Басаганшье хүүндэ-лэ
Басагаа үхүёө байнал-даа.
Мэхэлээшэндээ мэхэлүүлхэн,
Гохолоошиндоо гохолуулхан!»
Тииһэн яаһан хойно-ло
Энэшье басаганай
Баруун гарын долёобор
Хургабшида шинэһэ юумэл!
Зүүнхэншье нюдүниин
Зүүнэй һүбэдэ шинэһэ юумэл!..»
Мэнэн хүүрээ хэлэжи
Һалтар һэлтэр
Одёголожи байбал-даа.

О том у них был разговор.
Как только утром
Поднялось, выплывая, солнце,
Далай Баян-хан
Созвал всех улусных людей,
Собрал всех своих подданных.
И народ бурятский
Он вопрошал-спрашивал:
«Родившийся вот таким удальцом —
Годится ли быть зятем?»
И весь его люд-народ
Так говорил-сказывал:
«Уж если его, удальцом родившегося,
Зятем не сделать,
То кого же и брать
Нам в зятья?»
Так они меж собой говорили.
Ударили в «северные» барабаны,
Люд-народ собирая,
Ударили в «южные» бубны,
Южный народ созывая *.
Закололи они баранов,
Вином, табаком угощались.
Стали они отныне
Сватами и родственниками.

17

Маленькая шаманка
Ростом меньше аршина,
Близкая к дому
Далай Баян-Хана,
Стала шаманить, упав на землю,
Забилась, задергалась, [так говоря]:
«Наш Далай Баян-хан
Дочь собирается
Отдать за девицу,
Обманщики собрались обмануть его,
Хитрецы хотят обхитрить его!»
Потом сказала:
«У этого „жениха“
Указательный палец на правой руке
От наперстка истерся!
Левый глаз от ушка игольного
Ослабел, притупился!»
Заветное слово сказав,
Забегала, затряслась,
В исступленьи шаманя.

Далай Баян хааниин-ла
Гайхал ехэй гайхаба.
Аламжи Мэргэн хубуунииин
Оёор мунгун гооронсдоо
Оролдожи ошожи,
Оёор бэедэн байбал-даа
Зуунхэн захайн таһалгаар
Далай Баян хаанай-ла
Ухэһэни бодхохо,
Угэйрһэни баяжуулха
Булад Хуурай басаган,
Хурагандаа хубитай,
Эрихиидээ эрдимтэй
Зуунхэн захайн таһалгаар
Уруу өөдөө гэшхэлбэл,
Зуунхэн хасарын гэрэлдэ
Зуунхэн ханан толотбол,
Баруун хасарын толондо
Баруун ханан толотбол!
Уе угэй хулаһаншиг
Найгун надхан гэшхэлбэл,
Улэ угэй наранш иг
Яларажи гэшхэлээл!
Далай Баян хааниингуй
Малагааршанай наранда
Газарай Гахай бухуду
Барилдуулхам гэжи-лэ
Элигэхэм гэжи
Хуули ехэй эсхэбэл.
Арбан тумэн адууһаан
Гурбан сагаан елдэ-лэ
Эрмигшижи таргалһан
Байтаһан гууе асаржи
Алуулхажи байбал-даа.
Арьбан далан хиидэбэл!
Малагааршанай удэртэн
Найман харгай мориие
Найман мунгун мөөрөтэй
Нахир хонхор хореэтдон
Ухуряагаариин хуллуулжи
Газари Гахай бухуду
Илегуулэжи байбал-даа.
Газарай Гахай буху гээштэ
Ошолдожи татуулба.
«Далай Баян хаанхан гээшитнэй
Намалаара барилдаха
Ямар хуригэй хуригэлбэб? —
Һуран хуунэн һуунал-даа.

Удивляется очень
Далай Баян-хан.
«Аламжи Мэргэн молодой»
Входит в горницу
С серебряным полом.
В дальней комнате дворца,
В комнате на левой его стороне
Булад Хурай-девица находится,
Дочь Далай Баян-хана.
У нее чудотворные пальцы,
В пальцах ее волшебная сила:
Ими может она оживить мертвеца,
Обогатить бедняка.
Она ходила взад и вперед
По комнатам левой стороны дворца.
От сияния левой ее щеки
Левые стены блистали,
От блеска правой ее щеки,
Правые стены сияли!
Как камыш молодой и гибкий *,
Плавно она ступала,
Как солнце в безоблачном небе,
Она сияла!
Далай Баян-хан
Твердо повелел:
Завтра утром
Отправить [гонца]
За силачом земли Гахай,
Чтобы он поборолся [с Аламжи Мэргэном].
В стотысячном табуне изловили
Гулевую кобылицу.
Три года подряд
Вволю гуляла она на просторе.
Закололи ту кобылицу —
Жиру из нее вышло уйма!
На другой день
Запрягли парами
Восемь коней [для дальней] дороги
В пружинящую приземистую карету *
На восьми серебряных колесах
И отправили ее
За силачом земли Гахай.
Как только прибыли на место [посыльные],
Позвал их силач земли Гахай.
«Этот ваш Далай Баян-хан
Какого такого сыскал жениха,
Чтобы со мной бороться? —
Выспрашивал-спрашивал он. —

Намалаара барилдаха юумэ
Үлүгүндү мэдээ угэйб! — гэбэл-даа.
Үндүрүтү байнал-даа
Тэнгэриин Түмур бухү гээши-лэ
Наматай нэгэ бага
Туламахаар хүбүүн-лэ!» —
Хэлэн хүүнэн һуунал-даа.
Ханхан хүүни
Татуулаһан хойно-ло
Ошхо ёһо гэжи-лэ
Нахир хонхор хореэтдон
Гаралдажи һуулайл-даа.
Найма мүнгүн мөөрин-даа
Булада хүрсү
Багса һуужи байбал-даа,
Найман харгай мориниин
Ядаа гэжи юүдхэбэл.
Найман морин-даа
Газар дайда гээшиие
Хахара задара юүдхүүлэжи
Ядаа гэжи абаадба.
«Энэ хаанай танай-ла
Үүдэшье эрхиндэн
Багтахгүй, орохгүй байнальби» — гэжи,
Болдоё боро добуунда
Буулажи унабал-даа.
Уулайн-дэли
Обойжи һуунал-даа.
Далай Баян хааниингүй
Арахи михайн асарбал,
Арьбан далан отолбол.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Нарин Шарга моринһоон
һуран хэлэн байба-ла:
«Арга шуүбэрин хайшаа бэй?
Хадам эхэһээн эриишэ,
Толгой торгүйн эриишэ!
Алтай Хухүй дайдада
Абалажи байхадаа
Арбагай эбэртэй бугайе
Алалдажи байгаальби.
Тарахяараа мүргөжи
Ангуутай юумэ байнальби.
Хоротойшье нюдүтэй
Амитан гээши байхал-даа,
Эмтэйшье нюдүтэй
Амитан гээши байхал-даа!»
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:

Не знаю на земле человека,
Который мог бы со мной побороться!
В Верхнем мире есть
Силач небесный Тумур.
Этот парень мог бы еще
Со мной потягаться! —
Так говорил-сказывал он. —
Если меня позвал
К себе сам хан,
Надо ехать к нему», — сказав,
Он забирается и садится
В пружинящую приземистую карету.
Восемь серебряных колес
По ступицы зарылись [в землю]
И осели в ней глубоко,
Восемь коней [для дальней дороги]
Еле-еле тащились.
Эти восемь коней
С трудом волокли карету,
Бороздя землю,
Еле-еле ее дотянули.
«Мне не пройти никак
Через дверной проем
Этого ханского дома!» — сказав,
[Силач] вывалился
На вершине серого холма.
Сидел он там,
Подобно горе возвышаясь,
От Далай Баян-хана
Несут *архи* и мясо ему,
Нарезают надбрюшный жир и подгривный.
«Аламжи Мэргэн молодой»
У стройного солового коня
Выспрашивал-спрашивал:
«Какой же есть у меня выход?»
«Попроси у тещи своей
Кусок шелка [и скажи]:
Охотясь когда-то
На Алтае и Хухэе,
Ты, догнав изюбра широкорогого,
С ним схватился.
Он боднул рогами тебя
И ранил.
А [здесь] люд-народ соберется:
Может, кто-то с дурным глазом,
Может, кто-то
С добрым глазом!»
Вслед за тем:

Хадам эхэдээ оробол
Толгой хүхү торогойе
Эриддэжи байбал-даа:
«Барилдхаяа бодхомнил.
Аяар урай байнал-даа
Алтай Хүхүй дайдада
Абалажи байха-даа
Арбагай эбэртэй бугайе
Алалдажи байгаальби,
Тарахяараа мүргүлэйл,
Амитан зонхон гульдаба:
Һайнханшье нюдүтэй
Амитан гээши байнал-даа,
Һаархан муухан нюдүтэй
Зонхон гээши гульдабал!..»
Хадам эхэ гээшин-даа
Басагандаа толгой торгон
Юүнэй хайрам гэжи
Толгой хүхү торгойе
Гарагажи үгүлэйл.
Сээжи-ханай бэеһээ
Хамхан татан
Хоёр хүхү уялдажи орхёлойл.
    Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Барилдхаяа ошолой.
Газари Гахай бүхү-лө
Марайлдажи ерэбэл-даа.
Аламжи Мэргэн хүбүүе
Баруун ехэ ташаан дээрээ абаши
Баруун хойшон
Оолбордожи орхёбо:
Газараһаан дээгүүрэ
Хиидэлдэжи ябахадан
Нарин Шарга морининн
Һүүлхэн дэлһээ тотхожи
Сэгхэн тутхан байлгалайл.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Оройн хара уһэйе
Орболзуулжи ууралжи
Ошолдожи ябалайл,
Оошоёо сагаан шэдүйе
Хүхүнэжи зуулайл-даа.
Марайлдажи оробо —
Эрэйн хүбүүн эжилээтэй,
Эреэн могой хоротойл-даа —
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Зүүнхэншье ташаандаа
Абаадажи эрьешүүлжи байбал-даа.

Аламжи пошел к теще
И попросил у нее
Кусок синего шелка.
«Сейчас я пойду бороться.
Когда-то давно,
Охотясь на землях
Алтая и Хухэя,
Схватился я
С широкорогим изюбром.
Тогда он боднул меня.
Здесь люд-народ собирается,
Может, кто-то
С добрым глазом,
Может, кто-то с дурным глазом
Есть среди них».
Теща-мать
Не пожалела для зятя
Своего шелка —
Достала и подала ему
Кусок синего шелка.
Перетянув натуго
Грудь свою,
Она [«Аламжи»] им обмоталась.
Вслед за тем:
Вышла [она] бороться.
Силач земли Гахай
Изловчился-подкрался,
Поднял «Аламжи Мэргэна»
И через правое толстое
Бедро свое бросил
В северо-западную сторону.
Пока летел «Аламжи Мэргэн»
Над землей, без опоры,
Стройный соловый конь,
Хвост и гриву подставив,
Поймал его на лету.
«Аламжи Мэргэн молодой» разозлился:
Черные его волосы
На голове встали дыбом,
Двинулся он на силача.
Белые зубы его
Заскрежетали от гнева:

«У пестрой змеи есть свой яд,
У мужа тоже есть свой черед!»
«Аламжи Мэргэн молодой»
Рванул к себе на левое бедро
Силача земли Гахай

Ара гэрээ зүүгшэ-лэ
Гурбан ялгайн саана-ла
Ошхо гэжи
Оолбордожи орхёбо
Газарай Гахай бухүйе.
Тарахяараа доошоо-ло,
Табагайяараа дээшээ-лэ,
Доошоо долоон сажин
Ортогой гэжи
Оолбордожи орхёбо.
Хоёр хулиин
Гахай бухү гээшин-лэ
Харагдажи, гозор-гозор
Харагдажи хайрабал.
Гурбан ялгайн саана-ла
Тарахяараа доошоо-ло,
Табагайяараа дээшээ-лэ,
Доошоо долоон сажин орожи
Гахай бухү унабал.
Хоёр хулиин харагдажи
Гозор-гозор хайражи байба-ла.
Амитан зонхон хоёрын
Гаһантай буряашин
Гаһантаяа ширэбэл,
Хүрзэтэйлэн буряашин
Хүрээзээ абаадбал.
Гахай ехэ бухүёө
Тоориидожи байжи
Малталдажи байлай-ла.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Хажуудани ошолойл.
Худатай андатай байсараа
Хадамуудаа хүдулгүхэн
Ямар буруу гэжи-лэ
Хоёр хулһээн барижи
Ходо татажи хаялай
Гахай ехэ бухүйе.
Нүхэнһээ гараһанһаан хойшоо
Хара шара боложи:
«Энэ ханхан танай-ла
Түрүтэй түрүёө унаг-ла!» — гэжи,
Гэдэргээ харан үгэйеэр
Нюргаа үргэлжи
Гэрхэн тээшээ гэшхэлээл.
Амитан зонхон хоёрын
Далай Баян хаана-ла
Газаа бэедэн гульдабал.
Утаараа аршим болхгүй

И, раскрутив что есть силы,
Так швырнул его
На восток от задней юрты,
Что тот улетел
За пределы трех смежных долин,
Так швырнул,
Что тот упал вверх ногами,
Вниз головою,
Вонзившись в землю
На семь саженей!
И видно было,
Как силач Гахай,
Упав [на землю],
Перебирал-сучил ногами.
Силач Гахай
Улетел за пределы трех долин,
Вонзился в землю на семь саженей,
Вниз головою,
Ногами вверх,
Только и видно было,
Как он сучил ногами.
Весь народ [сбежался]:
Буряты с колами-копалками
Колы-копалки свои принесли,
Буряты с лопатами
Лопаты свои принесли.
Со всех сторон они обступили
Могучего силача Гахая
И принялись его откапывать.
Тут к ним подошел
«Аламжи Мэргэн молодой».
Подумав, что не годится ему
Утруждать работой
Сватов своих,
Схватил за ноги
Могучего силача Гахая
И рывком его выдернул.
Вылез силач из ямы
Весь почерневший, желтый,
Закинул руки за спину
И, не оглядываясь,
Пошел домой, говоря:
«Пусть пропадет пропадом
Весь род вашего хана!»
Люд-народ
Повалил ко двору
Далай Баян-хана.
Маленькая шаманка

Аршанайхан одёгон
Далай Баян хаанханда:
«Мэхэлээшиндээ мэхэлүүлхэн!..
Үхиншье хүүндэ лэ
Үхиёө ухүёө байна-ла.
Баруушье долёобор
Хурабшидаа шилэһэ юумэл!
Зүүнхэншье нюдуниин
Зүүнэй һүбэдэ хатаһа юумэл!..»
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Далай Баян хааниин
Малагааршанай наранда
Гурабан улаан бахтираар
Шара ехэ далайда
Шунгуулхам гэжи
Шанга хуули гаргаба.
Нарин Шарга моринһоо
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
«Арага мини хайшааб?» — гэжи,
Һуран хэлэн байба-ла.
«Шунгахаяа ошходоо
Намаяа хүтүлжи абаадэйш!»
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Үглөөшанай наранда
Гурбан улаан баатарын
Хуряахадаа ерэбэл-даа.
«Хуряаха-лан хүригэмнай,
Хадам баабай гээши-лэ
Шара ехэ далайда
Шунгааха мани-ла гэжи
Хуули ехэй хэнэл-даа!»
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Гурбан улаан баатарын
Хүтүрүлдүжи талиибал.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Нарин Шарга мориёо
Хүтүлэжи талииба.
Гурбан улаан бахтиирын
Шара ехэ далайдаа
Шунгалдажи байбал-даа,
Тамаражи наадалайл.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Нарин Шарга мориёо
Уһалажи табилай,
Улам саашаа оролойл.
Шара ехэ далайдаа
Шабардажи уналайл.
«Хадамууши хүбүүд-лэ

Ростом меньше аршина сказала:
«Ведь Далай Баян-хан
Обманут обманщиком!
Он собирается выдать
[Дочь свою] за девицу.
Указательный палец ее
От наперстка истерся!
Левый глаз ее ослабел, притупился
От ушка игольного!»
Вслед за тем:
Далай Баян-хан
Повелел строго
Завтра, с утренним солнцем,
Выкупаться «Аламжи»
В большом желтом море
С тремя могучими богатырями.
«Аламжи Мэргэн молодой»
Выспрашивал-вызнавал
У стройного солового коня:
«Какой же есть у меня выход?» —
«Когда купаться пойдешь,
Меня прихвати с собою!»
Вслед за тем:
С утренним солнцем
Три могучих *батора*
Являются к жениху.
«Наш дорогой зять,
Тесть-отец
Строго нам повелел
Выкупаться всем вместе
В большом желтом море!»
Вслед за тем:
Три могучих *батора*,
Пошли, взявшись за руки.
«Аламжи Мэргэн молодой»
Пошел со стройным соловым конем,
Его ведя за собой.
Три могучих *батора*
Купаются вместе
В большом желтом море,
Резвятся, плавают.
«Аламжи Мэргэн молодой»
Стройного солового коня напоил
И отпустил на волю.
А тот забрел далеко
В большое желтое море,
Завяз там в грязи и упал.
«Удальцы моего свата,

Ерэйт! Туһалалсайт!» — гэжи,
Һүүхирэжи үгэбэл.
Гурбан улаан бахтиирын
Эндэһээн тэндэһээн ерэжи
Уригэлдэжи гаргалай.
Уригэлдэжи гаргахадан
Гурба дахин заадаба,
Гурба дахин турьябал.
Урал тооһон хоёрын
Үлгүн сагаан дайдадаа
Тортог тооһон боложи
Ошоһониин тэрэл-даа.
Шара ехэ далайдаа
Манан болжи төөрилойл.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Хубсаһаа-ла тайлажи
Аршам болхо хуһайе
Барилдажи орхёлойл.
Гурбан улаан бахтиири
Гуяшиин таһа сохёлойл...
«Хүригэн хүбүүн, хуряаха!
Үзээ хараа бида-даа!» —
Мэнэн хүүрээ хэлэжи
Аюусхажи байба-ла.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Гаралдажи хубсалбал.
Гурбууландаа ерэбэ-лэ
Далай Баян хаанда-ла.
«Хэрэхэн һайса шунгаабта?» —
Һуран хэлэн байна-ла.
«Хүригэнии шинии тоног-ло
Хүүнэйхиһээл үлүү юумэл!
Энэшье хүбүүндэ
Үриёо үгөө үгэйгээр
Ямар хүүнэй хүбүүндэ
Үхүеэ-лэ тиигээбши?»
Мэнэн хүүрээ хэлэжи
Байгаа гэһэн юумэ-лэ.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Хүүнэй юунэй үгэйдэ
Аршама-ла болхгүй
Аршанайхан одёгойеын
Барилдажи байнал-даа.
Хөрөнгүдүн абаатши
Тарахяаран уруугша
Хабахалажи орхёлойл.
Хадам баабайяа гэрэтэ

Идите на помощь!» —
Громко вскричал [«Аламжи»].
Три могучих *батора*,
Подойдя с разных сторон,
Подняли и вынесли коня на берег.
Когда его вытащили,
Соловый конь трижды встряхнулся,
Трижды сильно фыркнув.
Пар и брызги, поднявшись,
Рассеялись пылью,
Заполнив собой
Раздольную светлую землю,
Заклубились туманом
Над желтым огромным морем.
«Аламжи Мэргэн молодой»
Снял одежду с себя,
Взял в руки
Березовую аршинную палку
И отхлестал по бедрам
Трех могучих *баторов*.
«Наш дорогой зять!
Мы увидели все как есть!» —
Пролепетали они,
Дрожа от страха.
Вслед за тем:
Выбрались они на берег, оделись
И пришли втроем
К Далай Баян-хану.
Выспрашивал-спрашивал он:
«Ну как, хорошо искупались?»
«Да, „орудие" твоего зятя
Больше, чем у людей!
Если уж за парня такого
Дочь свою не отдашь,
То за какого парня
Ты бы хотел ее выдать?» —
Такое нужное слово
Сказали [*баторы*].
Вслед за тем:
«Аламжи Мэргэн молодой»,
Когда никого не было,
Поймал и схватил
Маленькую шаманку
Ростом меньше аршина
И в кадушку с *курунгой*
Засунул вниз головой,
Крышкой ее прихлопнув.
Все буряты подходили,

Буряад зонхон хоёрын
Гульдалдажи байбал-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Хадам баабай байналта,
Тандашье ерэһээр
Гашуун идеэ үгэйльби,
Хүрүнгүһөөш уухам!» — гэжи бодолой.
Хүрүнгүйеын инеэжи
Аршанайхан одёгони
Хоёр хулиин барижи
Хүръесэрэ, нэръесэрэ
Бэлүүрдэжи байбал-даа.
«Хаанхан хүүни танай
Бүлүүр гээши байнал-даа,
Хүүнхэн бүлүүр байнал-даа.
Хараса хүүнэй бэлүүрдаа
Модон бэлүүр байгши бэлэйл!» —
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Далай Баян хаанханиин
Гайхал ехэй гайхалайл.
Аршам болхгүй байна-ла
Аршанайхан одёгон:
«Улуураһан юумэ-лэ,
Тэнэгэлжи ошоол-даа,
Хүрингүдү тархяараа
Оролдожи үхүбэл!»
Мэнэнхэн хүүрээ хэлэжи
Абаадажи хаюулайл.

18

Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Хадам баабай гээшидээ:
«Эмниг морин гээши-лэ
Эжилээ һанаа байнал-даа,
Ибии баабайн хүбүүндаа
Газар дайдаяа һанабал!
Газар гээши холол-даа,
Уһан гээши ута-ла.
Хурим түрү хоёроо
Хойто намар гарэйто!»
Хэлэн хүүнэн байба-ла.
Хадам баабай гээши:
«Хуримхан түрүхөн хоёроо
Хойто намар хэхэдэм
Бэеэрээ өөрөө мэдхгүйльби,
Амитан зонхон мэдэху,

Собирались в доме
Тестя [Баян-хана].
Вслед за тем:
«Тесть-отец!
С той поры, как я здесь у вас,
Кисленького не ел,
Хочется испить *курунги*!» — сказал он, поднявшись,
Открыл он кадушку,
Схватил за обе ноги
Маленькую шаманку,
Стал взбалтывать [*курунгу*] —
Клокотала-бурлила она.
«Знать, у ханских особ
И мутовка особенная —
Из человека сделанная.
У всех же простых людей
Она из дерева сделана», —
Так говорил-сказывал
«Аламжи Мэргэн молодой».
Далай Баян-хан
Удивился очень.
«А шаманка-то наша
Ростом меньше аршина
Рассудок ли потеряла,
С ума ли сошла?
Упала она в кадушку,
Утонула в *курунге*», —
Нужное слово сказал он.
И повелел ее выбросить вон.

18

«Аламжи Мэргэн молодой»
Тестю-отцу своему [говорит]:
«Необъезженный конь
По табуну своему тоскует,
Сын матери и отца
По родимой земле тоскует!
Земля необъятная,
Реки ее длинные.
Приезжайте будущей осенью
Со свадьбой ко мне!» —
Так говорил-сказывал он.
Тесть-отец [отвечал]:
«Не мне одному решать,
Играть ли свадьбу
Будущей осенью —
Об этом буряты ведают,

Буряадхан зонхон мэдхү-лэ!» —
Хэлэн хүүнэн байна-ла
Хадам баабай гээши-лэ.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Далай Баян хаанхан гээши
Арэйн барабаан дэлдэбэ,
Амитан зоёо татаба;
Үбэри хэнгэргээ дэлдэбэ,
Үбэри зойе гульдхаба.
Нуураараа-ла хэмэнэн
Арахяал асарба,
Нугаараа-ла хаажи-ла
Адаһаяа алаба.
Юһүн һуни юръюсү,
Найман зүни наръяса
Наада түрү хатаржи
Зугаа хэжи байбал-даа,
Ажи болон яргаба.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Түрүйн зонхон
Түблэйсэрэ түхеэрбэл;
Хуримай зонхон гульдаба,
Хотойсоро гульдаба.
Ёргоон зуунхан хүүнииндаа
Хурим гарха гэжи
Түхёөрэжи байбал-даа.
Далай Баян хаанханиин
Ара бэедэ бэлшихү
Арабан түмэн адууһаа
Хатарши халюу мориёо
Булад Хуурай басагандаа
Эмээллэжи уялай.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Булад Хуурай басаган
Эхэһээ-лэн орожи
Баруун һайхан хураганһаан
Алта мүнгүн биһэлеын
Эриддэжи байбал-даа.
«Амалши үгэй юүмэйеым
Юүндэшье амалбаш!
Хэлэши үгэй юүмэйеым
Яахуйшье хэлэбэбши!
Тииһэн яаһан хойно-ло
Отхон ооһор басагандаа
Үгөө үгэй яахамни-һам!»
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Алта мүнгүн биһэлгээ
Ходоложи үгэбэл-даа.

Это решит народ!» —
Так говорил-сказывал
Тесть-отец.
Вслед за тем:
Почтенный Далай Баян-хан
Ударил в «северные» барабаны,
Люд-народ созывая,
Ударил в «южные» барабаны,
Южный народ собирая.
Архи готовили
С целое озеро,
Скота забивали
С долину целую.
Девять ночей
Восемь сторон [Земли] сотрясая,
Пировала-плясала свадьба.
Так гуляли,
Радуясь породнению.
Вслед за тем:
Свадебный люд
Засуетился-засобирался,
Пировавший люд столпился,
Столпился гурьбой,
На свадьбу
Собираются ехать
Человек шестьсот.
Далай Баян-хан
Выбрал в стотысячном табуне,
Который пасся на северных склонах,
Игреневого скакуна
И оседлал его
Для дочери Булад Хурай.
Вслед за тем:
Дочь Булад Хурай,
Придя к своей матери,
У нее попросила
Злато-серебряный перстень
С красивого пальца
Правой ее руки.
«Зачем обмолвилась
О неизреченной вещи моей?
Зачем проговорилась?
Но раз уж такое случилось,
Как же я не отдам ее
Младшей своей дочери!»
Вслед за тем:
Она сняла и ей отдала
Свой злато-серебряный перстень.

Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Нарин Шарга мориёо
Эмээллэжи хазаарлажи
Уялдажи орхёбол.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Түрүйн зонхон түглүйбэ,
Хурими зонхон хотойжи
Түхёөрөжи байбал-даа.
Мэндэй һайгаар мэндэшилжи,
Доробойн һайгаар дороболжи байна-ла
Хадам баабай ибии хоёроо
Аламжи Мэргэн хүбүүн-лэ.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Ара гэрээн хойшоо-ло
Түрүйн зонхон түхёөрөжи
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлбэ,
Газар тээшээ гайгуулба.
Хадам баабайн зонхон түглүйбэ,
Хуримай зониин хотойбо.
Далай Баян хааниин-даа
Хэлэн хүүнэн байбуу бэй
Амитан зонхон хоёртоо:
«Газар гээши холо гэнэл,
Үһан гээши ута гэнэл.
Хурим түрү хоёроо
Хойто намар хэхэдэ
Ямар гээшиб гэнэ-лэ
Хүригэн хүбүүн гээшимнай.
Албата зонхон хоёрни,
Ямар гэжи һаннамта?»
Далай Баян хаанханда:
«Отхон ооһор басагаяа
Тайгада байһан шүнүһэндү
Үгөө гэжи хэлэхүгү?
Талада бодоһон уулада
Илигээ гэжи хэлсэхгү?
Үһаниншье уташһаан,
Газар гээши холошһаан
Гэрыншье үзэжи,
Малайншье харажи ерхэмнай!» —
Хэлэн хүүнэн байба-ла
Унаган хээли албатан.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Ёргоон зуунхан хүүеэ-лэ дахуулажи
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлбэ,
Газар тээшээ гайгуулба.

«Аламжи Мэргэн молодой»
Оседлал и взнуздал
Стройного солового коня
И привязал [к коновязи].
Вслед за тем:
Свадебный люд засуетился,
Пировавший люд столпился,
Собираясь [в дорогу].
«Аламжи Мэргэн молодой»
Лучшими словами привета
Напутствовал тестя-отца и тещу свою,
Пожелав им здоровья и счастья.
Вслед за тем:
Свадебный люд столпился
На северной стороне от юрты родной,
Чтобы шагом [коней] к дому направить,
Поскакать к земле [«Аламжи»].
Люд тестя-отца собрался,
Свадебный люд столпился.
Далай Баян-хан
Так говорил-сказывал
Своему народу:
«Земля необъятная, [зять] говорит,
Реки ее длинные, [зять] говорит,
Что если, он говорит,
Затеем свадебный пир
Будущей осенью? — так говорит
Зять мой удалой.
Ты, мой народ,
Что скажешь на это?»
Далай Баян-хану [ответили]:
«Не сказали бы люди,
Будто выдал ты младшую дочь
За таежную лиственницу,
Будто отправил ее к горе,
Которая в степи высится.
Хоть земля необъятная
И реки длинные,
Все же съездим туда,
Посмотрим на дома его и стада!» —
Так говорили-сказывали
Подвластные ему люди.
Вслед за тем:
Ведя за собой шестьсот человек,
[«Аламжи»] коня шагом к дому направил,
Поскакал к [родимой] земле.

19

Боро нараниин болодложи байбал-даа.
Болдое боро добуундо
Хонохо гэжи бууба-даа.
Түрүйн зонхон түглүйбэ,
Хуримай зонхон хотойбо.
Үхэhэни ботхохо,
Үгэйрhэни баяжуулха
Булад Хуурай басаган
Булган-ханай будуушха
Буръясара дэбьдэбэй,
Халюун-ханай хадуушха
Харъясара дэбьдэбэ.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Буруу харажи унталай.
Булад Хуурай басаганиин
Дорон орон хоторьбо,
Дээрэн гаран гунирба. . .
Наян алда бэетэй
Найман дэлим шихэтэй
Нарихан Шарга мориниин
Дүрбэншье шигээ
Мэдээ үгэй тэнэгэлбэ,
Найманшье түбииеэ
Мэдээ үгэй тэнэгэлбэ.
«Аяр шамай хойлогоо
Хубилаа ебэлээ!» — гэжи-лэ
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Ядаал гэжил барижи
Үүрэй гэгээ оросо,
Үдэрэй саб сагаан болосо
Барилдажи байбал-даа.
«Аяр хойлогоо шини
Дайдэй юумэд эръюулбүү?
Дайнай юумэд эръюулбүү?» — гэжи-лэ
Гайхан тагнан байба-ла.
Малагааршанай наранда
Хэлэн хүүнэн байба-ла,
Хоногшоёо газарhаа
Саашаашье болобол
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Амитан зонхон хоёртоо
Хэлэн хүүнэн байбал-даа:
«Газар гээшин холо юумэл,
Уhан гээши ута юумэл!
Бии урайгшалжи ябаха минил гансаараан!» —
Хэлэн хүүнэн байбал-даа.

19

Когда стало гаснуть солнце,
На вершине серого холма
Спешились для ночлега.
Свадебный люд собравшийся
Столпился гурьбой.
Булад Хурай-девица,
Которая мертвого оживляет,
Бедного обогащает,
Шумно взбив подушки из соболя,
Их положила,
Нетерпеливо взбив подушки из выдры,
Их положила.
«Аламжи Мэргэн молодой»
Уснул, к ней спиной повернувшись.
А девица Булад Хурай
То под ним извивалась-вертелась,
То на него навалясь, ласкалась.
Стройный соловый конь
Восьмидесятисаженный,
С ушами восьмисаженными,
Четырех сторон [не различая],
Обезумев, стал бегать.
Восьми сторон [не разбирая],
Обезумев, стал кружиться.
«Ах ты, кляча,—
Как изменилась норовом!» — подумал
«Аламжи Мэргэн молодой»
И ловить [коня] бросился.
До самого раннего утра,
Пока не настал рассвет,
Ловил он коня.
«Что же ты, кляча!
Земные ли твари взбесили тебя?
Вражеская ли сила взбесила тебя?» —
Удивлялся он, изумлялся,
При утреннем солнце
Так говорил-сказывал.
Уже отъехали далеко
От места ночлега.
«Аламжи Мэргэн молодой»
Своему люду-народу
Так говорил-сказывал:
«Ведь земля необъятная,
Реки ее длинные!
Я поеду вперед, и ехать мне одному!» —
Так он говорил-сказывал.

16 Заказ № 222

«Хадамуудай мини байналта,
Төөлөһөн, зураһан газартам
Ябаха гээши байналта,
Тухурёолоһон газартам
Хонохо гээши байналта!»
Тииһэн яаһан хойно-ло
Аламжи Мэргэн хубүүниин
Гэрхэн тээшээ гэшхэбэ,
Газар тээшээ гайгаба.
Хии бэтү хиидэбэ,
Хэрмэн бэтү гульдаржи
Ошоһониин тэрэл-даа.
Газар ехэ дайдадаа
Уһан ехэ уһандаа
Унаһан һайхан дайдадаа
Хүрэлдэжи ерэбэ-даа.
Дүүрэн ехэ гүбеэртээ
Тулалдажи байба-даа.
Дүүрэн сагаан гүбеэрын
Хубахайражи байба-даа,
Дурбэн шулуун шаасадаа
Хэлтэйрэжи байба-даа,
Гурбан зуунхан алаабхин
Хооһорожи хонхойбол.
Газаа бэедэ ошобо.
  Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Ургажи байһан ногоониин
Ургаһаара байбал-даа,
Хара хирээ хаахирбал,
Шара үнэгэн шиншибэл.
Үргүн сагаан байсанеын
Үрөөһөн тээшээ байнал-даа,
Хэсылдэжи хэлтэйжи
Ошоһониин тэрэл-даа.
Газаагаа-ла байжи-даа
Дээшээ харажи бархирлай,
Доошоо харажи уяражи
Уяран хухаран һуубал-даа.
Эжин үгэй зөөрилдаа
Эймэ бэлэйб гэжил-даа
Хэлэн хүүнэн уяржи
Һуугаа һаниин тэрэл-даа.
Газаагуураа хархадан
Туруутай ехэ адаһан
Харагдана үгэй-лэ,
Үгэй юумэ байбал-даа.
Айлда зондоо хархадан
Тологойтойхон хүүниндаа

«Родственники дорогие,
Там езжайте,
Где я черту проведу,
Там ночуйте,
Где я круг обведу!» *
А за тем:
«Аламжи Мэргэн молодой»
Шагом [коня] к дому направил,
Поскакал к [родимой] земле.
Он полетел, как вихрь,
Вытянувшись, как белка,
Мчался он, удаляясь, — так это было.
Он прискакал домой,
На великую землю свою,
К родимым водам своим,
На священную свою родину.
Наконец он добрался
До губернии многолюдной.
Губерния та многолюдная
Разорена совсем,
Четыре каменные башни
Накренились набок.
Триста его лавок
Совсем опустели.
«Аламжи» к дому подъехал.
Вслед за тем:
Росшая там трава
Росла, как и прежде,
Лишь черный ворон каркал,
Рыжая лисица скулила.
Большой светлый дворец
Совсем скособочился,
Накренившись набок,
Стоял он.
Горевала-печалилась [Агуй Гохон]
На подворье своем:
Вверх поглядит — заплачет,
Вниз поглядит — заплачет.
«Вот что бывает с добром,
Когда хозяина нет», —
Так она говорила-сказывала,
Печалясь-горюя.
Во двор она заглянула —
Ничего там не увидела:
Из огромного стада копытного
Не видать ни одной скотинки.
В улусные дома заглянула —
Никого там не увидела,

Харагдана үгэй-даа.
Үлгүн сагаан дайдаяа
Тэбэрижи хэбтэжи
Уяражи хухаражи
Ошоhониин тэрэл-даа.
«Дайндаа ехэй даруулhан,
Дааганда ехэй hүүлдүүлhэн
Дайда гээшин эймэ бэлэйб!» — гэжи,
Хэлэн хүүнэн hуунал-даа.
Нариихан Шарга мориёо
Уналдаhан бэеэрээ
Алтай сагаан дайдадаа
Арилажи ошобо,
Хүхүй улаан хадада
Хүрүлдүжи гаражи
Ошоhониин тэрэл-даа.
Гурбан тээшээ араатай
Гушин сажин зулаяа
Шатаалдажи мүргүлэй
Гурбан сагаан сүүтхэдэ:
«Алтай hайхан дайдамни
Ангалзажи асэйшэ,
Амараг hайхан ахаяа
Абаха болооб! — гэжи-даа.
Хүхүй улаан хадамни
Хэлбэлзэжи асэйшэ,
Хайратай hайхан ахаяа
Абаха болооб!» — гэжи-даа. . .
Алтай улаан хадангуе
Ангалзажи ошобол,
Хүхүй улаан хадан-ла
Хэлбэлзэжи ошобол.
Ахай хүбүүн гээшиеэ
Абан татан байбал-даа,
Сагаан яhан гээшииеын
Хонхёнсоро абалайл.
«Үхэhэн хүүнэйн адалдаа
Эймэ бэлэйб», — гэжи.
Сагаан яhайн хормойлжи
Гэрхэн тээшээ гэшхэбэл.
Оёор мүнгүн гооронсьёо
Оёор дундан абаадбал.
Үмдүжи байhан хубсаhаа
Барани-ла тайлабал.
Сагаан-хани яhэйеын
Ахаяа хушижи орхёбол.
hара мүнгүн hаадаеын
Баруун-ханай ханадаа,

Ни одного человека.
На светлую землю родимую
Упала она ничком
И, обнимая ее,
Горевала и сокрушалась.
«Вот что бывает с родимой землей того,
Кто побежден врагом
И обойден лончаком!» * —
Так она говорила-сказывала.
Вскочила она
На стройного солового коня
И умчалась
На светлую землю Алтая,
Так скача,
Она добралась
До горы-исполина Хухэй.
Она зажгла свечу,
Трехгранную, тридцатисаженную,
И трое суток подряд
Молилась:
«Священная гора Алтая,
Раздайся, раскройся,
Я заберу отсюда
Своего родного брата!
Гора-исполин Хухэй,
Ко мне наклонись,
Дорогого бедного брата
Я заберу отсюда».
Раскрылась тут же
Священная гора Алтая,
К ней наклонилась
Гора-исполин Хухэй.
[Останки] дорогого брата
Собрав, она приняла,
Захрустели [в ее руках]
Белые кости его.
«Вот все, что остается
От умершего человека», — так сказав,
Собрала в подол белые кости [брата]
И направилась к дому.
[Кости] сложила посередине
Горницы с серебряным полом.
Она сняла
Всю одежду с себя
И прикрыла ею
Белые кости брата.
Серебряный колчан, как месяц [изогнутый],
Повесила на правой стене,

Бухайр шара номойеын
Баруун байhан ханада
Үлугүжи байбал-даа.
Үмдүхө-лө хубсаhан
Үгэй гээши таhарбал.
Ибииеhэн түрүhүншиг
Улаа нюсүгөөр байбал-даа.
Газаа бэедэ гаражи
Тохой мүнгүн эмээлээ
Сагаан мүнгүн бүүргэдэн
Сагаан мүнгүн бэшигээр
Бараниин бэшижи
Хэлэн хүүнэн байбал-даа.
Ёргоон зуунхан горимдаа
Ерэхэ болоол гэжил-даа
Хэлэжи байжи бэшижи
Байгаа гэхэн юумэ-даа
Булад Хуурай басаган
Ерэбэл гэжи бэшилэй.
Аламжи Мэргэн хүбүүнэй
Хүйтү сүйтү басаган
Ерэбэ гэжи хэлэжи,
Хэлэжи хүүнэжи бэшибэл.
  Тэрэл гэсэн бэеэрээ:
Ябаhа-лан ябадалаа
Барании хэлэжи бэшижи
Байха хүүрээ хэлэбэл.
Аhан ябаhан адалаа
Алагаарын хэлэбэл.
  Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Хэлэн хүүнэн байба-ла:
Тайгуйн тажин буга боложи
Тайгудаа-ла гаралай,
Тала хээрын харажи
Тангаражи талииба. . .

20

Ёргоон зуунхан горимиин
Дүүрэн сагаан гүбеэртэн
Хүрэлдэжи ерэбэл-даа.
Амитан зонхон гээшин-даа
Гайхал ехэй гайхабал:
«Мэхэлээшиндээ мэхэлүүлээ,
Гохолоошиндоо гохолуулаа.
Дайнда ехэй дарагдаhан,
Дааганда ехэй hүүлдүүлhэн
Дайдада-ла ерэжи

Крепкий бухарский лук
На той же правой стене
Она повесила.
И осталась она
Совсем без одежды:
Стала голой,
Как мать родила.
Вышла она во двор
И на изогнутой серебряной луке
Седла, серебром украшенного,
Обо всем написала
Белосеребряными письменами,
Так говоря-сказывая:
«Шестьсот гостей свадебных
Едут сюда, подъезжают! —
Так говорила,
Писала она. —
Булад Хурай-девица
Сюда прибывает, — писала она. —
Едет суженая
Аламжи Мэргэна молодого», —
Так говоря,
Обо всем подробно она написала.
Вслед за тем:
[Агуй Гохон] поведала
Обо всем,
Что с нею случилось,
Написала подробно
О своих скитаниях.
Вслед за тем:
Обо всем поведав,
Обернулась она большим таежным изюбром
И убежала в тайгу.
Бежала степями, полями,
Вскидывая копыта, — и исчезла вдали.

20

В ту губернию многолюдную
Наконец прибывают
Шестьсот свадебных гостей.
Весь приехавший люд
Удивляется очень:
«Обманщиками мы обмануты,
Хитрецами проведены,
Прибыли мы, оказывается, в землю,
Войной разоренную,
К тем, кто и лончаком обойден.

Байгаал биди!» — гэжи
Мэнэн хүүрээ хэлсэжи
Зугаалажи байбал-даа.
Нэгэ зарьма зониидаа
Тэхэрьхэ харьха гэлдэбэл,
Нэгэ зарьма амитниин:
«Энэ холо дайдадаа
Ерэһэн түлгүһэн хойноо-ло
Энэ сагаан байсандан
Орожи үзэжи харие!»
Мэнэн хүүрээ хэлсэбэл.
Газаа бэедэн ошожи
Зогсолдожи байбал-даа.
Түрүйн зонхон түглүйбэ,
Хоримой зонхон хотойбо.
Булад Хуурай басаган
Оёор булан гооронсдон
Амитан зонхон хоёроо
Дахуулажи оробол.
Оёор мүнгүн гооронсдоо
Оёор дундан хэбтэлэйл.
Аламжи Мэргэн хубүүниин
Унаад, унтаад хэбтэбэл.
Амитан зонхон хоёрын
Харалдаһан бэеэрээ
Тэхэрьхэ, харьха гэжи-даа
Мэнэн хүүрээ хэлсэбэл.
Моридоо-ло унажи,
Мододоо-ло хабшижи
Байхаданиин юумэл-даа.
Хэлэн хүүнэн байбал-даа.
Булад Хуурай басаганай
Унаһа морин гээшин-даа
Хатарши Халюун хара мориниин
Хэлэн хүүнэн байбал-даа:
«Амитан зонхон хоёроо
Дахуулаһан хойнол-даа
Хуригандхи шини-ла
Хуби шини яалай-даа!
Эрхындхи байнал-даа
Эрдим шини яалай-даа!
Нэрэйн түлөө байнал-даа
Нэгэшье хүүел-даа
Эдэгээжи бодхожи
Хариха шини яаба-даа!?
Нэгэшье хуримда
Дуулдажи харьха шини ягааб-даа?!»
Булад Хуурай басаган

Вот куда мы прибыли!» —
Нужное слово сказали они,
Между собою переговариваясь.
Некоторые из этих людей
Говорили, что надо вернуться,
А другие так [говорили]:
«Если уж мы прибыли
В такую далекую землю,
В белый дворец войдем
И все в нем осмотрим!» —
Нужное слово они сказали.
Они подошли [к дворцу]
И остановились.
Свадебный люд собравшийся
Столпился гурьбой.
Булад Хурай-девица
Повела за собой
Люд свадебный
В горницу с серебряным полом.
В горнице с серебряным полом
Посередине лежал
Ее Аламжи Мэргэн молодой,
Упав, [навеки] уснувший лежал.
Как только люди вошедшие
Увидели это:
«Уйдем, вернемся домой, —
Нужное слово они сказали. —
Видно, придется
Седлать нам
Своих коней!»
Так все говорили-сказывали.
Конь верховой
Булад Хурай-девицы,
Ее вороной скакун,
Так говорил-сказывал:
«Если сюда
Ты привела народ —
Покажи силу
Своих чудотворных рук,
Покажи волшебную силу
Большого своего пальца!
Ради имени своего —
Почему тебе не уехать отсюда,
Исцелив и подняв на ноги
Хотя бы одного человека?!
Почему тебе не уехать, прославившись
Хотя бы на свадьбе одной?!»
Булад Хурай-девица

Харайн буужи ошолой,
Оёор булан гооронсдон
Харайлдажи оробол.
Байһан-хани яһайеын
Байһан хударин табилайл,
Булган-ханай хансуйяар
Буръяса-ла һэбилэйл,
Халюун ханай хансуйяар
Харъяса-ла һэбилэйл.
Сагаан яһан байһаниин
Михатайхан бололойл.
Оройһоон үлеэбэ,
Шаһаани үтъхөлбэл.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Бодолдожи һуубал-даа.
Амитан зонхон хоёрын
Харалдажи байхадан
Оёор мүнгүн гооронсдон
Багтаа үгэй байбал-даа.
Харалдаһан бэеэрээ
Гайхан ехэй гайхалай.
Газаа гүйжи гаражи
Хараашилан байбал-даа.
Ёргоон зуунхан мориниин
Сэрэгэдэн байбал-даа.
Хажуудани ошожи
Хараашилжи ябалайл,
Нариихан Шарга мориёо
Танилдажи байбал-даа.
Нариихан Шарга морёохо
Тоорин тогшин үзэлэйл,
Тохой мүнгүн эмээлиин
Бүүрэгэйеын харабал.
Сагаа мүнгүн бэшиеын
Дуудан дурьлан байбал-даа.
Ажи ябаһан адалиин
Бараниин дуудалай,
Ядажи ябаһан адалиин
Бараниин дуудабал.
Газаа бэедэ байжил-даа
Гайхан тагнан байбал-даа.
Дүүрэн гэхү гүбеэрын
Харалдажи байхадан
Хубахайражи ошоһон
Юумэ гээши байбал-даа.
Аянгаая ядалай,
Аянгаая ядабал.
Хүлтэйшишье хүүниидаа

Соскочила с коня
И быстро вбежала
В горницу с серебряным полом.
Она собрала-сложила
Все кости [Аламжи],
Обмахнула их с шумом
Собольим своим рукавом,
Обмахнула проворно
Выдровым своим рукавом —
Белые его кости
Обросли мясом-плотью.
В макушку она подула,
По пяткам ударила —
Аламжи Мэргэн молодой
Очнулся и встал.
Весь люд-народ
Пришел на него посмотреть,
Та горница с серебряным полом
Всех вместить не смогла.
Увидев [людей],
Очень он удивился.
Выбежал он во двор
И посмотрел вокруг:
Шестьсот коней
У коновязи стоят.
Он подошел к ним
И, приглядевшись поближе,
Узнал своего
Стройного солового коня.
Когда осматривал,
Кругом обходя, своего коня,
Заприметил луку
На серебряном том седле.
Он читал-перечитывал
Серебряные письмена.
О всех делах [сестрицы]
Он до конца прочитал,
О тяжких ее испытаниях
Он до конца прочитал.
Во дворе стоя,
Удивлялся он, изумлялся.
Когда он осмотрел
Губернию свою многолюдную,
Увидел ее
Совсем разоренной.
Аламжи был в смятении,
Был растерян.
Не видит он

Харагдана үгэйл-даа,
Һорьмоһотой адаһан
Үзэгдэнэ үгэйл-даа.
Газаагаа-ла байжи-даа
Дүүрэн сагаан гүбеэрээ
Гүбеэрлэжи орхёбо,
Дүрбэн шулуун шаасаяа
Бодхолдожи хуушаарин
Байлагажи орхёбол.
Гушин гурбан базаараа
Базаарлажи байбал-даа,
Гурбан зуунхан алаабхи
Инеэлгэжи орхёбол,
Гурбан зуунхан пирьхаашиг
Һэлгэн һэтхэн байбал-даа.
Мэтэр гэһэн бэеэрээ:
Хүлтэйшье адаһан
Харагдана үгэйл-даа.
Нариихан Шарга мориноо
Һүлэһээнэ абалайл
Гурбан-хани хилгааһэй
Ходоложи абалайл.
Адууһан малхан болхо гэжи хэлэжи
Үрээдэжи хаялайл:
Шара далайн шанаадан
Хара далайн шанаадан
Адаһа малхан хоёрын
Багташи үгэйеэр
Шургаалжинай-дэлил-даа
Иралзажи бодолойл.
Шара ехэ далайда
Уһалажи байбал-даа,
Хара ехэ далайһаан
Хужирлажи байбал-даа.
Хара ехэ далайяа
Хайрадасан уһалбал!
Оёор гурбан гооронсдоо
Оролдожи ошобол.
Амитан зонхон хоёроо
Гарын барижи байбал-даа,
Мэндэйн сайхан мэндээрээ
Мэндэшилжи байбал-даа:
«Хадамууд мини байбал-даа
Гайхал ехэй гайхабуут?
Олон бэрхэ дайе-ла
Гараһан хүбүүн байнальби.
Гэртээ ерэһэн бэеэрээ
Мэдэн томон үгэйгээр

Ни человека с ногами,
Не видит он
Ни животины с рогами.
Тут же, стоя у себя во дворе,
Обезлюдевшую свою губернию
Опять многолюдной сделал,
Опять поднял,
Восстановив,
Четыре каменные башни,
Устроил, как было,
Тридцать три базара,
Снова открыл
Триста лавок,
В них продают-меняют
Триста приказчиков.
Вслед за тем:
Не видно еще нигде
Животины с рогами.
Схватив руками хвост
Стройного солового своего коня,
Он вырвал
Три тонкие волосинки.
Разбросал он их [по земле], сказав:
«Да будут скот и табуны!»
По берегам желтого моря,
По берегам черного моря
Расплодились бессчетно
Стада-табуны его —
Великое множество их
Копошилось, как муравьи;
Пьют они воду
Из огромного желтого моря,
Лижут соль
У громадного черного моря.
Выпили они черное море
Почти до самой донной гальки!
[Аламжи Мэргэн] заходит
В три крайние горницы,
Каждому из собравшихся
Руки он пожимает,
Лучшими словами привета
Приветствует их:
«Сваты мои дорогие! Видно, вы
Очень удивляетесь.
Через многие трудные битвы
Мне довелось пройти.
Вернувшись домой,
Не ведая как,

Сагаан яһан боложи
Атхаражи унаальби!..»
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Газаа харайн гаралайл
Нуураараа хэмнэн
Архияа бэлдэлэйл,
Нугаараа хэмнэн
Адаһайе хаабал-даа.
Михан шулүн хоёри
Бологожи алабал.
Гурбан сагаан сүүтхэдэ
Үдэршье зугаалбал,
Юһүн сагаан сүүтхэдэ
Түрүёө хэжи түглээбэл,
Найман һүни байнал-даа
Нааданай зонхон боложи
Нахиисара зугаалбал.
Архииншье үрөөлын
Хороогоо үгэй зугаалжи
Байгаа гэхэн юүмэ-даа.
Миханииншье үрөөлиин
Идеэ үгэй зугаалбал.
Арбан гурбан хаанда-ла
Эймэ баян хаая-ла
Үзээ үгэйб гэлсэжи
Мэнэнхэн хүүрээ хэлсэжи
Зугаалажи байбал-даа.
Ёргоон зуунхан хүүниидаа
Гуйлагайеын үрөөлөйн
Хороогоо үгэй зугаалжи
Байгаа гэхэ юүмэ-лэ.
Һаадагтайхан буряадтан
Хураган бэрин байна-ла
Хошоод алтан биһэлэг
Гуйлагайеын үгүбэл.
Һаншигтайнууд эзынтэн
Ганзагадан байна-ла
Хошоод бүтүү халюуе
Гуйлагашин уяжи
Үгээ гээши байбал-даа.
Эмниг гээши-лэ
Гэрээ һанабаа гэжил-даа,
Амитан зонхон хоёрдаа
Дайдаяа һанаба гэжи-даа
Ёргоон зуунхан хүүниидаа
Морёдоо-ло бариба,
Мододоо-ло тохожи
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлбэл,

В белый скелет я превратился,
Рассыпались белые мои кости. . .»
Вслед за тем:
Выбежал он во двор,
Целое озеро
Архи наготовил,
Скота [на мясо] пригнал
С долину целую,
Скотину он заколол,
Наварил мяса с бульоном.
Трое суток подряд
Они гуляли,
Целых девять дней
Богатую свадьбу справляли,
Восемь ночей подряд
Дружно все в хороводе
Пели-плясали.
Но сколько ни пировали,
И половины не выпили
Архи заготовленного,
И половины не съели
Мяса сваренного.
Народ, шумя и галдя,
Так говорил-сказывал:
«Среди тринадцати ханов
Мы не видели
Такого богатого хана».
Шестьсот человек
Не смогли разобрать
И половины подарков —
Так, говорят, это было.
И всем бурятам с колчанами
Надели в подарок
На каждый палец руки
По два золотых перстня.
И всем женщинам с косами
В тороки их
Положили по две
Выдровые шкурки,
Связанные вместе.
Молодые кони
По лугу родному тоскуют,
Весь люд-народ
По родимой земле тоскует. . .
И все шестьсот человек
Поймали своих коней,
Их оседлали,
Шагом [к дому] направили,

Газарахан тээшээ-лэ
Гайгуулажи талииба.
«Хүригэн хүбүүн ахай-ла,
Гунжи үнеэе һааһаншни
Гурбан хотон болохо!» —
Үрёөр хэжи байбал-даа:
Гунтай хүбүү үргэһэнш
Гушин һаадаг болохо! . .» —
Үрёөр хэжи байбал-даа
Хадамуушиин барандаа.
«Дүнжи үнеэе һааһаншни
Дүрбэн хотон болохол,
Дүнтэй хүбүү үргүһэнш
Дүшин һаадаг дүүргэгэйг!» —
Үрёөр ехэй хэлэжи-лэ
Хадамуушиин барандаа
Хоногшоёо газарта
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Үдэшижи үгүши
Байгаа гэхэл юумэ-даа.
Мэндэй һайха мэндээрээ
Мэндэшилжи байба-даа,
Ууһан ехэ уһандаа,
Унаһан ехэ дайдадаа
Ашаа ехэ хүндөөрэө
Хариит гэжи хэлэбэл.
Аятайхан зөөлөөрө
Хүрүйт гэжи хэлэбэл.
Ёргоон зуунхан хүүниидаа
Эбэрэй сагаан тараагтаар
Ханхинсара хатаржи
Харижи-ла арилбал.

21

Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Оёор булан гооронсдоо
Оролдожи ерэжи,
Оёор бэедэн байнал-даа
Булад сагаан хатаниин
Татахада һунаха
Табихада агшаха
Ташигай мүнгүн остоолоо
Табилдажи дэбьдэжи
Байгаа гэхэл юумэ-даа.
Далан зүһэнэй идеэе
Зүһүлэжи асаржи
Барани табилайл,

Поскакали
К родимой земле.
«Наш дорогой зять,
Пусть от твоей телки-трехлетки
Скот расплодится на три загона —
Такой *юрол* сказали они. —
Пусть от твоего трехлетнего сына
Родится тридцать [удальцов] с колчанами! —
Такой *юрол* сказали
Сваты его. —
Пусть от твоей телки-четырехлетки
Скот расплодится на четыре загона,
Пусть от твоего четырехлетнего сына
Родится сорок [удальцов] с колчанами!» —
Такой *юрол* сказав,
Все сваты его в путь собрались.
Аламжи Мэргэн молодой
Проводил гостей
И всех своих сватов
До места первой ночевки,
Лучшими словами привета
Он их приветствовал:
«К водам своим священным,
На землю родную
Все возвращайтесь
С полными тороками!
Домой возвращайтесь
С удачей и счастьем!»
Шестьсот человек
Поскакали со звоном,
Прочь удаляясь
По широкой южной дороге.

21

Аламжи Мэргэн молодой
Входит к горницу,
В дальнюю, угловую.
В той горнице
Жена его, Булад светлоликая,
Разложила, накрыв
Покатый серебряный стол,
Такой, что
Потянешь его — растянется,
Отпустишь его — сожмется.
Выбрав самые лучшие,
Она выставляет
Семьдесят кушаний,

17 Заказ № 222

Юһүн үнгүйн боодхойе
Дээжи бэрин табилайл.
Алта мүнгүн самбаараа
Бусалгажи асарбал,
Арбан толоогой саахараа
Баллажи асарбал.
Ташагай мүнгүн остоолдоо
Табилдажи байлгаба.
Хуюуландаа һуужи-ла
Эбир шибэр хэлсэбэ,
Эмьхэр шимхэр идеэлжи
Зугаалажи һуубал-даа.
Урай байһан юүмэээл
Урин татан хэлсэбэ
Узуураһаан наашил-даа.
Эртэ байһан юүмээ
Энхэһээн наашил-даа
Эрьюүлэжи зугаалжи
Эбир шибэр идеэлбэ.
Огторгойн шарга наранийн
Орохо баратай болобол.
Обоо мүнгүн ороёо
Обойшолон заһалайл.
Булад Хуурай басаган
Булаган-ханай будуушхи
Буръясара дэбьдэжи
Заһаа гээши байбал-даа.
Халюун-ханай хүнжилөө
Харъясара ширэжи,
Бэлдээ гээши заһажи
Байгаа гэхэн тэрэл-даа.
Үдэши хирын наранда
Оролдожи ошобол.
Халюун-ханай хүнжилдөө
Архалажи унтабал,
Булаган-ханай хүнжилдөө
Бухан байжи унталайл.
Обоо мүнгүн орондоо
Оръёсоро унтабал.
Үбэгэн һамаган хоёрын
Эбэй нэгээр унтабал,
Элигэ бөөрөө хоёроо
Дүүрэсэрэ зугаалбал.
Тэрэ гэсэн бэеэрээ:
Үглөөшани наранийн
Үндүйн хөөрэн гараба,
Үндүр уулайн толгойдо
Мандажи хөөрөжи байхадан

Водку она выносит
Девяти разных сортов,
Вскипятив злато-серебряный самовар,
Его приносит,
Десять головок сахара, расколов,
На стол ставит.
Так был накрыт
Тот покатый серебряный стол.
Сидя вдвоем,
Ели они всего понемногу,
Тихо беседовали,
Разговаривая, сидели.
Вороша-вспоминая
Дела минувшие,
Они говорили,
Воскрешая-перебирая
Дела давние,
Они говорили.
Того-другого пробуя, ели.
Красное солнце на небе
Катилось к закату,
Булад Хурай
Стала стелить постель
На высокой серебряной кровати.
Подушки из соболя
С шумом взбивая,
Положила их [в изголовье],
Притащила она
Шуршащее одеяло из выдры,
На кровать положила —
Так все приготовила.
С закатом вечернего солнца
Легли они спать.
Одеялом из выдры
Укутавшись, спать улеглись,
Собольим одеялом
Укрывшись, спать улеглись.
Удобно устроившись,
На высокой кровати спать улеглись,
Мужем и женой
В обнимку спать улеглись,
О самом заветном
Беседуя между собой.
    Вслед за тем:
Назавтра, с утренним солнцем,
Когда оно, выплывая,
Поднялось из-за гребней
Высоких гор,

Үбүгүн һамаган хоёрын
Бодохожи байбал-даа.
Мэтэр гэсэн бэеэрээл:
Алтан мүнгүн самбаараа
Бусалгажин асаржи
Эмьхэр шимхэр абаши
Идеэлэжи зугаалба.
Тиижэшье һууха-даа
Булад Хуурай хатаниин:
«Дүүхэн түрүһэн басагаяа
Бидэрэжи асарье!
Ярагаһан газарта
Ябаа үгэй юүмэл-даа,
Ядаһа-лан, сүхүрүһэн газарта
Ябаа-ла юүмэл-даа.
Өөриёө дураар ябаагүйл,
Үхэһэн ядаһан газарта
Ябаһан басаган бэлэйл-даа.
Агуй Гоохон дүүхэйеэл
Бидэрэжи асареыш!» —
Хэлэн хүүнэн зугаалжи
Һуугаа гэхэл юүмэ-даа.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Бидэрэжи талиибал.
Ойдо байһан модони
Үндэһээрин бидэрбэл,
Ургажи байһан ногоони
Үндэһээрин бидэрбэл;
Уһанда байһан хайрии-ла
Нижээдээрын тоолоожи
Олоожи ехэ ядажи
Эсэлдэжи байбал-даа.
Алтайн арюун дайдаяа
Абалажи бидэрлэйл.
Абалажи ябахадан
Алаг эреэн буга-ла
Урайгаарын отолжи
Харайлдажи талииба:
«Аламжи Мэргэн хүбүүндаа!
Намай хүсээ хадаа-ла
Араһайеым элдэжи
Ара энгэр байлгаарайш!
Михайеым-лэ абааши
Баруун-ханай бамбаараа
Оёори хэжи дүүргээеыш!»
Мэнэн хүүрээ хэлэжи
Арилажи талиижи
Ошоһониин тэрэл-даа.

Муж и жена
Поднялись.
Вслед за тем:
Злато-серебряный самовар
Они вскипятили.
Пробуя того и другого,
За столом сидя,
Между собой беседовали.
Булад Хурай [сказала]:
«Давай разыщем и в дом вернем
Младшую нашу сестрицу!
Видно, не в той земле она скрывается,
Где вдоволь счастья, —
Скитается в том краю,
Где невзгоды и бедствия.
Не по своей воле скитается
В гибельном, суровом краю
Наша сестрица младшая,
Найди же и приведи
Агуй Гохон-сестрицу!» —
Так она говорила-сказывала,
Сидя [с мужем], говорят.
Аламжи Мэргэн молодой
Искать сестрицу отправляется.
В корневищах лесных деревьев
Ее искал,
В кореньях травы растущей
Ее искал.
В реках он перебрал
Все камешки по одному,
Из сил выбился,
Но не сумел найти ее.
Он искал ее, из края в край проходя
Священную землю Алтая.
Когда он тайгу прочесывал,
Мимо него пробежал,
Пересекая ему дорогу,
Таежный пестрый изюбр.
«Аламжи Мэргэн молодой!
Если меня настигнешь,
Выделай мою шкуру
И сшей себе воротник.
А мясо мое увези
И им наполни
Свой правый амбар!» —
Нужное слово сказав,
Он убежал
И скрылся [в тайге].

Нарин Шарга мориниин
Оройн хара үһэйе
Орболзуулжи ошожи
Үлдэлдэжи талииба.
Зүүнхэн уулайн толгойдо
Хоёр хойто хүлиин
Нэгэдхэжи зуужи-ла
Барилдажи байба-ла.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Мориноһоон харайжи
Буужи ошоһон бэеэрээ
Нарин хүзүү тэбэрьлэйл.
«Агуй Гоохон дүүхэймни,
Мүнхүн бэеэ бэелэйш!
Мүхүрёөн шарай шарайлайш!
Хэндэ иижэ егэлээбши!»
Баруун нюдөөр уйлажи
Бархиражи байнал-даа
Байгал далай болгожи,
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Зүүнхэн нюдөөр уйлажи
Зүлхэ далай болголойл.
Зүбхэн хүүрээ хэлэжи
Уйлан дуулан байнал-даа.
«Ахай, ахай!» — гэжи-лэ,
Хэлэн хүүнэн ошолойл:
«Гарахада гараальди,
Түрэхэдэ түрөөльди,
Эхэһээн түрүһөөр
Улаа нүсүгөөр байнальби!..»
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Наранай дүлүы татажи
Огторгодоо гаралайл,
Огторгоёо оёдолшиндо
Урууллажи ошобо.
Үндүхүйн һайхан хубсаһайе
Оюулажи асарбал.
Талайн ганса модоной
Хоюулан һуунал-даа.
Агуй Гоохон дүүхэй-лэ
Мэнхэн бэеэ бэелбэ,
Мүхүрёөн шарай шарайлжи
Хубилажи һуубал-даа.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин,
Ахай хүбүүн гээшин-даа
Баруун ехэ үбүдүгтөө

Стройный соловый конь,
Вздыбив на холке
Свою черную гриву,
Поскакал за изюбром.
Он догнал его
На вершине восточных гор
И задержал, разом схватив зубами
Обе задних его ноги.
Аламжи Мэргэн молодой
С коня соскочил,
И, подбежав к изюбру,
За тонкую шею обнял.
«Агуй Гохон-сестрица,
Прими, дорогая, свой облик,
Снова румяной стань!
Почему ты так изменилась?» —
Так он говорил-сказывал,
Плача-рыдая.
Слезами из правого глаза
Байкал-море наплакал,
Слезами из левого глаза
Лену-реку наплакал —
Так он рыдал и плакал,
Слова заветные говоря.
«Брат мой дорогой, —
Так стала говорить-сказывать [Агуй Гохон], —
Родиться-то мы родились,
Появиться-то мы появились,
Но я теперь без одежды —
Как мать родила!»
Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн молодой
Притянул солнечные лучи,
За них ухватившись,
Поднялся на небо
И явился к небесным швеям.
Они сшили и ему отдали
Самые красивые одеяния.
Сели брат с сестрой
В степи у одинокого дерева.
Агуй Гохон-сестрица
Прежний облик свой приняла,
Снова стала сама собой —
Круглолицей, румяной.
Старший ее брат
Аламжи Мэргэн молодой
Обнял ее нежно,

Һуулагажи тааланлайл.
Байха ахуй хүүрээ-лэ
Зугаалажи таалаба.
Аха дүүхэн хоёртаа
Ядаһанаа зугаалбал.
Дээшээшье харажи
Уяражи зугаалбал,
Яргаһанаа хэлсэжи
Зугаалажи һуубал-даа.
Доошоошье харажи
Инеэжи һуужи зугаалбал.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Гэрхэн тээшээ хүтүрөлдөжи
Гэшхүүлэжи ошожи
Арилаа гэхэн юумэ-лэ.
Булад Хуурай хатаниин
Урайн тодожи ерэбэл.
Агуй Гоохон басагани
Баруун гарын бариба,
Байха сайхан мэндээрээ
Мэндэшилжи байбал-даа:
«Ярагаһан газарта
Ябаа үгэй бэлэйши,
Ядаһан сүхэрһэн газарта
Ябаһан хүүнхэн бэлэйлши!.
Үнүржиһэн газарта
Ябаа үгэй бэлэй-лэ,
Үхүһэн тулиһан газарта
Түлэгэһэн хүнхэнши!..»
Газаа бэедэ ошожи
Оёор мүнгүн гооронсдоо
Хүтүрүлдэжи ошожи,
Оёор бэедэн ошолойл.
Татахада һунаха,
Табихада агшаха
Ташигай мүнгүн остоолоо
Табин дэбидэн асаржи
Байгаа гэхэн юумэ-даа.
Уухайн һайхан идеэе
Асаражи табилайл.
Юһүн үнгүйн боодхойе
Зүһэ бэрин табилайл.
Алта мүнгүн самбаараа
Бусалгажи асарбал,
Арбан тологой саахараа
Буталажи табилайл.
Ташигай мүнгүн остоолдоо
Гурбууландаа һуулай-ла.

Посадив на правое свое колено.
Он, лаская, поведал ей
О самом заветном,
И говорили брат с сестрой
О бедах своих и лишениях.
Вверх глядя,
Говорили они, волнуясь;
О наступившем счастье
Говорили-беседовали.
Беседовали, смеясь и радуясь.
Вслед за тем:
Взявшись за руки,
Шагом они
Направились, говорят,
В сторону дома родного.
Встретить [брата с сестрой]
Вышла из дома Булад Хурай.
Она пожала правую руку
Агуй Гохон-сестрице,
Лучшими словами
Ее приветствовала.
«Не в той земле ты скрывалась,
Где вдоволь счастья, —
Ты скиталась в краю,
Где невзгоды и бедствия!
Не в той земле ты жила,
Где много счастья, —
Ты скиталась в краю,
Где погибают, мучаются».
Взявшись за руки,
Они подошли к дому
И вошли в горницу
С серебряным полом.
Ставят они
Покатый серебряный стол:
Такой, что потянешь — растянется,
Отпустишь его — сожмется,
И накрывают его.
Самую вкусную еду
[На стол] выставили,
Все девять сортов водки
Они вынесли,
Вскипятили злато-серебряный самовар
И принесли.
Расколов
Десять головок сахара,
За покатый серебряный стол
Уселись они втроем.

Эмхир шимхэр идибэ,
Эбэр шибэр зугаалжи,
Зугаалажи һуубал-даа.
Агуй Гоохон дүүхэйеэ
Ухуй һайхан ундаараа
Ундалуулжи идюулжи
Зугаалуулжи һуубал-даа.
Уряй байһан юумэйе
Ундалажи зугаалба.
Эртэйнхэеэ юумэйе
Эрьюулэжи зугаалбал.
Хара ехэ далаяа
Үрмөтөсөөн зугаалба.
Хабтагайхан шулуунаа
Ногоолосон зугаалба.
Агуй Гоохон дүүхэй-лэ
Баруун ехэ хармаанһаа
Алиганай-дэли саараһа
Гарагажи үгүлэйл.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Абалдажи дуудалайл:
Эсэгэ Малаан баабай-ла
Хоёр хошоо хүбүүе
Заяажи үгөө гэжи
Баярлажи дуудаба.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Бодолдожи ошолойл.
Агуй Гоохон дүүеэ-лэ
Хоёр хүлиин тэбэрьбэ.
Мүргэжи баярлажи
Тэбэрижи байбал-даа:
«Аминым арга олболши,
Ахуйм яргал бэдирлэйш!»
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Агуй Гоохон дүүдээ-лэ
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.

22

Аройн зойе эмхилхэ
Хара Зутан абагайдаа
Айшилажи ошое!
Хэлэн хүүнэн һуунал-даа.
Үбэри зойе эмхилху
Шара Зутан абагайдаа
Айшилажи ошоёл!
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Нариихан Шарга мориёо

Ели всего понемногу,
О том, о сем говорили —
Так сидели, беседуя.
Агуй Гохон-сестрицу
Вкусной едой кормили,
Напитками лучшими ее поили,
Рассказ ее слушая.
Беседовали, вспоминая
Дела стародавние,
Беседовали, перебирая
Дела минувшие.
Так [долго] беседовали, что пенкой покрылось
Большое черное море,
Так [долго] беседовали, что трава выросла
На плоском большом камне.
Агуй Гохон-сестрица
Из правого своего кармана
Тут же достала
Бумагу величиной с ладонь.
Аламжи Мэргэн молодой
Читает бумагу
И с радостью узнает:
Эсэгэ Малан-бабай
Ему посылает на счастье
Двух сыновей-близнецов.
Аламжи Мэргэн молодой
Встал, подошел [к сестрице],
Обнял колени
Агуй Гохон-сестрицы.
Кланяясь ей,
Он обнимал ее, говоря:
«Ты мне спасла жизнь,
Ты мне нашла счастье!» —
Так говорил-сказывал
Аламжи Мэргэн молодой
Агуй Гохон-сестрице.

22

[Аламжи Мэргэн] говорил-сказывал:
«Поедемте в гости
К дяде Хара Зутану,
Который народом северным правит,
Поедемте в гости
К дяде Шара Зутану,
Который южным народом правит!» —
Так говорил-сказывал.
Выйдя во двор,

Гаралдажи хүллөбэл,
Нашан ёроо тэргэдээ
Хүлүлдэжи орхёбол.
Аха дүүхэн хоёр-ло
Хоюуландаа һуужил-даа
Арын сагаан тараагтаар
Хатаражи талииба.
Арын зойе эмхилхү
Хара Зотон абагаяа
Газаа бэедэн хүрэжи
Байгаа гэхэн юумэл-даа.
«Хара Зотон абагай!» — гэжи,
Хаахиргайеын табилай.
Хара Зотон абагай
Гарши ержи үгөөгүйл:
Хара ехэ байһандаа
Хара ехэ хүхүүртээ
Хабшуулдажи ядажи
Хэбтээ гэһэн байнал-даа.
«Харахан ехэ хүхүүршни
Хаани түрмэ бишил-даа,
Үтэр түргэн ерэйши!»
Гаралдажи ержи
Хажуудан-ла ерэлэйл.
Хара Зутан абагайн
Хэлэн хүүнэн байнал-даа:
«Хара ехэй һанаһан,
Боро ехэй бидэрһэн
Үбэрэй зойе эмхилхү
Шара Зутан абагайшни
Арбан бэрхэ тогоое
Арзалажи нэрэлэй,
Хорин бэрхэ тогоое
Хорзоложи нэрэлэйл!
Гурбан елэй газарта
Тодолдожи гаралайл. . .
Хараар ехэй харадажи байнал-даа!
Борой ехэ һанаагаар
Буруулажи байнал-даа! . .»
· Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Минии гэхү зөөрийе
Баарани гульдхаа!» — гэжи,
Зүүнэйшье хухархай
Орхёо үгэй гульдхуулба,
Эрхыншье элтэрхэй
Үлеэгээ үгэй гульдхуулба.
Халаадаараа тээлгэжи

Быстро впрягает
В легкую телегу
Стройного солового коня.
Брат с сестрой
В нее уселись вдвоем
И рысью помчались
Широким северным трактом.
Они подъехали ко двору
Дяди Хара Зутана,
Который правит
Народом северным.
«Дядя Хара Зутан!» —
Крикнул [Аламжи Мэргэн].
Дядя Хара Зутан
Не вышел наружу:
Он находился
В своем высоком темном дворце
И лежал, задыхаясь,
В большом черном мешке.
«Твой большой черный мешок
Не ханская же тюрьма.
Вылезай поскорей!»
Дядя Хара Зутан
Из дворца вышел,
К ним подошел
И так сказал:
«Твой дядя Шара Зутан,
Который южным народом правит,
Зло большое задумал,
Коварство большое замыслил:
Крепкую *арзу* он выкурил
В десяти ужасных котлах;
Ядовитую *хорзу* он выкурил
В двадцати ужасных котлах!
Навстречу тебе он выехал
На расстояние трех лет пути. . .
Он зло большое задумал,
Он злое дело замыслил
Против тебя!»
Вслед за тем:
«Собери немедля
Все мое добро!» — сказал [Аламжи].
Он заставил собрать все:
И иголки ломаной не оставили,
И обломка косяка не забыли —
Все собрали.
Большими грудами

Байгаа гэхэн юүмэл-даа,
Хамтаяарин зонхилжи
Табяа гэхэн юүмэл-даа.
Дүрбэн сагаан гүбеэртэм
Абаадха гэжи табилайл.
Гурбан зуунхан алаабхида
Уруулха гэжи харюулба.
Арада һууһан
Унаган хээли албатаяал*
Урай байһан газартан
Бааранын байнал-даа
Эбэлүүлэжи һуулгажи
Эмхилэжи байнал-даа.
Аралтайда бэлшихү
Арбан түмэн адууяа
Ара бэедээ барани
Гульдхалдажи байбал-даа.
Ехэ сагаа нуураа
Эрье дээрэн абааши
Уһалажи, ундалажи
Бэрьтхэжи байбал-даа.
Урайнхиһаан байнал
Улам үлүү болоол-даа,
Эртэ байһан юүмэнһээн
Энхэн олон болоол-даа.
Бэшигэй ехэ һайгаардаа
Зуралдажи тоолобо,
Биһэлэгээ толгойёор
Тамагалажи байбал-даа.
Хада дээрэн гаргажи
Хаахиражи табилайл.
Уула бэрин гаргажи
Уруудуулжи табилайл.
Бөөриёө-лө бүглүйсү
Тарагалаха гэжил-даа,
Харагама хахара
Тарагалахал гэжи-даа
Байһан сагаан дайдада
Байлагажи орхёбо.
Хара Зутан абагайда
Газаа бэедэн ержи
Байгаа гэхэн юүмэ-даа.
Хүзүүгээрэн дүүрэсэ
Гэнжилэжи байбал-даа,
Хүлөөрин дүүрэсэ
Шудур хэжи байбал-даа.
Наша ёроо тэргэндээ
Хүтүлэжи байбал-даа.

Сложили добро,
Плотно в тюки
Уложили добро,
Он повелел отправить добро
В четыре свои губернии,
Наказал завезти его
В триста своих лавок.
Миролюбивых своих подданных,
Живших на северной стороне,
Всех он собрал
И расселил на прежних кочевьях,
Установив для них
Обычаи и порядки.
Стотысячные табуны,
На островах пасущиеся,
Вместе собрал
На северных склонах [Алтая].
Табуны пригнали
К большому белому озеру,
Там их поили
И пересчитывали.
Табуны расплодились
Больше прежнего,
Стали жирней
Больше прежнего.
Точный счет стадам ведя,
Заносили в бумаги
И печаткою перстня
Печати ставили.
Скот гнали пастись
С криками в горы,
Рассеивая стада по горам,
Пускали пастись,
Чтоб жиром
Почки заплыли,
Чтоб от жира
Бока распирало.
Так по всему белому свету
Они стада рассеяли.
Они подъехали
Ко двору дяди
Хара Зутана.
Шею его
Обмотали цепями,
Ноги его
Стянули путами.
Привязали его
К легкой своей телеге

Үбэри сагаан тараагтэй
Уруудажи талиибал.
Үбэри зойе эмхилху
Шара Зутан абагайдаа
Айшилажи ошхоёо
Уруудажи талиибал.
Шара Зутан абагайн
Газаа бэедэн хүрүлэйл.
«Шара Зутан абагай,
Газаа!» — гэжи һүүхирлэйл.
Шара Зутан абагай
Хара ехэ хүхүүртээ
Хабашуулдажи ехэ ядажи
Хэбтээ гэхэ байнал-даа.
«Хара ехэ хүхүүршни
Хара түрмэ бишил-даа!
Ерэ үтэр!» — гэжи-даа
Һүүхиргэйеын табилайл.
Шара Зутан абагай
Гаралдажи ерэбэл-даа.
Һү ехэй идеһэн
Нохойдали боложи
Ташин тушин гэжи-лэ
Элигэ хатан байнал-даа.
«Хараар ехэй хардаһан,
Бороор ехэй бордоһон,
Нүгэл ехэй һанаһан,
Нүгэл ехэй бидэрһэн
Арайн зойе эмхилхү
Хара Зутан абагайшни
Зөөри зүрхэн хоёрыш
Үрөөлүһөө ехэйеын
Олзоложи абаадһан,
Отоложи абаадһан
Энэ шини бэеэрээ
Байна!» — гэжи хэлэбэл-даа.
Агуй Гоохон дүүеэ-лэ
Хэлэн хүүнэн байнал-даа.
Өөрэёө үнэн зөөрүйе
Үлеэгээ үгэй гульдхабал.
Хүүнэй гэхү зөөрые
Хүрээ үгэй гульдхабал,
Һурайшье таһархай
Абаа үгэй гульдхалай,
Һумашииншье хухархай
Абаа үгэй гульдхабал.
Халюун булган хоёроо
Бүүнтигээрын эмхилбэл*.

И поехали
По широкой южной дороге.
Отправились они
Погостить
К дяде Шара Зутану,
Который южным народом правит.
Они подъехали ко двору
Дяди Шара Зутана.
«Дядя Шара Зутан,
Выходи!» — закричали.
А дядя Шара Зутан
Лежал, говорят,
В большом черном мешке,
Изнемогая и задыхаясь.
«Твой большой черный мешок
Не темная же тюрьма!
Вылезай поскорей!» —
Закричал [Аламжи].
Дядя Шара Зутан
Выбравшись [из мешка], вышел.
Был он похож на пса,
Объевшегося молоком,
Шел кое-как, качаясь,
В большом смятении.
«Черное деяние совершивший,
Злое деяние сотворивший,
Коварное дело замысливший,
Искавший, как это сделать,
Твой дядя Хара Зутан,
Который народом северным правит,
Из кровного твоего добра
Большую часть забравший,
Как добычу,
Его присвоивший,
Ее у тебя отнявший,
Вот он перед тобою
Стоит!» — так говорил [Шара Зутан]
Агуй Гохон-сестрице.
Все добро свое нажитое
Без остатка собрали,
Чужого не тронув,
Все собрали:
И обрывка ремня
Не оставив, собрали,
И обломка стрелы
Не оставив, собрали.
Меха собольи, выдровые
Связками уложили,

Хармалжин хара сэнмээ
Халаадаарин дэлгэбэл.
Аруйн сагаан тараагтаар
Тээлэгэжи гаргабал.
Дүүрэн сагаан гүбеэртэм
Абаадха гэжи гаргабал.
Гурбан зуунхан алаабхидаа
Уруулха гэжи гаргалайл.
Эръелтэйдэ томирхо
Унаган хээлэн албатаяа
Байһан-хани юүмэйеын
Байһан хударын байлгабал.
Эртэ байһан юүмэйе
Эртэйн ёһоор байлгабал,
Урайн һууһан албатаяа
Урайнхяарин һуулгабал.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Үбэритээ бэлшихү
Үйхүн түмэн адууяа
Үбэритээ гульдхабал.
Ехэ шара нуураа-ла
Эрье дээрэн гульдхабал.
Ехэ шара нуураһаан
Уһалажи байбал-даа.
Бишигэй һайгаар зуражи
Тоололдожи байбал-даа,
Биһэлэгэй тологойёор
Тамагалажи байбал-даа.
Уула дээрэ гаражи
Тараалдажи байбал-даа,
Хада бэеэ хаахиржи
Бэлшилдэжи табилайл.
Харагамаа хахара
Таргалагтуй гэжи-даа,
Бөөрөёө бүтэсэ
Тарагалха гэжи-даа. . .
Хуушинай байһан дайдадан
Хуушаариин байлгабал,
Эртэ байһан дайдадан
Эртэйнхеэрин байлгабал.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Шара Зутан абагаяа
Газаа бэедэн ерэжи
Байгаа гэхэн юүмэ-даа.
Бурханай шара хэннигэ
Буулагажи дуудабал:
« Хоёр һайхан абагай,
Алинтнай хардабаб?
Хоюуландаа тэгэши

Сукна черные дорогие
Тюками сложили.
Погрузив, все добро отправили
Широким северным трактом.
Отправили, повелев доставить
В многолюдные их губернии,
Наказав завезти добро
В триста своих лавок.
Все добро раздали они
По домам
Подвластным людям —
Кому что принадлежало.
Все, что здесь было раньше,
Все, что было, восстановили,
Вернули всех подданых
На прежнее место.
Вслед за тем:
Многотысячные стада,
На южной стороне пасущиеся,
Собрали пастись на тех же склонах,
Пригнали на берег
Большого желтого озера,
Из этого большого желтого озера
Их напоили.
Точный счет стадам ведя,
Заносили в бумаги
И печаткою перстня
Печати ставили.
Скот гнали пастись
С криками в горы,
Рассеивая стада по горам.
Пускали пастись,
Чтобы от жира
Бока распирало,
Чтобы жиром
Почки заплыли.
Вернули свои стада
На прежнее место,
Пустили их пастись
На те же места.
Вслед за тем:
Они подъехали
Ко двору
Дяди Шара Зутана.
Раскрыли священную книгу судеб,
Чтобы прочесть,
Кто из двух дядей
Черное зло содеял?
«Оба ваших дяди

Хардаа байнат!» — гэбэл-даа.
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Огторгодоо гаралайл.
Ерэн юһүн дархандаа
Эгээн ехэ дархандан
Гурбан хара далайяар
Хатаалгатай дархандан,
Шара улаан тэхээрэ
Угаалгатай дарханда
Далан бургүй хадааһуй
Хүүлэжи байбал-даа,
Далан хурса хотёгүй
Хүүлэжи абалайл.
Далан хурса хайшиие
Хүүлэжи абалайл.
Үлэгэндэ буужи-ла
Абагайн газаа ерэбэл-даа.
Хоёр-ханай абагаяа
Хүтүлөжи гарабал.
Гурбалжаани байбал-даа
Гурбан зэргэ харагүйн
Узуур дундан абааши
Тайгуйн
Тажи улаан шүнүһүнду
Тарахяаран доошондаа,
Табагайяаран дээшин-лэ
Хуюлайеын барижи
Хадалдажи орхёбо.
Дээдэ бэедэн байна-ла
Баруун-ханай гараа-ла
Шигэшиигээ хахалжи
Мүнхүйн хара уһан-ла
Гарагажи байба-ла.
Толгой дээрэн атхабал.
«Энэ галаби эмдэрсэ,
Тэрэ галаби тэхэрьсэ
Ангалзаха аматайхан
Байгтуй!» — гэжи хэлэбэл-даа,
«Гозолзохо хэлэтэйхэн
Байгтуй!» — гэжи хадалайл.
Доодо бэедэ байна-ла
Далан боошхи дэбэтэлэйл,
Далан боошхын хажууда
Далан хурса хотёгоёо,
Далан хурса хайшаяа
Табилдажи байбал-даа.
Тажин улаан шүнүһүндө
Шулуун сагаан хэниигэ*

Творили зло наравне!» — [книга] сказала.
Аламжи Мэргэн молодой
Вознесся на небо,
У самого старшего
Из девяноста девяти *дарханов* *,
У *дархана*, омытого
В водах трех черных морей,
У *дархана*, освященного [кровью]
Желтого козла-великана,
Стал делать-ковать
Семьдесят винтовых гвоздей.
Выковал и взял [у *дархана*]
Семьдесят острых ножей,
Выковал и взял у него
Семьдесят острых ножниц.
[Аламжи], сойдя на землю,
Подъехал к дому дяди.
Обоих своих дядей
Выводит он за руки.
Он их подводит
Туда, где
Три дороги расходятся,
К таежной
Могучей кряжистой лиственнице.
Он пригвождает
Обоих [своих дядей]
Вниз головою,
Пятками вверх.
Встав над ними,
Он разрезает мизинец
Правой своей руки,
Из него выпускает
Живую вечную воду
И поливает им головы.
«Пока этот мир не рухнет
И не родится другой *,
Будьте такими —
С разинутой пастью! — так он сказал. —
Будьте такими —
С высунутыми языками!» — сказал, их пригвождая.
Внизу, под ними,
Семьдесят бочек поставил,
Возле этих семидесяти бочек
Он положил
Семьдесят острых ножей
И семьдесят острых ножниц.
Он исписал и прибил
К могучей кряжистой лиственнице

Зуралдажи байлгаба.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
«Энэ дайдуйн эмдэрсэ,
Тэрэ дайдуйн тэхэрьсэ,
Энэшье харгуйяар
Эзы хүнхэн ябаа хадаа
Энэ хурса хайшаара
Сахюура-дали михайе
Отоложи байжи-ла
Энэ ехэ боошходо
Хэхэ!» — гэжи зуралайл-даа.
«Энэ гурбан харгуйяар
Эрэ хүнхэн ябаа хадаа
Энэ хурса хотёгооро
Сахюура-дали михайе
Отоложи абаад-ла
Энэ ехэ боошходо
Хэхэ!» — гэжи зуралайл.
Мэтэр гэсэн бэерээ:
Аламжи Мэргэн хүбүүниин
Гэрхэн тээшээ гэшхүүлбэ,
Газархан тээшээ гайгуулба.
Дүүрэн сагаан гүбеэртээ
Оролдожи ерэбэл-даа.
Гурбан зуунхан алаабхияа
Үүдэн дундан буубал-даа.
Байһан ехэ зөөриёо
Байһан газартан байлгабал.
Гурбан зуунхан алаабхияа
Инеэлгэжи байбал-даа,
Гурбан зуунхан пирхаашиг
Худалдаяа хэбэл-даа.
Уряа байһан юүмэйе
Уряанхиһаа үлүүгээр
Байлагажи яргажи
Байгаа гэхэн юүмэл-даа,
Эртэнэй байһан зөөриёо
Эрьюүлэжи байлгабал,
Эртэйнхиһээн үлүүгээр
Тогтолдожи байлгабал.
Мэтэр гэсэн бэеэрээ:
Арбан гурбан хаанай-ла
Аха хааниин боложи,
Ахуй яргал яргажи;
Хорин таба хоножи
Хуушин яргал яргабал.
Далан гурбан хэлэнэй

Белокаменную плиту.
Вслед за тем:
«Пока этот мир не рухнет
И не родится другой,
Всякая женщина,
Мимо едущая,
Пусть отрежет
Этими острыми ножницами
Мяса с кремень величиной
И в эту большую бочку
Кинет! — так написал. —
Если по этим трем дорогам
Мужчина проедет,
Пусть отрежет
Ножами этими острыми
Мяса с кремень величиной
И в эту большую бочку
Кинет!» — так написал он.
Вслед за тем:
Аламжи Мэргэн молодой
Шагом [коня] к дому направил,
Поскакал к [родимой] земле.
Он прибывает в губернию
Свою многолюдную.
Спешивается у дверей
Трехсот своих лавок.
Все добро свое
По местам он расставил,
Тут же открыл
Все триста лавок,
Триста приказчиков
Принялись торговать.
Все прежнее
Восстановили они лучше,
Чем раньше было,
И счастливо зажили они, говорят.
Все добро свое
Восстановили, вернули.
Все стало еще прочнее,
Чем раньше было.
Вслед за тем:
Над тринадцатью ханами
Старшим ханом став,
Полным счастьем он наслаждался,
Миновало только двадцать пять дней —
Прежним счастьем он наслаждался,
Утвердившись главой

Үзүүр хэлэн боложи
Хуушин яргал яргажи
Хотогой үнэр болобо.
Ахуй яргал яргаба,
Алагайн зугаа зугаалба.
Амитан зониин боложи
Үнэржижи зугаалһаниин тэрэ-лэ. . .өө!
Узууртаа хүрүжи дуудабал-даа.

Семидесяти трех племен,
Полным счастьем он наслаждался.
Со своими сородичами,
Полное счастье найдя,
Зажил он счастливо.
Сородичи его, умножившись,
Стали людом-народом, зажили счастливо, о-о!
Тут и к концу подошли.

19 Заказ № 222

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

СВЕДЕНИЯ О ТЕКСТЕ И ПРИНЦИПАХ ЕГО ПУБЛИКАЦИИ

Публикуемый улигер «Аламжи Мэргэн» (Аламжи Мэргэн хүбүүн Агуй Гоохон дүүхэй хоёр») записан Цыбеном Жамцарановичем Жамцарано 18—20 августа 1903 г. в течение двух дней и двух ночей от Елбона Шалбыкова (Шалбагая), бурята 53 лет, в улусе Хандаа Буяновского рода Капсальского ведомства (ныне Эхирит-Булагатский район Усть-Ордынского автономного округа Иркутской области). Согласно устным сведениям, полученным от земляков и дальних родственников сказителя, Е. Шалбыков умер около 1914 г. От него Ц. Ж. Жамцарано записал также улигер «Хан Ошир хубун» («Хаан Ошир хүбүүн»; фрагмент улигера с таким же названием — 499 стихов — был записан собирателем от Петруу Михаханова). «Аламжи Мэргэн» записан во время первой научной командировки Ц. Жамцарано к кудинским, верхнеленским и ольхонским бурятам в 1903 г. по поручению Академии наук. Последующие поездки состоялись по заданию Русского комитета изучения Средней и Восточной Азии. Во время этих поездок ученый обнаружил и запечатлел в многочисленных записях живую эпическую традицию в среде эхиритов и булагатов.

Благодаря специальной подготовке и приобретенному навыку, Ц. Ж. Жамцарано удалось максимально приблизиться к точной и полной фиксации сказительского текста улигера. Не случайно он по этому поводу пишет: «. . .получается нечто вроде стенограммы, которую нужно тут же проверить и исправить неясности, пока вы их не забыли» [24, т. 1, вып. 1, с. XV].

Кроме того, собиратель в целом успешно решил, по мнению специалистов, проблему воспроизведения особенностей наречия эхиритских бурят: он точно отразил все те произносительные нюансы, которые четко проявляются в процессе естественного исполнения улигеров в привычной среде слушателей. Требование научного издания фольклорных текстов обусловило обращение собирателя к системе академической транскрипции на основе русской графики. Трудности заключались в достижении адекватной передачи специфических бурятских звуков, которые не имели соответствующего буквенного обозначения в старом русском алфавите. Таковы звуки, передаваемые литерами современного бурятского алфавита (основанного на кириллице) — һ, ү, ө. Первая из этих букв была найдена в привычном начертании, вторая и третья передавались с использованием диакритических знаков к буквам у, о — ў, ȯ. Долгота гласных, мягкость согласных также обозначались с помощью особых диакритических знаков. Эпический язык улигеров, записанных Ц. Ж. Жамцарано, отличается обилием повторений слов, наличием слов междометного и вспомогательного характера (*ханай, бэлэй, гэжэ*). Собиратель скрупулезно фиксировал все произнесенные слова (морфемы) в том виде, как и в каком сочетании они были произнесены сказителем.

Текст улигера «Аламжи Мэргэн» был напечатан в первом выпуске издания «Произведения народной словесности бурят» (Собр. Ц. Ж. Жамцарано. — Спб., 1913. — С. 1—158), предпринятого Императорской Академией наук (серия «Образцы народной словесности монгольских племен». Тексты. Т. 1).

В редакционном предуведомлении к изданию, датированному 8/21 мая 1913 г., приводились следующие сведения об оригинале и его подготовке к печати (воспроизводим их с нашими попутными примечаниями):

«Рукопись [записи Ц. Ж. Жамцарано] хранится в Азиатском Музее Императорской Академии наук (Mus. As. Not. VII, n° 6, Add. 1905/2), в составе сборника материалов под названием „Коллекция Ц. Жамцаранова 1903 г.". Поэма об Аламжи Мэргэне помещена там под № 12 (стр. 291—436). Печатание производилось с копии, переписанной самим собирателем с указанного оригинала и хранящейся в том же Азиатском музее под названием „Коллекция Жамцаранова за 1911 г." (записана: 1912 № 429) и содержит 205 страниц.

По поручению состоящей при Академии наук Комиссии по изданию монгольских книг за изданием выпуска I наблюдал приват-доцент А. Д. Руднев, причем лектор университета Б. Б. Барадийн и студ. В. А. Михайлов оказывали ему любезное содействие. Насколько было возможно, запрашивалось мнение собирателя, находящегося в Урге (Монголия) в командировке от Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. В настоящем выпуске такие слова, как *шіјі*, *-ханаі*, *-манаі*, *даа*, *-хада̄* и т. п. напечатаны слитно со словом, за которым они стоят; в дальнейших выпусках, согласно указанию, полученному от Ц. Ж. Жамцарано после отпечатания всей былины, эти слова будут печататься отдельно (эти поправки, указанные Ц. Ж. Жамцарано, учтены и в нашем издании «Аламжи Мэргэна». — *М. Т.*).

Текст записи сохранен по возможности в неприкосновенном виде; в тех местах, где редактор находил нужным (главным образом в целях установления однообразия в написании того же самого слова в разных местах) внести некоторые изменения [1], там написание оригинала вынесено на поля [2] и заключено в прямые скобки. Словом *vel* отмечены разночтения оригинала».

В «Предисловии» А. Д. Руднева добавлено еще одно пояснение: «В I томе, для достижения большего соответствия подлинному произношению, допущена без особых оговорок только замена буквы **е** всегда буквою **є** в первом слоге слов, а в остальных слогах везде оставлена **е**, за исключением **єі** и иногда **єј**. Долгие **е** всегда пишутся **ē**; знак краткости совершенно опущен, и там, где он был у собирателя, — написание со знаком краткости вынесено на поля» (стр. V).

Благодаря тщательности и продуманности текстологической работы Ц. Ж. Жамцарано и подготовки улигера к печати А. Д. Рудневым публикация 1913 г. обладает высоким уровнем документальной достоверности. Она целиком положена в основу подачи текста в нашем издании, причем в нем используется современный бурятский алфавит без дополнительных знаков. Мы следуем изданию 1913 г. в следующих моментах:

редуцированные гласные не восстановлены (*татха*, *хахархгүй*), вставленные краткие гласные сохранены (*абадар*, орфогр. *абдар*; *наранаһаа*, орфогр. *наранһаа*);

сохраняется также лабиализация переднеязычных гласных: *нухушин* (орфогр. *нухэдынь*); *гэхудаа* (вм. *гэхэ*), *хэлэху*, *нимэгэнду*, *турубэ* и т. д.;

в исходе слова после шипящих сохранен гласный **и**: *гэжи*, *биши*, *задаражи*, Аламжи;

сохранены варианты произношения: *гэһэн*, *гэсэн*, *гэхэн*.

В некоторых немногих случаях потребовалось внести уточнения в написания слов:

сохраненное в принципе оканье и өканье устранялось в случаях типа саарһон;

разные оттенки «э» унифицированы: *мергэн — мэргэн*;

там, где нарушена гармония и последовательность гласных, она восстанавливается: *модонай — модоной*, *болголайл — болголойл*;

уточнены в ряде случаев написания разных частиц: **лэ**, **лан**, **хани**.

Издавая улигер в 1913 г., Ц. Ж. Жамцарано выстроил текст его по принципу пятистрочия. Улигер состоит из 5297 стихотворных строк. Ц. Ж. Жамцарано применил пятистрочную их нумерацию. Это, конечно, не связано ни с внутренним строением улигера, ни с разбивкой тирады или речи на отдельные предложения. Такое деление носит скорее формальный характер, но оно некоторым образом организует материал и способствует восприятию произведения в его дробных частях. Главное же практическое достоинство такой нумерации в том, что она позволяет точнее соотносить текст оригинала с переводом. Она сохраняется и в настоящем издании.

Большую связь с сюжетным строением улигера имеет разбивка текста на главы. Всего их 22. Каждая глава построена на самостоятельном, относительно завершенном сюжетном блоке. Возможно, такое дробление было связано с подачей сказителем текста: исполнив очередной эпизод, Е. Шалбыков, как об этом писал Ц. Ж. Жамцарано, отдыхал, курил, пил воду. Мы не сочли возможным разрушать ту конструкцию, которая была соблюдена при первом издании, исходя из предположения, что найденная форма отражала, с одной стороны, композиционное строение улигера, с другой — была плодом совместного труда сказителя и собирателя, каждый из которых по-своему способствовал увековечению одного из лучших произведений бурятского эпоса.

М. Тулохонов

ПРИМЕЧАНИЯ К БУРЯТСКОМУ ТЕКСТУ

111 — *Хулугэй* от слова *хулэг* «скакун, хороший верховой конь».
254 — *Дуумэйн* от слова *дуумэ*. — Имеется в виду Кудинская инородческая дума бывшей Иркутской губернии.
257 — *Дурбэн шулуун шаасаяа...* — Сказитель подразумевает городские или крепостные каменные сооружения.
282, 288, 349, 3767, 5058 — *албатуйн, албатаяа, албатэйм, албатэим, албатан, албатаял*. — Различия в окончаниях слова *албата* (подданный) объясняются тем, что здесь разные формы одного и того же слова при общем корне «*алба*».
420 — *Модон хара эмээлээ* — так сказано о седле, изготовленном из крепкого дерева.
468, 633, 1981 — *Найман дурөө дайдада* — по смыслу «страна восьми стремян». Отклонение в виде *дуруу* (1981 — *найман дуруу дайдада*) приведено в соответствие с общепринятым *дурөө*.
716 — *Хуху буриин* от сочетания *хухэ бури* «солончак». — В слове *хуху* отражено сказительское произношение, отличающееся от современного общепринятого написания *хухэ*.
870 — *Хаха мургун тулаба*. — В тексте слово *тулаба* (от глагола *тулаха*) ошибочно зафиксировано в форме *толобо*. Поскольку контекст не дает оснований для иного толкования, мы привели написание слова в соответствие с общепринятым *тулаба*.
1087 — *Мулуу мунгун туруугаар* от *мулуу мунгун туруу* «гладкие, блестящие копыта».
1154 — *дэгэлиим* от слова *дэгэл* — бурятская верхняя одежда.
1167 — *Далан уе харшидаа* — букв.: «на доску из семидесяти частей». Речь, по-видимому, идет о заборе, состоящем из множества пролетов.
1284 — *Һара мунгун Һаадагаа* — букв.: «колчан из лунного серебра»; говорится о колчане, украшенном серебром.
1306 — *Булган хара малгаяа* — букв.: «шапка из черных соболей».
1391 — У Ц. Жамцарано написано *бухэйн зэнээ-дли*. Хотя здесь в слове *бухэйн* стоит буква «х», по контексту речь идет об изюбре, т. е. должно быть *бугэйн*. Исходя из контекста, строку в бурятском тексте мы передали в современной огласовке: *Бугайн зэнээ-дли* (...Будто стрелу на изюбра).
1419, 1422 — *Юутхуулэжи талибал; барани юутхуулэжи гарабал*. — По смысловому наполнению наиболее близко к глаголу «*юутхуулэжи*» слово *зудхэхэ* со значением «тянуть, тащить», оно вполне может заменить архаическое, ныне не встречающееся *юутхэхэ*. Но поскольку оно дважды применено сказителем в процессе живого исполнения *улигера* и четко зафиксировано собирателем, мы сочли возможным сохранить слово в написании Ц. Жамцарано [25, с. 43]. Собиратель в книге дает вариантное написание данного слова — *юудхуулэжи*.
1597 — *Уляаһан дулаан тулеэе*. В публикации 1913 г. опечатка: вместо *улаһан* должно быть *ул'аһан*.
1738 — *Тохоногтоо хурсур шамабал-даа*. В публикации 1913 г. опечатка: вместо *тохоногсоо* должно быть *тохоногтоо*.
1804 — *Амаргалиин хаха харбан унагаагэйш* — сказано: рассеки стрелой шею. *Амаргали* — атлант, первый шейный позвонок.
1917, 1927, 1934, 1935 — *убэр*. — Во всех четырех случаях собиратель дает написание *эбэр*. Исходя из контекста улигерных отрывков, дающих это слово в значении «передний, юж-

ный» (ср. *эбэр* «рога»), мы привели написание слова в соответствие с общепринятым в современном правописании — *убэр*.

1920 — *Уушха улаан хулхэдээ* — букв.: «бронхи легких». Речь идет о внутренних органах человеческого тела.

1959 — *Тулеэндэ ошоһон мангашиин* — букв.: «поехавшие за дровами русские»; люди с возами дров.

2083 — *Һайхан хадаа нухур гэжи* — букв.: «красивых только». Переведено по смыслу контекста: «отмеченных судьбою».

2188 — *Арзалажи* от слова *арза* — молочная водка (см. Словарь непереведенных слов).

2190 — *Хорзоложи* от слова *хорзо* — молочная водка (см. Словарь непереведенных слов).

2198 — *Нэгэ тогооной арахи* — букв.: «водка, полученная из сырья объемом в один котел».

2496 — *Нэгэ ехэ туйсэдэ* — в одном туесе. Туес — посуда, коробка, изготовленная из бересты.

2776 — *Оноо.* В публикации 1913 г. опечатка: *оно.*

3005 — *Улаа малгай үгүлсэжи байбуу-ауу* — идиоматическое выражение, смысл которого «вступили в рукопашную схватку».

3299 — *Эгээн дээдэ захадан* — букв.: «на самое верхнее место».

5145 — *Буунтигээрын эмхилбэл* — букв.: «разбирали фунтами». Здесь заимствованное слово «фунт» получило бурятскую огласовку.

5242 — *Шулуун сагаан хэнишгэ* — букв.: «белокаменная книга». Речь идет о каменной плите.

КОММЕНТАРИИ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

15—16 — *Когда без поясов было легко, Когда без рукавиц было тепло...* — в улигере рисуется мифическое время, полное первозданной новизны, когда жизнь была легка, радостна и воспринималась как высший дар небесных сил. Земные блага в изобилии окружали человека, сама земля воспринималась древними людьми как родная обитель, как мать-земля (*улгэн дэлхэй*). Такое осмысление раннего этапа истории характерно для эстетики героического эпоса, воссоздающего в целом приподнятую, идеализированную картину человеческого существования.

19 — *Вслед за тем...* (*Тэрэ гэсэн бэеэрээ...*) — характерная для крупных улигеров традиционная формула, постоянно вводимая сказителем после завершения очередного эпизода, чтобы подготовить себя и слушателей к изложению следующего эпизода.

25 — *Как не сказать «ай!»* — (*...Аойн гэху бэлэй-лэ!*) — восклицание междометного характера, встречается дважды в улигерном запеве (стх. 25, 31), где повествуется о рождении и первых днях жизни эпического богатыря. Выражает чувство удивления и восторга картиной цветущего и раздольного мира.

48 — *Вот чудеса какие!* (*Ойн шанай ондо-ло*, вариант — *Айн шанай анда-ла* — стх. 54) — идиоматическое выражение, относящееся к древнему пласту фразеологизмов бурятского языка, ныне вышедших из употребления в разговорной речи. Рождение героя на лоне девственной природы и зарождающейся жизни на земле воспринимается как событие исключительное.

107 — *...Эсэгэ Маланом...* (*...Эсэгэ Малаан...*) — по мифологическим представлениям бурят, один из небожителей. В мифах и улигерах глава западных 55 *тэнгриев* или всех существующих 99 *тэнгриев.* Нередко изображается сыном Вечного Синего Неба, выражающим его волю и дарующим жизнь людям. В улигерах Эсэгэ Малан деятельно вмешивается в дела людей, герои часто обращаются к нему в трудные моменты жизни и призывают как небесного отца. Бездетные обращаются к нему с молитвой о даровании детей. Обычно изображается мудрым величественным старцем, живущим в прекрасном дворце в окружении множества слуг и помощников. Бур. *малаан* (букв.: «лысый») обрело значение «светлый», «сияющий», «яркий». Слово древнего происхождения, однокоренные формы его отложились в монголоязычном фольклоре (например, в бурятском: *малаан шара наран* «ярко-желтое солнце», т. е. «ярко сияющее солнце»), в ряде тюркских и индоевропейских языков, исторически сосуществовавших с монгольским [33, с. 10—25].

227 — *...Караульный русский казак поставлен...* — слово *казак* (бур. *хаһаг*) вошло в языки народов Сибири после присоединения ее к России казаками Ермака. Указание на «караульного казака» у ворот дворца Аламжи Мэргэна придает жилищу эпического богатыря вид крепости и ассоциируется в сознании сказителя с казачьими крепостями-острогами.

247—249 — *...Тридцать три базара... Триста новых лавок...* (*...Гушин гурбан базаараа... Гурбан зуунхан алаабхин...*) — в тексте улигера это наслоение поздних времен, когда буряты близко познакомились с рынками сибирских русских городов, с их торговыми рядами и обилием товаров. Популярное в бурятском фольклоре выражение «тридцать три базара» в данном контексте имеет значение «рынок со множеством торговых рядов». «Триста новых лавок», ведущих оживленную торговлю при большом стечении народа, воссоздают хозяйственные картины и бытовые реалии сибирской действительности XVIII—XIX вв.

259 — *..Ямщиков четыреста тысяч...* (*..Душин тумэн уртөөе...*) — общемонгольское слово *уртон* (бур. *уртөө*; монг. *өртөө*; калм. *өртн*) в значении «ямская станция», «перегонная почтовая связь», сохранившееся со времен организации регулярной ямской и почтовой службы

в средневековом монгольском государстве, в данном эпическом контексте выступает как «ямщик», что можно считать поздним переосмыслением, возникшим не ранее XVIII—XIX вв. Якутский тракт, проложенный через Кудинское и Верхоленское инородческие ведомства Иркутской губернии, был одной из самых оживленных магистралей, связывавшей центр Сибири, г. Иркутск, со всей северо-восточной провинцией Русской империи. Буряты Кудинской долины и верхнеленских улусов были приобщены к несению ямской и почтовой службы на этой государственной дорожной линии, имевшей важное экономическое и политическое значение как в целом для огромной страны, так и для судеб народов, населявших этот край [28, с. 289].

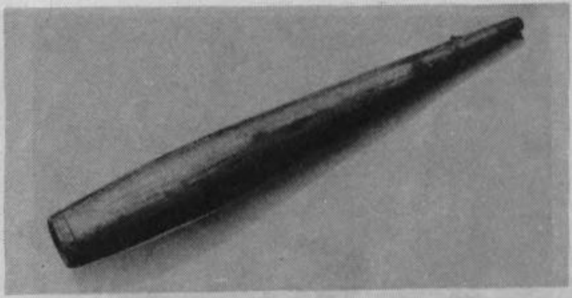
281—282 — *Ханом он стал Миролюбивых подданных...* (282—283 — *...Унаган хара албатуйн Хаанцин болжи зонхилбол*) — прямое значение бурятского слова *хаан* — «хан, царь, монарх». В данном контексте — «*батор*» (богатырь), самый главный предводитель, вождь. По древним представлениям бурят, отраженным в эпосе, «тринадцать ханов» (стх. 296) — это самые лучшие представители родов. В свою очередь, общемонгольское *хан* — исторический титул правителя удельного владения. Этот титул этимологически связан со значением «почитаемый, уважаемый, священный», отложившимся и в бурятском эпосе (например, в именовании Хормоса — небесного отца Гэсэра). Под «тринадцатью ханами», о которых говорится в улигере, понимаются «все ханы», «все предводители» земных ханств.

297—298 — *...Он родился главою Семидесяти трех родов* (*далан гурбан хэлэни* — букв.: «у семидесяти трех языков») — смысл данного выражения можно, несмотря на наличие конкретного количественного обозначения, передать словами «у множества племен и родов», поскольку в данном контексте слово *хэлэн* — «язык» — синоним понятий «род, племя». В этом примере реализован такой широко распространенный в улигерах прием, как поэтическая синонимия. Один и тот же образ (мысль) при повторном воспроизведении получает новое словесное оформление. В смысловом отношении такие синонимичные выражения могут совпадать или быть близкими друг к другу, что характеризует вариативные возможности языка эпических формул. *Далан хэлэн* — «семьдесят языков» — в широком смысле все многообразие «языков» живой природы, а не только человеческая речь. Здесь же имеются в виду не языки как таковые, а родоплеменные объединения, древние этнические общности, находившиеся в состоянии взаимных контактов. Возможно, некоторые из них были родственными по языку и культуре, имели общую этническую историю, как, например, бурятские роды, относящиеся к племенам эхирит и булагат. Эти племена, поселившиеся в Предбайкалье задолго до образования монгольской империи, представляли собой далекую периферию монгольского мира, создали самобытную материальную и духовную культуру [30, с. 386—387].

339—340 — *...Пестрые письмена На почтовой бумаге* (*Хара эрээн саарһаа Харъяса-ла зуруулба* — букв.: «На черно-пестрой почтовой бумаге») — подразумевается лист белой бумаги, испещренный строчками письма. Возможно, имеется в виду разлинованный лист бумаги или почтовая бумага, употреблявшаяся в прошлом для оформления и подачи прошений. Заполненная письменами бумага, пересылаемая обычно по почте или доставляемая нарочным, по улигерному сюжету содержит наказ или весть, имеющие важное, порой решающее, значение в развертывании последующих событий и поворотах эпической биографии богатыря. См. также коммент. к стх. 2598.

341—342 — *Он собрался отправить Почту скорую...* (*...Тургэн хулгээр боошотоё Гарагхаяа байнал-даа*) — рассказ о подготовке, составлении и доставке писем эпическим адресатам оформлен в улигерном ключе и в согласии с эпической масштабностью: письма готовят «множество писарей в пятнадцати конторах». Вместе с тем эта гиперболизированная картина содержит и детали реальной действительности: письма пишутся на «почтовой бумаге», письмена на ней выводят, «скрипя перьями», почта скорая отправляется в дорогу «с крепкой охраной». Можно предположить, что исторические воспоминания об *уртонах* (почтовой гоньбе) в далеком прошлом монгольских племен в улигерах своеобразно переплелись с реалиями современной сказителям жизни — с ямской и почтовой службами в XVIII—XIX вв. на территории Иркутской губернии, в частности с почтовой службой на Якутском тракте, в отправлении которой буряты принимали в прошлом самое активное участие.

380—381 — *...До плеча мужа дорос, Дотянулся до головы аргамака* (*...Эрын ээмду хурбэхэям, Аттайн арaанда хурбэхэям*) — часто встречающаяся в монголоязычном фольклоре типическая формула, посредством которой передано возмужание эпического богатыря, достижение им зрелого возраста. Эта рубежная черта в «биографии» Аламжи Мэргэна (и других улигерных героев) примечательна в том отношении, что с этого момента он берет на себя собственно богатырские обязанности по защите родной земли от посягательств чудовищ (*мангадхаев*) и иноземных захватчиков. Мужание эпических богатырей, отмеченных с рождения чудесным знамением, проходит очень быстро, и некоторые из них, например Гэсэр, уже в раннем возрасте совершают свои



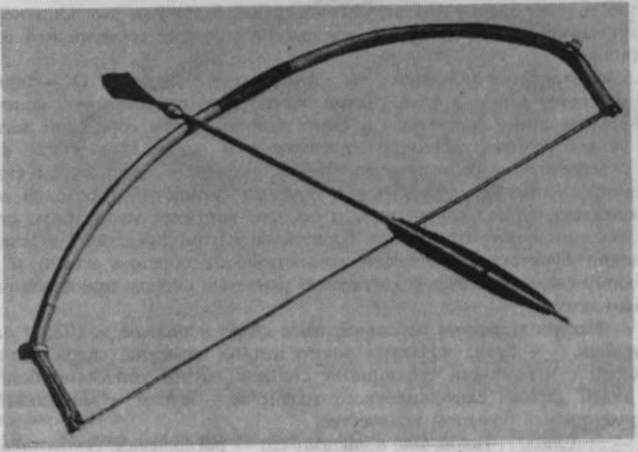
Охотничий манок.

первые подвиги. Именно эта мысль подчеркнута в словах «До плеча мужа дорос». Эпический герой выходит на дорогу странствий и борьбы в юном возрасте, еще не до конца окрепшим.

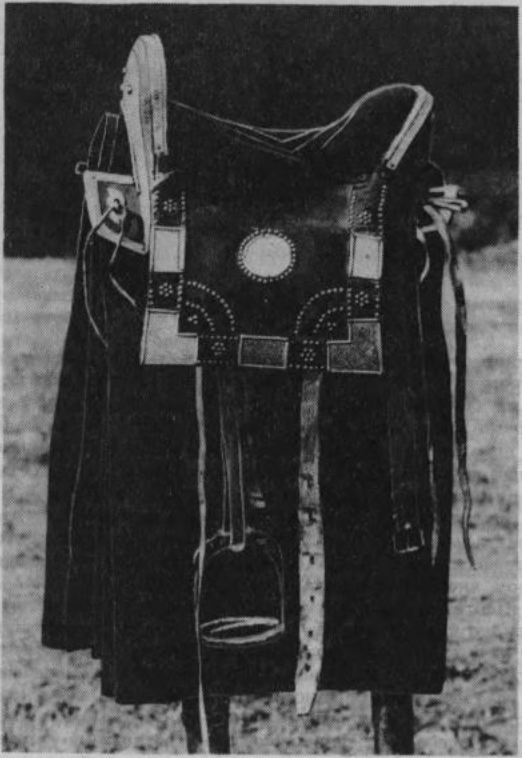
383—384 — ...*Не видать мне свежего мяса, По росистой траве не ступать* (*Шултэй юумэ узхэгүй, Шүүдэртэй ногоо идьхэ ёһомгүй!* — букв.: «Не видать мне бульонной еды, не есть росистой травы») — при сохранении общего смысла фразы здесь произведена замена глаголов (*не есть — не ступать*), чем достигнута большая логическая выстроенность эпической формулы и устранена механическая перестановка слов, допущенная сказителем.

467 — ...*Есть страна восьми стремян...* (*Найман дүрөө дайдада*) — земля «восьми стремян» может быть понята и как «восемь сторон земли» в связи с тем, что восьмерка выступала в прошлом как геометрическая эмблема Земли. Но в данном контексте мы имеем дело с попыткой обозначить посредством внешнего рисунка (седло, стремя) конкретное место на земле, хотя географически оно не идентифицируется, подобно абсолютному большинству топонимов в улигерах.

488 — *Заговорим его так, Чтобы черное море пенкой покрылось...* (*Уһан хара далайһаан Үрмэ байса хэлэе...*) — в полном виде эпическая формула в улигере звучит следующим образом: «И беседу вели так, что на чистой и полой воде образовывали пенку, на камне огромном и плоском растили траву» [1, с. 38]. Это образное выражение, неоднократно встречаемое во всех улигерах, обычно характеризует задушевную беседу близких людей или друзей после долгой разлуки. Здесь нашло рельефное выражение такое свойство поэтики улигера, как художественное преувеличение в качестве приема изображения в сочетании с культом слова. Слово в улигере



Лук и стрелы.



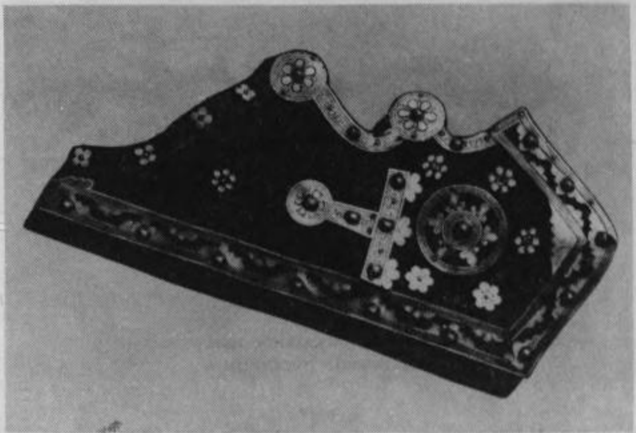
Седло.

имеет магическую силу и, будучи вещим, несет с собой благо или зло. Оно нередко опережает действие, словами могут быть предсказаны возможное развитие событий или ожидаемая судьба улигерных персонажей.

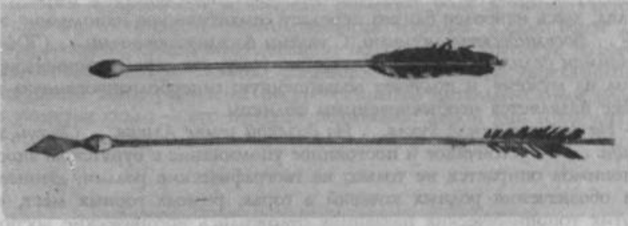
498 — ...*В многолюдную губернию*... (...*Дуурэн гэху губеэртун*...) — термин «губерния», фигурирующий в тексте, как и другие реалии этого ряда, представляет, конечно, позднейшее привнесение. Использованные сказителем в описаниях элементы городской застройки и детали хозяйственного уклада и быта воссоздают исторический облик Иркутска с его крепостными сооружениями, укрепленными башнями, торговыми рядами и т. п., каким его видели буряты прошлых поколений. Удивительно не то, что русский сибирский городской мир и ландшафт стали принадлежностью бурятского улигера, а то, что картины этого мира, столь разительные по контрасту с исконным патриархальным бурятским бытом, предстают в естественном соединении с собственно бурятским скотоводческо-охотничьим образом жизни и хозяйственными постройками. Улигер свидетельствует о достаточно раннем и скором приобщении западных бурят к оседлым формам жизни.

537—538 — *Накури тарасуна побольше, Мяса свари побольше*... (*Тогоо олой нэрэйши Тологой олой шанэйши*... — букв.: «Накури много котлов тарасуна, свари много голов животных») — в согласии с исконными традициями степной жизни эпический богатырь собирается угостить своих дядей дарами скотоводческого хозяйства — мясом и молочной водкой, причем свежего приготовления и в большом количестве.

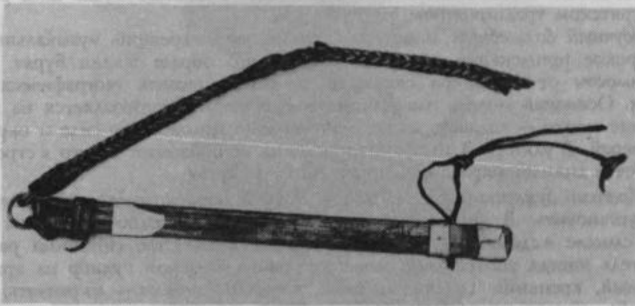
586—588 — ...*Стол*... *Такой, что потянешь его — растянется, Отпустишь его — сожмется* — раздвижной обеденный стол европейского типа, один из многих элементов русской бытовой культуры, воспринятых бурятами.



Колчан.



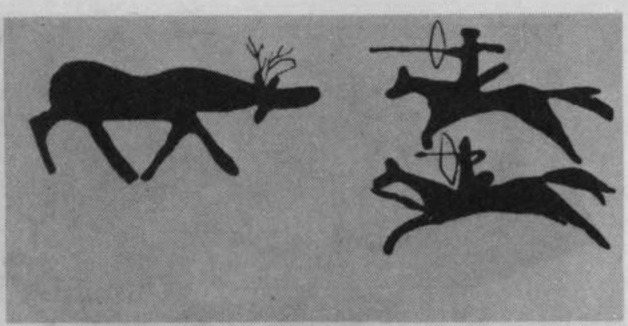
Стрелы.



Плеть.

593—594 — . . .*Водку разную — Всех девяти сортов* — речь идет о русской водке (*боодхо*) заводского производства, которая стала известна бурятам после вхождения Бурятии в состав России в середине XVII в.

658—659 — *Вместо волос пушок еще у меня, Вместо суставов еще хрящики. . .* — эпическая формула, неоднократно встречаемая в эпическом тексте, выражает мысль о том, что герой еще малолетний, не окреп, не возмужал.



Всадники на охоте. Наскальное изображение.
Шишкинские писаницы.

666 — *О, проклятие!* (*Атха, шутха* — букв.: «Пролей и влей») — идиоматическое выражение с архаическим содержанием, представляющее собой восклицание с порицающим смыслом и негодующей интонацией. В сочетании *атха, шутха* — интонация сожаления, недовольства положением дел, которое создается по ходу развития сюжетного действия. Выражение «О, проклятие!», на наш взгляд, здесь наиболее близко передает семантическое наполнение этого сочетания.

707—708 — . . .*Восьмидесятисаженный, С ушами восьмисаженными*. . . (704—705 — . . .*Наян алда бэетэй, Найман делим шихэтэй*) — подобно тому, как герой в эпических произведениях предстает «лучшим из мужей» и получает возвышенную гиперболизированную характеристику, конь богатыря тоже наделяется необыкновенным обликом.

715—718 — *На далекой земле Хухэя*. . . *На далекой земле Алтая*. . . (*Хухүй холо дайдада*. . . *Алтай холо дайдада*. . .) — устойчивое и постоянное упоминание в бурятском эпосе (и фольклоре вообще) этих топонимов опирается не только на географические реалии; данные названия употребляются и для обозначения родных кочевий в горах, родных горных мест, «родовых» гор. По-видимому, в этих топонимических названиях отложились исторические воспоминания бурят о своих первоначальных местах обитания до заселения Прибайкалья в IX—X вв. [28].

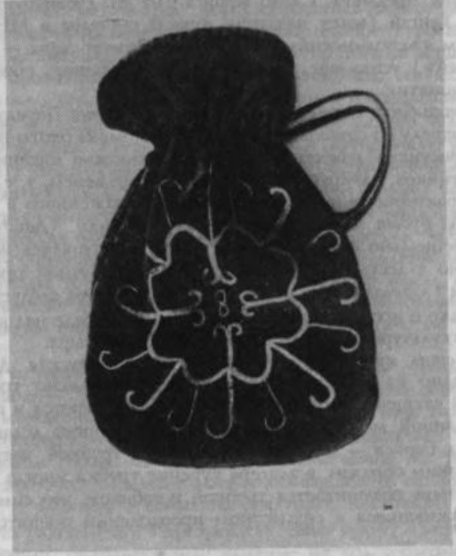
730 — . . .*В свои пятнадцать чуланов*. . . (Арбан табан шулаандаа. . .) — рус. «чулан», как и ряд других слов, вошло в лексический состав улигеров. В данном случае сама реалия не имеет эквивалента в бурятском традиционном быту.

736 — . . .*Звучный волшебный манок*. . . (бур. *урам*) — древний музыкальный инструмент, получивший широкое применение в период охотничьего образа жизни бурят. Бывает разной формы в зависимости от характера охоты на зверей в разных географических регионах и природных зонах. Основная модель имеет коническую форму, изготовляется из цельных кусков дерева. Назначение манка — издавать звуки, максимально похожие по силе и окраске на естественные голоса зверей. В улигере Аламжи Мэргэн манком призывает своего «стройного солового коня», пасущегося с дикими маралами в горах Алтая и Хухэя.

955 — . . .*Крепкий бухарский лук*. . . (958 — *Бухайр шара номоёо*) — точное значение слова *бухайр* трудно установить. В числе возможных толкований предпочтительным представляется «бухарский», в смысле «сделанный в Средней Азии». В качестве синонима рассматриваемого сочетания сказитель иногда употребляет словосочетание с заменой *бухайр* на архаичный эпитет *даньял* — «прочный, крепкий» (от тюрко-монг. корня *дангинаха* — «крепчать, усиливаться»). Словом «крепкий» переведен полисемантический эпитет *шара*, исконное значение которого «сияющий, ярко-желтый». В нашем примере *шара* указывает не на цвет, а является высшей экспрессивной оценкой богатырского лука. Археологами установлено, что в I тысячелетии до н. э. в Прибайкалье применялся лук центрально-азиатского типа. У этих луков роговые пластинки и сухожилия приклеивались на деревянную основу клеем. Такие луки были прочны и эластичны, отличались высокими боевыми качествами.

Трубка.

1138—1139 — *Он седлает коня Изогнутым серебряным седлом* — (бур. *эмээл*) — изогнутое седло появилось в древности и сыграло большую роль в жизни центрально-азиатских скотоводческих племен, в частности монголоязычных народов. Седла были двух видов: одни, более простые, предназначались для повседневного пользования, другие, с различными украшениями, — для праздничных выездов. Обычно старинное седло имело деревянный остов, передняя и задняя луки которого были украшены посеребренными металлическими пластинами с гравировкой. Часто в улигерах седло — это предмет почитания. Герой дни проводит в седле, а ночью спит, подложив его под голову.



Кисет.

1271—1273 — ...*Сапоги натянул, Из рыбьей кожи сшитые, Прочные, как сандал* (...*Загаһанай араһаар оёһон Зандан хара сабахяа Үлүмшидэз хубсалбал*) — в улигерах часто упоминается обувь из рыбьей кожи, что, по-видимому, является отражением реальных фактов использования бурятами в прошлом этого материала для изготовления обуви. Здесь может идти речь и о шкуре нерпы, поскольку нерпу, обитавшую в Байкале, буряты считали рыбой. Определение «прочные, как сандал», букв.: «темные сандаловые» (*зандан хара*) в бурятском эпосе обусловлено влиянием индийского эпоса через посредство тибетской и монгольской литератур. Слово *сабахи* (сапоги) заимствовано из русского языка.

1284 — ...*Колчан из кованого серебра*... — кожаный футляр для стрел, с лицевой стороны украшенный железными высеребренными пластинами. Лук укладывался в специальный футляр, который крепился на левом боку, а колчан — на правом. В обиходе ценились колчаны вместительные, вид их в улигерах уподоблялся «широкой долине». Это обычный для поэтики эпоса прием гиперболизации, однако созданный образ отличается точностью наблюдения.

1292—1295 — *Крепкие, гибкие стрелы, Годные десять лет, Твердые, гибкие стрелы, Годные двадцать лет* — стержень с заостренным наконечником, в древности и средневековье употреблявшийся для стрельбы из лука. Стрелы различались по внешнему виду (плоские продолговатые, трехгранные, конусообразные) и по характеру использования (на охоте, в бою, на состязаниях). У бурят имелись «поющие» стрелы, сходные с гуннскими, бронзовые и железные наконечники которых просверливались. У подобных трехгранных стрел (бур. *бахарган*) каждое крыло грани имело одно или два отверстия.

1333—1334 — ...*Она услышала, как свистнула Тугая плеть* (бур. *ташуур*) — плетка из кожаных ремешков, чаще всего плетенных в четыре ряда. Ручка деревянная. В улигерах играет преимущественно символическую роль.

1359 — ...*Удаляясь на юг от дома родного*... (...*Ара гэреэн урайгши* — букв.: «На юг от юрты, сзади оставшейся») — здесь передан тот смысл, что для человека, отправляющегося в любом направлении от «дома родного», последний остается сзади, за его спиной. Это указание «географической ориентации» проходит через весь бурятский эпос и характерно для калмыцкого «Джангара» и халха-монгольского разговорного языка, в котором «дом родной», «родная семья» — *ар гэр*. В зависимости от сюжетной ситуации и контекста данное сочетание может быть переведено и в прямом значении, указывающем местоположение дома, например «на север от юрты родной» (стх. 4311).

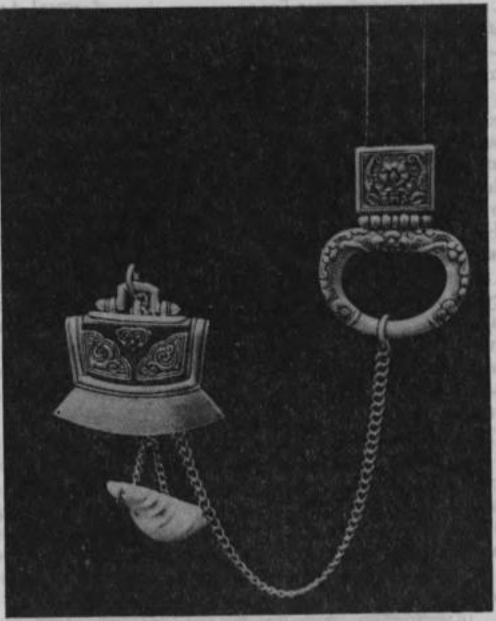
1387 — ...*Крепкую хангайскую стрелу* (*Хангай хара номоёо*) — имеется в виду средство, оберегающее жизнь героя. Эпитет *хангайский* — высшее выражение мощи и силы, своего рода предельная гиперболизация предмета. Слово происходит от древнебурятского названия духа — хозяина гористой тайги Хангай (ныне название горной системы в МНР) и передает значение, близкое к русским словам «исполинский», «могучий». Эпитет *хара* — «могучий», «огромный» (омоним *хара* — «черный») усиливает предыдущее слово Хангай, сообщая бо́льшую интенсивность выражаемого им понятия.

1391—1394 — *Оттягивает стрелу до наконечника, Будто стрелу на изюбра, Оттягивает ее до щеки своей, Будто стрелу на сохатого* — подобный момент охоты на лося запечатлен в одном из древних наскальных рисунков, известных как «Шишкинские писаницы». Этот рисунок, изображающий конных охотников, датируется курыканским временем, т. е. VI—X вв. н. э., и может быть использован для характеристики эпического мира, отраженного в бурятских улигерах.

1446—1447 — ...*Да будет здесь Священная бариса земли!* (*Дайдэйн ехэ бариса Эндэ байна!*) — бур. *бариса* — специально отведенное место, где совершались жертвоприношения духам. *Бариса* находились обычно в лесу, на горе, на краю улуса. Путник приносил здесь какую-либо жертву духам — хозяевам (*эжинам*) этих мест. Из текста улигера следует, что в древности *бариса* могли напоминать не только о происшедшей в данном месте победе над врагом, но и о каком-либо общественно значимом «культурном» деянии эпического богатыря.

1451—1453 — *Он стал курить, То поднимая ее, то опуская, Делая так подношение* — исполнителем описано одно из действий обряда *бариса*. Согласно традиционным верованиям бурят, путники, проезжая священные места, обычно останавливаются и совершают жертвоприношения духу — хозяину данной местности. Здесь Аламжи Мэргэн делает подношение табаком: он курит, совершая обряд *бариса* — магические движения трубкой, часть обряда общения богатыря с небом и землей. Таким образом, в улигере курение трубки иногда носит ритуальный характер. С другом своим богатырь обменивается трубкой и табаком, что символизирует особые отношения побратимства, сложившиеся в совместном преодолении препятствий и борьбе с общим врагом.

1456—1457 — *Впереди завиднелось что-то: С южной стороны показалась*... (...*Урда бэедэн харагдажи байбал-даа*) — обозначение пределов страны или владений эпического персонажа



Огниво.

высокими горами (часто характеризуемыми при этом как «суровые», «неприступные» и т. п.) — особенность монголоязычной эпической традиции. Взобравшись на гору на границе своих владений, богатырь обозревает окрестности на большом расстоянии и видит строения чужеземного хана или своего извечного врага — *мангадхая*. Герой проводит обычно ночь на вершине такой горы накануне решающего сражения с противником. Это связано с тем, что эпический богатырь постоянно устремлен к тому, чтобы не допустить чужеземного врага в пределы своей земли.

1488—1491 — *Дитя человека не может быть Больше самого человека, Шейных позвонков не может быть Больше шести! (Хүүнэйшье хүбүүндаа Хүүнһээшье үлүүгүйл, Хүзүүнэй ёргоон тооромиин Ёргоонһоо үлүү бэшил-даа!)* — смысл первой части эпической формулы в несколько иной форме можно передать словами: «Человеческий сын не сильнее человека». Здесь выражена мысль об относительности силы в ее конкретном проявлении и воплощенной в каком-то отдельном человеке. Данная эпическая формула представляет собой двухчастное пословичное выражение, построенное по принципу синтаксического параллелизма. Если содержание второй части формулы взято из мира живой природы, то первая часть, несущая главную мысль, подсказана наблюдениями над жизнью людей, устремлена на постижение и осмысление человеческих качеств. Истинность постулируемой мысли как бы подкрепляется бесспорной очевидностью содержания второй части формулы.

1495—1496 — *Что испугаться, Что на ногах не устоять — одинаково [может случиться]! (Айһаншье адали Алсайһаншье нэгэн-даа!)* — это идиоматический оборот с архаическим содержанием, смысл которого можно передать русским выражением «будь что будет». Здесь содержится предощущение приближающейся «роковой» встречи с противником.

1508—1509 — *. . .Умом своим все понял, Рассудком своим все распознал* (*Ухаан дуундаа ойлгобол, Мэдээн дундаа мэдэбэл*) — в монголоязычном фольклоре главные герои часто наделяются «даром провидения», т. е. знанием о событиях грядущих, настоящих и прошлых, участниками которых они не были. Эта способность «прозревать» свою судьбу «передана» героям эпоса добрыми небесными божествами, оказывающими влияние на ход событий на земле. Подобной же способностью наделены антиподы эпических героев — представители враждебного лагеря и *мангадхаи*.

1570—1573 — . . .*Даже пролившееся Голос имеет, оказывается! Даже засохшее Силу имеет, оказывается!*. . (*Атхарһанин шини Аняртай юумэл! — гэжи, Ширгэһэнин шинилдээ Шинээтэй юумэ! — гэжи-лэ*. . . — букв.: «Оказывается, всякое пролившееся имеет свой звук! — говорят, оказывается любое засохшее имеет свою силу! — как говорится. . .») — как и во всяком идиоматическом выражении с архаическим значением, подлинный смысл его не ограничивается только рамками предметно-осязаемого мира и внешними характеристиками вещей (явлений), о которых ведется речь. Как правило, содержание высказываемой мысли глубже. В комментируемом выражении речь на первый взгляд идет о каких-то безличных вещах, сначала о чем-то пролившемся, затем о засохшем. Между тем этими словами *мангадхай* выражает удивление силой и мощью Аламжи Мэргэна, который до встречи представлялся ему слишком молодым, неопытным и слабым противником. Но *мангадхай* все еще во власти ложного представления о нем, этим объясняется его высокомерное высказывание о своем грозном сопернике.

1778—1780 — . . .*Давай теперь испробуем Быстроту наших стрел, Меткость больших пальцев!* (*Һомоной хурдаар, Эрхэйн мэргээр Үзэлсэе!*) — это традиционная в бурятском фольклоре формула изображения способов испытания силы, ловкости героя и его противника (физической силы, меткости в стрельбе, резвости скакунов). В отличие от *эрхэйн мэргээр* «меткость большого пальца» *ээмэй хушээр* означает «силой плеч», т. е. испытание физической силы и мощи противников. К стрельбе из луков обычно переходят после единоборства в физической силе, которое часто не дает преимущества ни одной из сторон.

1815—1816 — *Пользуясь силой [целебных] трав, [Чудом] он встал*. . . (*Үбһэнэй үзүүрээр Үлхөжи бодолой*. . .) — образное выражение, передающее способность богатыря восстанавливать свои силы, возрождаться к жизни, несмотря на нанесенную противником смертельную рану. В мировоззренческом плане в основе воскрешений персонажей эпоса лежат древние взгляды, согласно которым человек при известных условиях способен возрождаться к новой жизни с помощью, например, живой воды и можжевельника. В анализируемом отрывке говорится об использовании богатырем целебной силы трав, питаемых жизненными соками земли и потому обладающих большой животворящей силой.

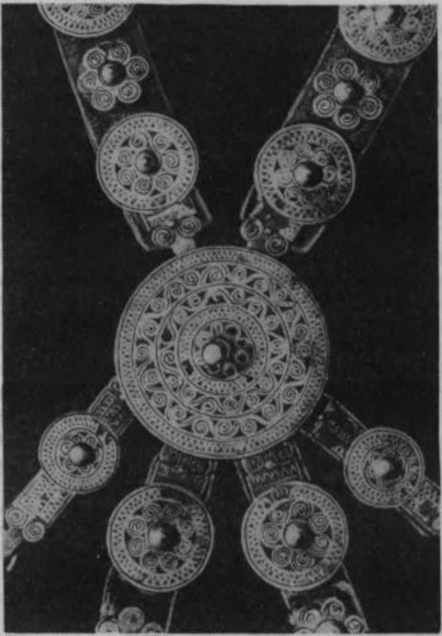
1980—1981 — . . .*Там, где восемьдесят восемь седловин, На земле восьми стремян* — в улигерах эпические персонажи при встрече обычно начинают знакомство со взаимных вопросов о том, кто в каком краю родился. Прежде чем вступить в какие-либо контакты с незнакомцем, богатырь должен узнать, с кем он имеет дело; в свою очередь, он сам представляется ему, описывая при этом образно и «крупными мазками» характерные ландшафтные приметы своей родины. Аламжи Мэргэн всякий раз в подобных ситуациях говорит, что он родился «на северной стороне», «в дальнем краю», холмы и седловины которого по географическим признакам близки к региону Южной Сибири и Саянского нагорья. Эта постоянно встречающаяся эпическая формула является поэтическим обозначением родины Аламжи Мэргэна, которая находится на дальней северной (восточной) стороне от места эпического действия (см. также коммент. к стх. 467).

2035—2036 — *Оказывается, я сумел победить Первого врага своего могучего* — в улигерах часто повествуется о первой битве эпического богатыря. Победа в бою, открывающем серию единоборств с грозными чудовищами, придает богатырю уверенность в своих силах, снимает с *мангадхая* ореол таинственности и непобедимости. Одолев «первого могучего врага», богатырь побеждает робость и страх перед своим извечным врагом и отныне встает на тропу борьбы с *мангадхаями* до победного конца.

2045—2047 — . . .*Он разрезал мизинец правой своей руки — Живую воду выпустил*. . . — для оживления трех парней богатырь добывает «воду бессмертия» из мизинца своей правой руки. В бурятском фольклоре распространено понятие *мунхэын хара уһан* — букв.: «вечно черная вода» в значении «живая вода», исцеляющая больных, оживляющая мертвых. Часто эпитет *хара* «черный» имеет усилительное значение. Богатыри улигеров, так же как и сказочные герои, часто берут эту «воду бессмертия» из родника, который находится в труднодоступном месте — «где человек не бывал и конь его не ступал».

2135 — *Заколдовал ее ножницами* — согласно древним представлениям, волосы — воплощение *сулдэ* («жизненного начала»). Заколдовав *мангадхайку*, Аламжи Мэргэн срезал ей волосы и тем самым лишил ее способности к деторождению. Ножницы в прошлом были не просто инструментом, а использовались в религиозно-обрядовых целях наряду с такими предметами, как посох, кнут, нож. Обладатели их могли совершать магические действия: воздействовать на судьбу человека, прервать нить его жизни, лишить здоровья и силы. Золоту и серебру приписывались чудесные свойства, и поэтому не случайно колдовские ножницы сделаны из этих драгоценных металлов. Предметы из таких материалов в улигерах характеризуются как самые красивые и прочные.

2146 — . . .*Плиту из белого камня*. . . (. . .*Шулуун сагаан хэнииэ*. . .) — словом *хэнииэ* — «книга» обозначена каменная плита с письменами на ней. Очевидно, это связано с воспоминаниями



Деталь конского снаряжения.

о каменных стелах, которые в древности воздвигались в степях Центральной Азии жившими в те времена племенами. Некоторые из этих памятников связаны с древней историей монголов.

2152—2153 — . . .*Его голова будет в земле, Локти его — под кнутом!* — человека, преступившего границы наложенного Аламжи Мэргэном запрета, наказывают кнутом: наказуемый лежит на земле, уткнувшись в нее лицом и закрыв голову от ударов кнута руками.

2256 — *Все буряты осудят меня. . .* (*Зонхон буряад хэлсэхэл*) — использованное сказителем сочетание «все буряты» имеет смысл «весь народ». Такое выражение достаточно распространено в речевом обиходе бурят. Сложилось оно, вероятно, в пору складывания бурятской народности из разных племен не ранее XVII—XIX вв. Это высказывание свидетельствует о зарождающемся национальном самосознании, с одной стороны, и высоком авторитете народного мнения — с другой.

2314 — . . *Два пестрых глаза его. . .* (*Алаг эрээн нюдуёо. . .*) — так описаны глаза героя, когда у него стало туманиться сознание от выпитого отравленного зелья. Пример экспрессивной образной характеристики, переносящей ощущение («пестрит в глазах») на внешний вид предмета.

2319—2320 — *От мяса мясо бывает, От бульона — бульон* (2319—2320) — *Миханаһаан михан байлайл, Шулуноһоон шулэн байлайл. . .*) — идиоматическое выражение, смысл которого можно передать словами: «У каждого человека есть свой предок, у всякого человека будут свои потомки». Эпический богатырь мыслит себя органической частью своего родоплеменного коллектива, звеном в неразрывной цепи поколений. И выпадение из этой «природной» цепи, нарушение естественных связей и преемственности поколений воспринимается эпическим богатырем как крайняя степень падения и отступничества от завещанных предками обычаев и традиций.

2352—2353 — *За трое суток Трехлетний путь пробегая. . .* (2352—2354 — *Гурбан ели газарһаа Гурбан суутхэдэ Гэртээ гуйжи ерэбэл-даа*) — обычная в монголоязычном эпосе характеристика качества богатырского коня. Иногда в улигерах встречается формула «Пролетел расстояние, что проезжают за целый день». Здесь имеется в виду расстояние, покрываемое за один день езды на коне, — старинная мера длины, принятая в фольклоре «степных» народов. Другой мерой длины пути в улигерах выступает *хараан*, буквальный смысл этого слова — «видимость», но со

временем оно стало употребляться в значении «верста». Обозначение и передача пространственных величин через временные отрезки являются исконной чертой эпического сознания.

2469—2470 — ...*Вверх поглядит — плачет, Вниз поглядит — рыдает* (2468—2470 — *Дээшээ харжи уйлаба, Доошоо харжи бархиржи һуугаа гээшин тэрэл-даа*) — традиционная эпическая формула в поэзии бурят, применяемая в тех случаях, когда герой (героиня) попадает в трудные обстоятельства. Несколько иная эпическая ситуация в улигере «Абай Гэсэр могучий» передана с помощью схожей формулы: «[Глянет вверх — Вдруг засмеется, Глянет вниз — Вдруг заплачет» [1, стх. 1619—1622]. Несомненно, перед нами варианты одной и той же эпической формулы, посредством которой передана крайняя степень внутреннего переживания героинь улигеров — Агуй Гохон в «Аламжи Мэргэне» и Санхан Гохон в «Абай Гэсэре». Такая перефразировка известной формулы не имеет противоположного значения, героиня и здесь удручена, расстроена, близка к бегству из дома мужа. В форме подобной антитезы (улыбнется — заплачет) отражено единство противоположных чувств и настроений, обусловленных крайними обстоятельствами жизни эпических героев. Формула получила широкое распространение в сказочном творчестве, в частности в волшебно-фантастических сказках.

2493—2494 — *Твоему телу в могиле покоиться, Твоим костям в степи лежать!* (2492—2493 — *Гэртэ гарха бэешни, Хээрэ байха яһаншни!*) — согласно древним воззрениям, место захоронения человека считалось его жилищем, последней обителью. Из текста видно, что сестра хоронит брата в горах Алтая. По обычаю тело умершего оставляли в расщелине между скал, придавливали его сверху камнями. Возможно, в данной эпической формуле отражено сращение этого древнейшего обычая захоронения с более поздним обычаем захоронения тела в земле.

2559—2562 — *Как же мне, догоняя, поймать Лису, лису быструю? Как же мне, рассказывая, досказать Улигер, улигер этот длинный?* (*Үнэгэнэй, үнэгэнэй хурадайе-дөө Үлдэжи, үлдэжи яажи хүсэхэ аабэй! Үлигэрэй, үлигэрэй хүбүүни утайе-дөө Хэлэжи, хүүнэжи хүсэхү ялалай-даа!*) — типичный образец так называемого «*сэг даралга*» (припева), который часто встречается в больших эпических сказаниях, подобных «Абай Гэсэру», «Аламжи Мэргэну» и др. «*Сэг даралга*» пелся улигершином, и его подхватывали слушатели (целиком или только восклицания). В «Аламжи Мэргэне» «*сэг даралга*» встречается несколько раз, завершая или предваряя какой-нибудь значительный эпизод, сюжетный поворот. Варьируясь, он принимает каждый раз новую смысловую окраску и одновременно выполняет новую конкретную сюжетно-композиционную функцию. В паузах наиболее распространенные и устойчивые «*сэг даралга*» в виде традиционных формул дружно подхватывались слушателями.

2598 — ...*Достала священную книгу...* (*Бурханай хиниг гаргаба*) — здесь имеем дело с фольклорно-эпическим осмыслением важнейшего завоевания цивилизации — книги, собрания знаний и опыта многих поколений людей. Бур. *хиниг* происходит от рус. «книга». Собственное название книги в бурятском (как и вообще в монгольских) языке — *ном*. В данном контексте отдано предпочтение другому, заимствованному, слову. Обращение к книге в конкретной сюжетной ситуации улигера выдержано в границах мифологического представления о сущностной стороне книжного знания («икры себе разрезает...», «раскрывает свой лоб»).

2600 — ...*Книгу Майдари вынула* (*Майдари хиниг гаргаба*) — книга Майдари — буддийская книга, сочинение которой бурятами-ламаистами приписывалось буддийскому пророку Майтрее. Привнесение такого названия в текст объясняется усилившимся во второй половине XIX и начале XX в. распространением буддизма-ламаизма по всей территории Восточной Бурятии и первыми попытками проникновения его в Западную Бурятию.

2702—2703 — ...*По крупу коня протягивает Подфею серебряную...* — деталь конского снаряжения — шлея, подхвостный ремень. Изготовлялась из кожаных ремней с прикрепленными к ним железными пластинками, украшенными филигранью.

2714—2716 — *Белосеребряную саблю, Закалив, она спрятала В оболочке своей печени* — эта таинственная «операция» входит составной частью в сложную систему подготовительных действий героини (облачение в необыкновенные одежды, закалка тела, схоронение души, приготовление чудесного оружия, снаряжение в дорогу солового скакуна), что носит ритуальный характер и преследует цель максимально обезопасить тяжкий путь богатырей (здесь богатырки Агуй Гохон).

2722—2723 — *Золотое зерно души Спрятала она в своем позвонке* — в основе религиозных верований древних предков бурят лежал анимизм — развитая система идей о душе, смерти и загробном мире, а также о сверхъестественных существах. Согласно анимистическим воззрениям, человек имел душу, которая представлялась духовной ипостасью человека (*һунэһэн*) в противоположность его материально-духовной сущности (*һулдэ*). Душа способна отделяться, «отлетать» от материальной оболочки (тела) и передвигаться в пространстве. Душа смертна, как и тело; смерть души неизбежно влечет гибель человека. В силу таких представлений сохранение души,

ее «золотого зерна» (*аминай алтан тооно*) становится главной заботой эпического богатыря, попадающего по ходу развития сюжетного действия в опасные ситуации [45, с. 244—248].

2730—2731 — . . .*Губы себе она пропитала Самым сытным жиром* (*Хорохойн емэд тоhэйе Хошуундаа-ла шингээбэ* — букв.: «губы свои пропитала червячьим жиром») — героиня вкусила этой еды перед походом, «чтобы десять лет всегда сытой быть». Можно предполагать, что с помощью этой формулы обозначена предварительная физическая подготовка героя перед дальней дорогой, требовавшей от него соблюдения некоторых обязательных, освященных традицией обрядов. В качестве фразовой синонимии используется выражение «рот свой напитал паучьим жиром».

3149—3150 — *Зовут меня Аламжи Мэргэн молодой!* (*Аламжи Мэргэн хубуун гээши Нэрэ солом байнал-даа!*) — приняв облик Аламжи Мэргэна, Агуй Гохон выступает от имени брата.

3381 — . . .*Закружил в девятиярусном небе. . .* (*Юhун гурум огторгойе эрьюулжи* — букв.: «Повернул девять сфер священных небес») — в бурятской мифологии и эпосе небо имеет несколько сфер — три, семь, девять. Эти нечетные цифровые обозначения обычно используются при характеристике неба в противоположность четным цифровым обозначениям Земли — четыре, восемь (см. коммент. к стх. 1981—1982).

3500 — . . .*Семислойная Замби-земля. . .* (*Долоон замби дайда-ла*) — в этой фразе отражены мифологические представления бурят о мироздании, согласно которым Нижний мир (подземный) имеет несколько слоев. Слово *Замби* в бурятском языке — заимствованное название земли как обители людей. Оно является первой частью санскритского слова *jambu-tvipa*. Джамбу «материк» — название одного из материков буддийской ойкумены («помещаемого» к югу от горы Меру) — Сумеру — мифического центра мироздания. По буддийским понятиям, рождение человека в Джамбудвипе (легендарном полуострове Индостан) — наиболее удачливое, счастливое.

3578—3579 — *Девяносто три моря Там, сливаясь, текут. . .* — самые большие водные бассейны, с которыми исторически были связаны буряты, — это озеро Байкал, река Ангара, впадающая в Енисей, река Лена (бур. *Зулхэ*), впадающая в Северный Ледовитый океан. У бурят искони существовало наименование Байкал-море (*Байгал далай*). Ангару и Енисей, в бассейне которых издревле проживали бурятские племена булагатов и эхиритов, называли *Мурэн* (большая река). Небольшая река называлась *гол* (*Идын гол, Оhойн гол*); речка — *горхон*. В данном контексте речь, по-видимому, идет о множестве морей, которые, согласно древним представлениям, имели те же свойства, что и реки, т. е. течь, выходить из берегов, сливаться между собой. На основе этих представлений и рисуется эпическая образная картина «слияния и течения девяноста трех морей» — в целом близкое к реальности описание необъятной массы воды, находящейся в вечном движении. Число «девяносто три» обозначает множественность природных явлений (морей), понимаемых как стихийная сила, противостоящая эпическому богатырю в его движении к цели.

3758 — . . .*Не мужем — сокровищем* (3757—3758 — *Эрэ бэши эрдэни Болоо гээши байбалдаа*) — словом «сокровище» переведено слово *эрдэни* (от санскр. *ratna* — «драгоценность, сокровище») общемонгольского распространения. Таким образом передан необыкновенный внешний облик эпического богатыря. В современной языковой практике слово *эрдэни* используется нередко в качестве собственного имени.

3761—3762 — . . .*Мужем [крепким] выглядел он, Румяным, красивым!* (*Хурин улаан шарайтай Эрэ гээши болобол-даа*) — определение «румяный, красный» (*улаан*) применительно к лицу персонажа многоаспектно. В нашем случае оно указывает на здоровый, цветущий вид эпического героя, подчеркивая его богатырскую красоту, здоровье, силу. Такое определение часто дополняется указанием и на признак «круглый, налитой» и в целом выражает древнее народное понимание красоты человека. Обычно определение *улаан* употребляется в сочетании со словом *хурин*, образуя единое семантическое целое, подчеркивающее богатырский облик эпического героя.

3888—3891 — . . .*Ударили в «северные» барабаны, Люд-народ собирая, Ударили в «южные» бубны, Южный народ созывая* (*Араяа барабаан сохёжи Амитан зоёо таталайл, Үбэрэй хэнгэргэйе дэлдэжи Үбэрэй зойе таталайл*) — развернутая эпическая формула, которая применяется сказителем в описаниях начала народных собраний и празднеств. По мнению А. П. Окладникова, бубен и его животный мембрант в Южной Сибири возникли очень рано и, вероятно, задолго до оформления шаманизма [50, с. 120]. Бубен (бур. *хэнгэрэг*) часто упоминается в улигерах и эпических произведениях тюркских народов Южной Сибири. Ударами в бубен (барабан) герои эпоса созывают свой народ. Из письменных источников (китайских, уйгурских) известно, что в I тысячелетии н. э. бубнами владели определенные люди — служители культа, сакральные вожди-предводители. В период возвышения монголов, в XII—XIII вв., бубны уже стали собственностью только шаманов и шаманок (см. [45, с. 187—189]).

3935 — *Как камыш молодой и гибкий. . .* (*Үе угэй хулаhаншиг* — букв.: «как камыш бессуставный») — использованное сравнение основано на тонком наблюдении, великолепном знании

природы: речной камыш, с которым сравниваются стан и походка суженой богатыря, не имеет в своем стволе коленец (в отличие от бамбука) и потому гибок, упруг, тонок и чутко откликается на всякое дуновение ветра, «колышется, изгибается» (*найгалзана, нахилзана*). Уподоблением героини гибкому камышу подчеркнуты тонкость стана, легкость походки, изящество движений.

3954—3955 — ...*В пружинящую приземистую карету На восьми серебряных колесах...* — анализируемый текст носит бесспорные следы влияния поэтики богатырской сказки, внесшей в первоначальный рисунок эпического действия элементы занимательности и нарочитого преувеличения. Такое понятие, как «карета на серебряных колесах», несомненно, является в улигере поздним образованием, обусловленным воздействием русской городской культуры в XVIII—XIX вв.

4390—4393 — ...*Там езжайте, Где я черту проведу, Там ночуйте, Где я круг обведу* (*Түөлөһөн, зураһан газартам Ябаха гээши байналта, Тухурёолөһөн газартам Хоноха гээши байналта!*) — «наставление» эпического героя спутникам, традиционное в бурятском фольклоре. В прошлом в кочевой жизни передвижение родовых групп обычно проходило по установившимся обычаям: впереди — предводитель, за ним следовали по оставленным пометам остальные родовичи. Отсюда выражение *түө зураха* — «проводить сплошную линию, черту». Место ночлега устанавливал предводитель, и путники располагались в центре круга, составленного повозками (отсюда — «Где я круг обведу»). Возможно, вторая часть формулы связана с древней магией: обведением круговой линии — оберега против нечистой силы.

4443—4444 — ...*Кто побежден врагом И обойден лончаком...* — героиня, удрученная картиной запустения родного гнезда, объясняет постигшее бедствие поражением в войне. Такое объяснение приоткрывает завесу над историческим прошлым, отраженным в улигере. Время того далекого прошлого было неспокойное, полнилось «шумом битв»; племена и объединения племен, соседствуя территориально, противостояли и наседали друг на друга; то пожинали плоды побед, то терпели неудачу, теряли свои родовые кочевья, стада, людей. Дело нередко оборачивалось потерей этнической независимости, уводом людей в плен. Имея в виду такое положение дел с родовым владением эпического богатыря, сказитель облекает мысль в образную форму — «обойден лончаком», подчеркивая тем самым крайнюю степень бедствия и горя, испытанного родиной и людьми Аламжи Мэргэна.

5198—5199 — ...*У самого старшего Из девяноста девяти дарханов...* — согласно бурятской мифологии, *дарханы* — «кузнецы» имеют небесное происхождение и восходят к небесному кузнецу Божинтою. В патриархальном бурятском обществе кузнецы занимали привилегированное положение, их ремесло было редким, ценилось очень высоко и передавалось по наследству. *Дарханский* род часто обожествлялся. Возвышение роли *дарханов* в родовой общине было обусловлено их ролью в производстве металлических орудий труда, снаряжений и украшений, что и объясняет наличие в бурятском эпосе высокого пиетета к носителям ремесла и существование своего рода касты дарханов. Археологические исследования свидетельствуют, что в Южной Сибири и прилегающих к ней районах Срединной Азии (где искони обитали и носители монгольской речи) металлургическое дело и металлообработка развивались с незапамятных времен. «Девяносто девять *дарханов*» могут быть общим обозначением бурятских дарханских родов.

5229—5230 — *Пока этот мир не рухнет И не родится другой...* (*Энэ галаби эмдэрсэ Тэрэ галаби тэхэрьсэ...*) — «*калпа*», по представлениям буддийской философии, — эра. Эры, согласно таким воззрениям, возникают и исчезают, последовательно сменяя друг друга в истории. По буддийской космологии, эры бывают разного типа и различной временно́й протяженности; мир чувств, к которому относится Земля, сейчас находится в «начальной длинной калпе». Буддийская космология, создавшая свою картину мира, объясняет жизнь в ее бесконечности и вечном движении [35, с. 85—97]. Идеи и образы космологии буддизма проникли в бурятский эпос через посредство тибетской и монгольской литературы, в частности ощутимо влияние монгольской книжной Гэсэриады. Естественно, такое заимствование стало возможным на почве собственных представлений о Вселенной и развитии жизни на Земле, являвшихся попыткой осмыслить общую картину мира и в чем-то перекликавшихся с некоторыми положениями буддийской космологии.

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

Ада — персонаж бурятской мифологии (ср. рус. злой дух, нечистая сила, бес).
Арза — молочная водка, полученная после вторичной перегонки.
Архи — тарасун, молочная водка.
Бариса — место подношения духам на горных перевалах, у дороги, обычно на путях кочевий бурят.
Батор (баатар) — титул предводителя у древних бурят. В этом слове подчеркнуты героическое начало, молодечество, удаль героя.
Дархан — кузнец, мастер.
Дэгэл — шуба, пальто.
Курунга (хүрэнгэ) — особым образом заквашенное молоко, сырье для *архи*.
Малгай — шапка.
Мангадхай — многоголовое чудовище, антропоморфное существо, олицетворение зла, бедствий, насилия, болезней и несчастий. Он в разных обличьях выступает главным антагонистом эпического богатыря.
Мэргэн — один из титулов вождя-предводителя у бурят в прошлом. Наряду с «батором», «хубуном», «ханом» этот титул является одним из компонентов имени эпического героя: Аламжи Мэргэн, Харасгай Мэргэн, Айдурай Мэргэн, Шандабал Мэргэн и др.
Онгон — дух-гений, божество, идол, по шаманским верованиям, хозяин местности, дух предков; изображение какого-либо божества, изготовленное из дерева, глины, шкурок и материи.
Тарасун — молочная водка.
Тоолэй (Төөлэй) — сваренная баранья голова, обычно подносимая почетному гостю.
Тороки — дорожные сумы всадника, при верховой езде приторачивались к седлу.
Турак (Тураг)— исполинская мифическая птица, часто упоминаемая в улигерах.
Хадак (хадаг) — шелковая материя, подносившаяся в качестве подарка гостям, а также употребляемая для разного рода ритуальных действий.
Хорзо — молочная водка, полученная после тройной перегонки.
Хубун (хүбүүн) — титул главы родоплеменного объединения у древних бурят.
Юрол (юрөөл) — благопожелание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абай* Гэсэр-хубун. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. — Ч. 1. — 230 с.: 1964. — Ч. 2. — 232 с.
2. *Айдурай* Мэргэн. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1979. — 126 с.
3. *Аламжи* Мэргэн: Бурятский эпос / Стихотвор. пер. Ивана Новикова; Вводная ст. и коммент. Г. Д. Санжеева. — М.; Л.: Academia, 1936. — 268 с.
4. *Арсеньев В. К.* По уссурийскому краю. Дерсу Узала. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985. — 576 с.
5. *Атлас* Забайкалья (Бурятская АССР и Читинская область). — М.: Иркутск: Б. и., 1967. — 176 с.
6. *Байгаскина А. А.* Эволюция стихотворных размеров и логика развития музыкальной формы казахской народной песни // Проблемы музыкального фольклора народов СССР. — М.: Музыка, 1973. — С. 126—146.
7. *Балдаев С. П.* Буряад арадай аман зохеолой түүбэри. — Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1960. — 408 с.
8. *Балдаев С. П.* Избранное. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. — 256 с.
9. *Агын* үльгэрнүүд / Подгот. к печати П. Б. Балданжапов. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. — 127 с.
10. *Бальбуров А.* Мы живем за Байкалом. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. — 145 с.
11. *Банзаров Д.* Собр. соч. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 374 с.
12. *Брук С. И.* Население мира: Этногр. справ. — М.: Наука, 1986. — 829 с.
13. *Бурятско-русский* словарь / Сост. К. М. Черемисов. — М.: Сов. энцикл., 1973. — 803 с.
14. *Буянтуев Б. Р., Раднаев Г. Ш.* Советская Бурят-Монголия. — Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1957. — 350 с.
15. *Бухү* Хара хүбүүн // Үльгэрнүүд. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. — 290 с.
16. *Виноградов В. В.* Эпос «Манас», его стих и напев // Музыка народов Азии и Африки. — М.: Музыка, 1980. — Вып. 3. — С. 158—212.
17. *Владимирцов Б. Я.* Монголо-ойратский героический эпос. — Пг.; М., 1923. — 255 с.
18. *Владимирцов Б. Я.* О Джангаре. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967. — 98 с.
19. *Герасимович Л. К.* Монгольское стихосложение. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. — 128 с.
20. *Далгат У. Б.* К вопросу идеализации эпического героя (на материале кавказского эпоса) // Специфика фольклорных жанров. — М.: Наука, 1973. — С. 146—171.
21. *Дамдинов Д. Г.* Улигеры ононских хамниган. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. — 273 с.
22. *Дугаров Д. С.* Бурятские народные песни: Песни западных бурят. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. — 206 с.
23. *Еренсей* / Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. — 206 с.
24. *Жамцарано Ц. Ж.* Образцы народной словесности монгольских племен; Эпические произведения эхирит-булагатов: Тексты. — Спб.; Пг., 1913, 1914, 1918. — Т. 1, вып. 1—3; Л., 1930, 1931. — Т. 2, вып. 1, 2.
25. *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. — 493 с.
26. *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. — 767 с.
27. *Забанов М. Н.* Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов. — Верхнеудинск: Б. и., 1929. — 36 с.

28. *История* Бурят-Монгольской АССР. — 2-е изд. — Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1954. — Т. 1. — 496 с.
29. *История* Бурятской АССР. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. — Т. 2. — 644 с.
30. *История* Сибири: Древняя Сибирь. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. — Т. 1. — 454 с.
31. Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Сер. II. — Спб., 1913. — № 2. — С. 28—96.
32. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника под названием Юань Чао Биши: Монгольский обыденный изборник. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — Т. 1. — 619 с.
33. *Кудияров А. В.* Художественно-стилевые закономерности эпоса монголоязычных народов // Фольклор: Образ и поэтическое слово в контексте. — М.: Наука, 1984. — С. 10—56.
34. *Кузьмина Е. Н.* Женские образы в героическом эпосе бурятского народа. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. — 160 с.
35. *Ламаизм* в Бурятии XVIII—начала XX века. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. — 235 с.
36. *Ленин В. И.* и возрождение Бурятии: Сборник. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. — 206 с.
37. *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. — М.: Наука, 1984. — 263 с.
38. *Лихачев Д. С.* Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства // Русское народное творчество. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. — Т. 1. — 539 с.
39. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.
40. *Мадасон И. Н.* Пеохон Петров // Абай Гэсэр. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. — 314 с.
41. *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. — М.: Наука, 1978. — 128 с.
42. *Мастерство* современных бурятских сказителей. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1978. — 136 с.
43. *Мелетинский Е. М.* О древнейшем типе героя в тюрко-монгольском эпосе // Проблемы сравнительной филологии. — М.; Л.: Наука, 1964. — С. 426—443.
44. *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники — М.: Наука, 1963. — 462 с.
45. *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. — 320 с.
46. *Намсараев Хоца.* Собр. соч. — Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1958. — Т. 4. — 500 с.
47. *Невелёва С. Л.* Мифология древнеиндийского эпоса. — М.: Наука, 1975. — 118 с.
48. *Новиков Иван.* О моей работе над бурятским эпосом // Аламжи Мэргэн: Бурятский эпос / Стихотвор. пер. И. Новикова; Вводная ст. и коммент. Г. Д. Санжеева. — М.; Л.: Academia, 1936. — С. 39—46.
49. *Образование* Бурятской АССР: Сборник архивных документов. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. — 270 с.
50. *Окладников А. П.* Из области древней культуры якутов // Сов. этнография. — 1946. — № 3. — С. 113—122.
51. *Описание* архива Хоца Намсараева. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. — 84 с.
52. *Петросян Арфо.* О героическом эпосе народов Советского Союза // Героический эпос народов СССР. — М.: Худож. лит. 1975. — Т. 1.
53. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. — Спб., 1881. — Вып. 2. — 88 с.; 1883. — Вып. 4. — 1026 с.
54. *Потанин Г. Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. — Спб., 1893. — Т. 1. — 568 с.; Т. 2. — 437 с.
55. *Поэтика* жанров бурятского фольклора. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. — 108 с.
56. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1946. — 340 с.
57. *Руднев А. Д.* Хори-бурятский говор: (Опыт исследования, тексты, пер. и примеч.). — Спб., 1913—1914. — Вып. 1—3.
58. *Санжеев Г. Д.* Народное творчество бурято-монголов // Лит. критик. — 1936. — Кн. 3. — С. 118—134.
59. *Санжеев Г. Д.* По этапам развития бурят-монгольского героического эпоса // Сов. фольклор. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — Вып. 4-5. — С. 58—67.
60. *Санжеев Г. Д.* Эпос северных бурят // Аламжи Мэргэн: Бурятский эпос / Стихотвор. пер. И. Новикова. — М.; Л.: Academia, 1936. — С. 7—38.
61. *Суразаков С. С.* Алтайский героический эпос. — М.: Наука, 1985. — 256 с.
62. *Туденов Г. О.* Бурятское стихосложение. — Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1958. — 166 с.
63. *Традиционный* фольклор бурят. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. — 158 с.
64. *Уланов А. И.* К характеристике героического эпоса бурят. — Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1957. — 171 с.

65. *Уланов А. И.* Бурятская унгинская версия «Гэсэра». — М.: Наука, 1960. — С. 1—8.
66. *Уланов А. И.* Бурятский героический эпос. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. — 220 с.
67. *Уланов А. И.* Бурятские улигеры: Исполнение. Композиция. Изображение человека. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. — 74 с.
68. *Уланов А. И.* Древний фольклор бурят. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. — 176 с.
69. *Улигеры.* — Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1956. — 164 с.
70. *Хамгашалов А. М.* Опыт исследования бурят-монгольского стихосложения. — Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1940. — 85 с.
71. *Хангалов М. Н.* Собр. соч. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. — Т. 1. — 550 с.; 1959. — Т. 2. — 442 с.; 1960. — Т. 3. — 421 с.
72. *Хомонов М. П.* Бурятский героический эпос «Гэсэр» (Эхирит-булагатский вариант). — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. — 186 с.
73. *Хомонов М. П.* Улигеры в исполнении Буры Барнакова // Бурятский фольклор. Сер. фил. — Улан-Удэ, 1968. — Вып. 8. — С. 62—76.
74. *Чагдуров С. Ш.* Происхождение Гэсэриады: Опыт сравнительно-исторического исследования древнего словарного фонда. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. — 272 с.
75. *Чагдуров С. Ш.* Стихосложение Гэсэриады. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. — 128 с.
76. *Шаракшинова Н. О.* Бурятский героический эпос. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. — 160 с.
77. *Шаракшинова Н. О.* Героический эпос о Гэсэре. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969. — 348 с.
78. *Шерхунаев Р. А.* Аполлон Тороев. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1964. — 76 с.
79. *Шерхунаев Р. А.* Сказитель Пеохон Петров. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969. — 93 с.
80. *Шерхунаев Р. А.* Певец земли бурятской. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 214 с.
81. *Эволюция* эпических жанров бурятского фольклора. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. — 125 с.
82. *Pallas P. S.* Reise durch Verschiedene Provinzen des Russischen Reichs, Dritter Theire. — St. Pb., 1776. — 760 p.
83. *Sanzheev G. D.* An Epic of the Unga Buriats-Mongolian Studies / Ed. by L. Ligeti. — Budapest, 1970. — 590 p.

SUMMARY

The heroic epos, popularly called "uliger", is the apogee of Buryat oral poetry. The epos represents the historic memory of the people expressed through heroic idealization. It is an art form which, in epic form, contains the group's understanding and evaluation of their past.

The uligers are long epic folk poems (from 5000 to 15000 lines of verse) which recount Buryat history, the long struggle of the ancestors for ethnic unity and integrity, as well as their relations with neighbouring groups. The uligers also recount how the Buryats gained their spiritual strength and found their historic fortune. The poems contain very specific epic reflections of reality expressed in standard plot structures with characteristic narrative forms and imagery. Thus, the uligers in concrete form reproduce the characteristic traits of folk cognition. Here the depth of the epic generalizations combines with the everpresence of vivid concrete incidents of the day—to-day or historic reality; the panoramic and multi-faceted scope of life is underscored by vivid sketches of the epic world and a myriad of realistic details.

In the recent past the uligers were widespread among all local groups across the entire Buryat territory. They were performed during both private leizure times and on ceremonial communal occasions. These epos were always iniversally recognized as the most superior among all other forms of oral poetry. While the people delighted in folk tales, they listened carefully to the uligers, which were considered to contain important truths about the past. The **Alamzhi Mergen** uliger in this volume, was recorded between August 18—20, 1903 by Tsyben Zhamtsaranovich Zhamtsarano, during his field work among the Kudin, Upper Lena, and Ol'khon Buryats, conducted under the auspices of the Russian Academy of Sciences. The recording was done during the course of a two day and two night performance of Elbon Shalbykov, a 53 year old Buryat in the Khandaa ulus, Buyanov family, Kapsal department (now known as the Ekhirit-Bulagat district, Ust'-Ordynsk Autonomous region, Irkutsk province). The uliger was first published in 1913 as a part of a new series **Examples of folk literature of Mongolian tribes**, Texts. Volume 1. (The Works of Buryat Folk Literature. Collected by Ts. Zhamtsarano. Part 1. Epic works of Ekhirit-Bulagats. Alamzhi Mergen. (Byliny). St. Petersburgh: Imperial Academy of Sciences Publishing House).

In his 1913 publication of the uliger, Ts. Zhamtsarano used the format of the five-line stanza, and the uliger contained 5297 lines of verse.

The performance of uligers always varied from region to region and this diversity reflected local narrative traditions. The art of the "uligershin" (performer) demanded high narrative as well as musical and singing skills. The telling of uligers also required fidelity to tradition and accuracy in recording and declaiming the ancestral text. This practice created folk confidence in the authenticity of the uliger contents. Because of this, the "uligershin", as a rule, strictly kept to the "canon" of the oral text, avoiding any digression or improvisation. At the same time, all of the great uligershins were, to a certain degree, poets, who valued the poetic merits of the uligers. These factors combined to produce distinctive variants of the uligers which differed in both the inclusiveness and detailing of the plot structure, as well as in poetic stylistics. In his performance, each uligershin thus continued the ethnic epic tradition as well as expanded and enriched it, to the best of his abilities.

The narrators were very popular performance artists who enjoyed wide respect and esteem. The listeners found abiding truths in the legends of "the ancient times" and in the heroic exploits of "the praiseworthy men of old". They delighted in the beauty of the uliger world and in the everchanging scenes of the heroic past generations. They also carefully listened to and repeated the metric verses and familiar intonations of the legends. In the past, the uligers were performed at set times and under suitable circumstances. Often this occured at leisure hours during the fall or winter evenings among a circle of neighbours. Both the uligershin and his audience prepared for such evenings and eagerly anticipated these encounters with the legends about "the deeds of long ago". The uliger performance was received very earnestly, with profound emotion, and considered to be very powerful and "purifying".

Scholars consider the Buryat heroic epos to be typologically older than the Turkic epos of Central Asia. The Buryat epos, like those of Central Asian and Siberian groups, reflects the elemental features of ancient social relationships present from the patriarchal tribal period system to the early period of state formation. The contents of the epos, which essentially glorifies military feats and guards ethnic autonomy, does contain numerous plots derived from ancient myths. The heroes do battle not only with foreign conquerors — the Khans — but also with demonic beings — "the mangadkhais". The heroic epos of the Central Asian and South Siberian tribes was preceded by various myths and legends about cosmogenic heroic giants. The epos arose as a heroic song recounting the feats of epic heroes. The texture of the uliger contains an interweave of more ancient hunting motifs with later themes of heroic match-making and battles with hostile tribes. The epos engenders meaning to ethnicity, one derived from past lives lived and experiences gathered by the group, as well as the people's expectations of the things to come. Academician B. Ya. Vladimirtsov noted that "the Buryat epopees are real epopees and . . . they could not have arisen suddenly, but must have formed slowly and slowly coalesced into those forms we now observe". For example, the uliger motif of the struggle with the mangadkhais — anthropomorphic beings — could have arisen in the context of trapping life of its creators.

There are two main themes in uliger plots: 1) the battle of the epic hero with the monsters and enemies; 2) the match-making and marriage of the epic hero, accompanied by the travel adventures and trials of the groom. The epic tale is permeated with the heroic perception of life: the ancient collective's resistance to the outside is expressed through the titanic battle with alien forces, a struggle which, from the onset, is the responsibility of the uliger epic hero (Mergen, Khubun, Bator). The epic hero's mission is realized through leaving his native land, and extensive travels through and residence in alien regions. Throughout this soujourn he is confronted with barriers and obstacles, each more perilous than the last, and with new enemies constantly taking the place of the vanquished ones. All these happenings hamper the hero's journey and keep him from reaching his goal. Behind the various journeys and trials of the hero, behind his struggles with hostile forces, and behind all the scenic descriptions, stands the ancient world in its full grandeur and severe primordial beauty. It is this world where the epic events take place: feats are accomplished, hostile strongholds taken, monsters and insiduous enemies vanquished.

The uliger epic world is full of bright colours and blaring sounds: the paths of the epic heroes and their eternal enemies — the mangadkhais — cross in the wide Tamshin steppe at the foot of high mountains. The struggle between them takes titanic, sometimes theomachistic form. Tribal kinfolk, heavenly deieties, and miraculous forces are drawn into the orbit of this mighty stand-off. The figurative world of the uliger is a rich and multifaceted one: the episodes involve not only the main hero but numerous other personages as well.

The epic Hero stands at the center of the **Alamzhi Mergen**. All the uliger action threads center around him. The epic Hero spends most of his time outside his native land, travels a great deal, and is constantly on the move. In a certain sense he spends his life in the saddle. His live unfolds in the outer world: he travels long and wide, meets a multitude of people and anthropomorphous beings the mangadkhais who personify the unknown, sometimes hostile, natural and social forces. With all the twists and turns of fortune, the Hero is almost never alone. Thus, he can not be seen as the lone hero. Alamzhi Mergen's journey to his bethrothed Bulad Khurai in a distant kingdom, and their subsequent marriage is more than an event in the personal biography of the Hero. It is rather a social event which concerns the interests of all his tribesmen. The happy completion of the wedding journey is a triumph for the whole world, and the newborn heir to the Hero is usually pronounced as the son of the entire kin group — tribe. His position and role amongst the tribesmen is expressed in the lines: "He was born a master of free lands, he established himself khan among subjects without a khan" (verses 290—293). He is the elder and the military chief of the tribal union. He takes upon himself the mission of resisting hostile forces and constantly strives to meet unbeckoned strangers outside his native land. The epic Hero is strong, manful and to a certain extent invulnerable. Although his enemies have enormous strength, huge stature, and great stamina and vitality, they pale before the Hero in mental prowess. Their spiritual essence and structure is more primitive. In his military feats, Alamzhi Mergen is quite close and related to Gasar, the main epic hero of Mongolian language epics.

Alamzhi Mergen's main feat is the battle with the 600-headed mangadkhai. Following the epic tradition, the confrontation takes place on a wide plain near a lone steppe tree. At first, neither side has an advantage in the combat, and it is only through the appeal for help to the heavenly genius-guardian Esege Malan-babai that the Hero can vanquish his fierce enemy. The mangadkhai's middle head is slain and the multi-headed monster "becomes a thing of another world". A similar fate awaits his wife as well. Alamzhi Mergen, however, falls victim to the betrayal of Khara and Shara Zutan. He is vanquished and passes on his role as a groom in heroic courtship to his sister Agui Gokhon. Following the customs of tribal society, ones espoused by the epic heroes, the sister sets off on a long and distant journey and, engaging in numerous battles, experiences the full hardships of the voyage. Leaving her native land (in the form of Alamzhi Mergen) she enters that majestic world which is filled with unknown mysteries, menacing natural forces, and hostile beings. This world has numerous seas, mountains climbing up to heavens, and animals and monsters galore. These are hostile forces which are capable of inflicting irreparable harm to the epic hero and of keeping him from fulfilling his destiny in life. This world, however, also contains friendly forces such as the great fish Burbot and the giant bird Eagle. The first helps the Hero cross the sea, the second carries him over the high mountain.

The epos reflects the essential truths of life: good and evil forces do battle in the world, there are friends and enemies — all are entangled into a tight knot and one needs great deal of valour and spiritual strength not to falter in the hour of trial and to overcome all obstacles with dignity. The uligers contain both totemistic and animistic concepts of the ancient folk. The personification of nature, the presence of anthropomorphic and zoomorphic personages, and the depiction of people found in the uligers — all reflect the different stages of a slow process of mastering the innermost meaning of life and of natural phenomena. In the uligers, all live beings, objects, and natural phenomena are endowed with sense and reason.

The sky and celestial phenomena occupied an important place in the folk consciousness of the distant past. In days gone by, people imbued the sun, the moon, the stars, snow, rain, thunder, and lightning with spirits. The heavens were perceived as a supreme being, both spiritual and material, who predetermined the flow of life as well as the nature of life on earth. In portraying celestial life, the uligershin recreated order on earth in accordance with the folk mores and customs.

The Hero's valiant steed occupies a special place among his helpmates. This horse is not only swift and enduring, but also endowed with a keen mind and a gift of human speech. The image of the slender light bay steed in **Alamzhi Mergen**, like that of the blue steed in the uliger **Abai Geser**, is an artistic interpretation within the folk tradition of the Mongolian and Turkic peoples (Aranzal in Kalmyk **Dzhangar**, and Tulpar in Turkic epos).

The hostile forces are depicted close to human form, but they retain animal features. Zoomorphic and anthropomorphic features are present on the portrayal of the mangadkhais — monsters with a multitude of heads and horns. They have varying numbers of heads — 13, 33, 67, 77, 108, 300,

500, 600 and 1008. Alamzhi Mergen vanquishes in battle a mangadkhai "...who had six hundred heads, sixty pole-like horns" (verses 1538–1539). The mangadhais are known for indomitable temper and rabid anger. They fight to the bitter end trying to vanquish the hero by any and all means. Their multiple heads symbolize the monster's might and vitality. They possess not only great physical strength but also magical powers. They are the eternal antagonists of the epic heroes. The Hero does battle with them to the limits of his endurance, sometimes perishing at the end. Although the contents of the uligers are filled with dramatic conflicts, battles, and losses in the epic hero's camp, the epos is also filled with life-affirming enthusiasm, optimism, and a joyous perception of life.

Spatial and temporal concepts are crucial to the understanding of the epic world. The constant travels of the heroes in the course of their quests along the cardinal axes is characteristic for the epos of the Mongolian peoples. The division of the world into polar opposites reflects the opposition of one's native land to all things foreign and more — the opposition of the human realm to the anti-human one. All the uliger action is projected into a sort of epic time which is seen as preceding the historic one. The epic time moves as if dependent on the major events in the lives of the heroes. Time as a real phenomenon can be seen in the epos through the integral perception of all the epic events. The poetic memory about "the beginning of time" is embedded in the uliger in the form of constant images depicting the pristinely beautiful happy world. The uligers are filled with motion, battles, and with the aspiration for a just order in life in accord with the ideal concepts of the tribal world.

The **Alamzhi Mergen** uliger is composed of a set of complete, large structural elements. A short prologue is followed by incipient action (the birth of Alamzhi Mergen, his coming of age), the development of action (the battle with and victory over the mangadhai, the defeat of the hero, his replacement by his sister Agui Gokhon, nuptual jouney to his bethrothed), culmination (resurrection of the Hero and marriage to Bulad Khurai, the trip home by the hero's sister, the punishment of Khara and Shara Zutan by the hero), and the epilogue.

Ts. Zh. Zhamtsarano highly prized the artistic merits of these epic treasures, their poetic style, underscoring "...the marvellous style of the uligers (e. g. **Alamzhi Mergen**)". In discussing the nature of narration in **Alamzhi Mergen**, he noted that "...in places, it expresses fairly strongly — the sadness, doubt, despair, and resolve of the heroes". Elements of the artistic style of the uligers are perfectly suited to the epic reflection of life. The most important feature of all folk-lore poetics and, in part, the poetics of the uligers, is the "...artistic variation — a successive reiteration of the same idea through different lexico-poetic means". This variation serves the same function in organizing the semantic and artistic contents of the composition as does initial alliteration in organizing the phonic composition. Figurative allegory — an artistic device whereby the descriptive poetic locution serves as a substitute for a common noun (or a proper name), is often used also. The model for this is the phraseological combination of words.

The use of common passages — stable literary formulas which are repeated, in variation, throughout narration — is characteristic for the style of **Alamzhi Mergen**. These "constant passages" include, first and foremost, song inserts (sag daralga) which are recited between major episodes. Variation in these inserts provides new shades of meaning to the composition, while their constant presence serves as a link between the different plot sections. The text contains statements such as "after that" which function along two lines: 1) to highlight a relatively autonomous episode or description in the narrative flow, and 2) to permit the uligershin to pause briefly during the long narration. The epic formula, to some extent, depends on the context within which it occurs. Because of this, in Russian it assumes more than one form of expression. These formulas, found repeatedly in the narrative, thus function both as "bearing supports" and as agglutinates which bind the verbal matrix of the uliger.

The epic depictive arsenal contains a multitude of poetic forms — tropes and figures. Metaphors and metonymies occur relatively infrequently. The metaphors present are most often undeveloped, simple, and with figurative meanings akin to metonymies. Many of the comparisons are metaphoric as well, in linking objects, often unexpected ones, through some features: "There is meat without a knife there, there is firewood without an axe there'; "When it was easy without belts; when it was warm without mittens" (verses 15—16). The epithets, in most part, are constant, often appearing as parts of attribute series. These epithets, together with the linked defining words, make up stable form sets and semantic units. The uligers also contain paired epithets constructed on a common figurative base. Such traditional epithets as "white", "black", "yellow", and "red", have their own artistic history. They contain not only colour semantics but often also convey emotions and judgements. The epithets "white", "red", "silver", and "gold", are positive determinants. Figurative parallelism occurs often in the verses as well.

The hyperbole is widely found in the uliger poetics, being used to convey excessive artistic exaggeration. This is because the epic world depicted is seen as one of primary creation, the epic heroes being glorified are considered to be god-like beings, and the battle between good and evil presented as a singular titanic combat.

The text of the uliger has a metrical structure grounded in recitation. Its semantic structure is constructed on the syllabic principle. Among the Buryat, the traditional performance of the uligers was sing-song in nature, with the melody and words forming a closed entity within which the text predominated. Ts. Zh. Zhamtsarano wrote that ". . .among the Ekhirit-Bulagat, the uliger is sung from beginning to end loudly and in a drawn out manner. Those present join in singing, echoing the words back to the narrator at specific times, e. g. at the meeting (ugtalga), during the stops (sey'i daralga), and during the farewell taking of the heroes (udeshilge)." Comparing the Ekhirit-Bulagat and Khorin performances of the epos, Ts. Zh. Zhamtsarano noted acapella singing of one melody, calling this phenomenon "an epic poem." This singing style differs considerably from the Khorin one, which Ts. Zh. Zhamtsarano, based on its multiple melodic themes, identified as "an epic drama".

Each uliger has its own individual melody. The recorder of the **Alamzhi Mergen** uliger underscored the refrain lines. This allows us to see them as segmenting features used by the recorder to separate out musico-poetic periods. In **Alamzhi Mergen** the length of these varies from 5 to 330 lines.

We can use the melodies of the Ekhirit-Bulagat epos, tape-recorded in 1962 by the Buryat folklorists S. P. Baldayev and M. P. Kholmonov during the performance of the Ekhirit-Bulagat narrator B. Barnakov, to hypothetically approximate the musico-stylistic specificities of **Alamzhi Mergen**. Most often B. Barnakov sings out the opening long sounds. We can assume that he could have sung the epic texts in a different melodic manner than did Elbon Shalbykov in performing **Alamzhi Mergen**. The identified features of uliger melodies allow us to imagine how E. Shalbykov would have sung the **Alamzhi Mergen**. An extant phonogram, recorded in the Kudin steppe from an unknown performer, shows that this performer, like B. Barnakov, "played with" the musical formulas he knew and left unchanged only the most general structural features of the melody. The performer appears to have been feeling out the main tune, and it is only during the closing phase that we can talk about a stylized musical formula. It is important to note that the uliger melody has the features similar to those of song melodies while, unlike song melodies, also retaining the principle of the recitative. The tune in the uliger is fairly mobile within the melodic formula. A comparison of the melodies shows that the Ekhirit-Bulagat epos developed within its own melodic tradition, one different from those of the song tunes. Its system of reference tones is stable in contains third, fourth, fifth, and, more rarely, sixth intervals. The rhythmics is also stable and occur in two forms which differ from each other only initially (the spondee and the pyrrhic). Ts. Zh. Zhamtsarano noted that the responsoring segments were very drawn out (e. g. ugtalgyn duun — the "call song", udeshelgyn duun — the "farewell song", and the sag daralga — the "pause filling song").

Overall, the music of the Ekhirit-Bulagat epos contains many archaic features. They impart a specific character to the melody which is expected to create a certain emotional atmosphere of harking and participation during the performance of the epic masterpiece.

The cognitive and artistic characteristics of the **Alamzhi Mergen** uliger reviewed above permit us to understand more fully the national specificity and originality of the Buryat heroic epos.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии 7
Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн». *М. И. Тулохонов* 10
О музыке эхирит-булагатского эпоса. *Д. С. Дугаров, Ю. И. Шейкин* 38

ТЕКСТ И ПЕРЕВОД

Аламжи Мэргэн хүбүүн Агуй Гоохон дүүхэй хоёр 56
Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон 57

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Сведения о тексте и принципах его публикации 283
Примечания к бурятскому тексту 285
Комментарии к русскому переводу 287

Словарь непереведенных слов 301
Список литературы 302
Summary 305

Научное издание

БУРЯТСКИЙ
ГЕРОИЧЕСКИЙ
ЭПОС
АЛАМЖИ МЭРГЭН

Редактор издательства *М. А. Лапшина*
Художественный редактор *В. И. Шумаков*
Технический редактор *А. В. Сурганова*
Корректоры *Е. Н. Зимина, Г. Д. Смоляк*

ИБ № 34996

Сдано в набор 14.03.90. Подписано к печати 4.03.91. Формат $75 \times 90^1/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского. Фотонабор. Усл. печ. л. 24,4. Уч.-изд. л. 20,2. Усл. кр.-отт. 25,6. Тираж 16 500 экз. Заказ № 222
Цена книги 6 р. 50 к. Цена комплекта 7 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское отделение.
630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука».
199034 Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

6р. 50к.

«НАУКА»